

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slaw 4241.1.25

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Идпелетло Унаиб просий Сикитца пелбик кибрас
дртб дртта обманбшастб иждртб дртта обидитб тто
пирб хдубе вайрбшастб дорбик ипипто дорбик
ттрадартб хдубе иждртб дрттб кибридь илхд со
обю совзепта ниманго нелитвртб дрттб дртта брттб

Обуе неодижитб кибрешке ваян дль новао ило =
Ракк по ктраволу Гау брттб невозможо понре
уряноо стх свои ула, Унаиб полу понравитца
тпани куритб, Сидубо тпани со укертт тпобже
вела Сибсикок Гау морт право Рухтб;

бдурл и постелтам мново тпани тароски
новл умбх вслопбиа вбшкмоу, амбве савши
квде бик даве тпобрем ктроттам ащев
место жарв тто ктркитбтамл мбтаев лса
бтамикне сблх.

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ПОГОШКОВА.

~~723~~
~~745~~
~~Fe 16~~
~~54~~

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ПОСОШКОВА.

ИЗДАНЫ,

НА ИЖДВЕНІИ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

МЕЖАЙДОМЪ ПОГОДИНЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Много Нѣмцы насъ ушлѣе науками, а наши остроумію по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно. (Слова Посошкова изъ донесенія Болрину Головину).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НЕКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1842.

Slav 4241.1.25

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Февраля 6 дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

По опредѣленію Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ. 1842 года Мая 31.

Членъ Комитета С. Шевыревъ.

КНИГА

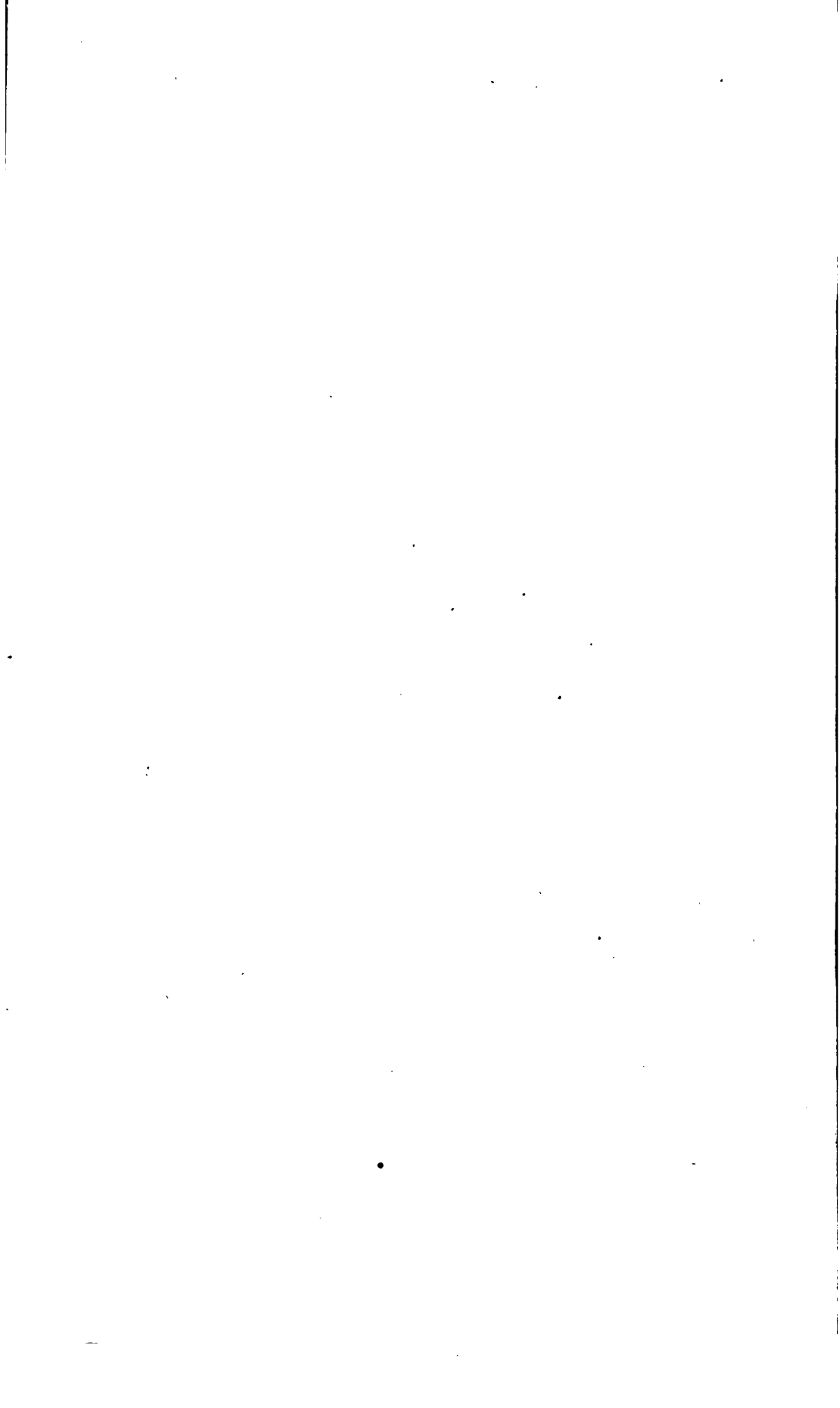
О

СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

СІИ ВЪСЬ ПЪЯТЪШЕШЕ,

ОТЪ ЧЕГО ПРИБАВЛЯЕТСЯ СКУДОСТЬ, И ОТЪ ЧЕГО

ГОНОВОМЪ БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крестянинъ Иванъ Посошковъ, жившій въ царствованіе Императора Петра Великаго, извѣстенъ былъ въ нашей Литтературѣ по тремъ краткимъ своимъ сочиненіямъ, или лучше запискамъ: 1, *О ратномъ поведеніи*, представленная Боярину Головину; 2, *О духовныхъ дѣлахъ*, Митрополиту Стефану Рязанскому; 3, *Наставленіе сыну*, отправленному въ путешествіе. Первая и третья напечатаны были вмѣстѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Г. Розановымъ, подъ заглавіемъ: *Россіянинъ прошедшаго вѣка*; а вторая К. Ѡ. Калайдовичемъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, въ 1814 году.

Новиковъ въ Словарѣ Русскихъ писателей (1783) сообщилъ извѣстіе, (повторенное Митрополитомъ Евгеніемъ), что Иванъ Посошковъ написалъ книгу *О скудости и богатствѣ*.

Счастливыи случай доставилъ мнѣ въ руки эту книгу въ числѣ прочихъ, купленныхъ Г. Ѡ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ, въ 1840 году, послѣ покойнаго И. И. Лаптева, извѣстнаго собирателя отечественныхъ древностей.

Подъ заглавіемъ, которое общаетъ читателямъ не болѣе какого нибудь нравственнаго разсужденія, сочи-

VIII

неніе Посошкова заключаетъ въ себѣ, какъ увидѣлъ я съ первыхъ страницъ, полное изслѣдованіе о состояніи Россіи во время Петра I, — и радость моя не имѣла границъ. Чѣмъ далѣе я читалъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся, что не было ни одного государственнаго вопроса, до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которомъ бы не думалъ, и не дошелъ до положительнаго мнѣнія. Многія важныя политическія мѣры, которыми прославилось царствованіе Екатерины II и Александра I, были предлагаемы уже Посошковымъ. Скажу болѣе: тѣ великіе вопросы, кои занимаютъ теперь Правительство, судя по разнымъ его дѣйствіямъ, напримѣръ о кодификаціи, о размежеваніи, объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, были за сто лѣтъ предметомъ размышленій великаго Русскаго Политика-самоучки; нынѣ предоставляются еще будущему времени, какъ-то обезпеченіе Духовенства, торговля обществами и проч.; съ другой стороны многія злоупотребленія, кои старается искоренить благодѣтельное Правительство, предупреждались его мѣрами, напримѣръ черезполосность. Родясь лѣтъ за пятьдесятъ до Политической Экономіи въ Европѣ, Посошковъ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями системы, а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни.

Нечего говорить, что нѣкоторыя другія мѣры Посошкова, напримѣръ о почтахъ, пыткахъ, казняхъ, и проч. въ теченіи времени обветшали, сдѣлались неудобными, вслѣдствіе измѣнившихся отношеній Россіи

внѣшнихъ и внутреннихъ, распространенія ея предѣловъ и вступленія въ систему Европейскихъ Государствъ, — и теперь имѣютъ только значеніе историческихъ достопамятностей.

Почитаю себя счастливымъ, что могу, при содѣйствіи просвѣщеннаго Начальства, издать вполне этотъ драгоценный историческій памятникъ, высокое произведеніе здраваго Русскаго смысла.

Долгомъ поставляю принести усердную благодарность и Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое приняло на свой счетъ издержки изданія. Принеся уже столько пользы отечественной Исторіи изданіемъ Свода Арцыбышева, Летописей Псковской и Супрасльской, дѣль по Мѣстничеству и многихъ важныхъ разсужденій, оно пріобрѣтаетъ теперь новое право на общую признательность любителей Исторіи.

Къ сочиненію О скудости и богатствѣ, я разсудилъ заблаго присоединить и прочія записки Посошкова, изъ коихъ двѣ сдѣлались уже библиографическими рѣдкостями, дабы въ этомъ изданіи публика имѣла вполне всѣ досель извѣстныя сочиненія Посошкова.

Прежде нежели предложу ихъ читателямъ, считаю нужнымъ, основываясь на нихъ, представить краткое изслѣдованіе объ жизни сочинителя.

Х

Посошковъ происходилъ изъ крестьянъ.

Въ донесеніи своемъ Боярину Головину, (о которомъ ниже) онъ говоритъ: «истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писалъ сіе, а не отъ достовѣрства; понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ,» и пр. (см. ниже с. 288).

Подъ донесеніемъ, которое было подано Митрополиту Стефану Яворскому послѣ 1703 г., и дошло до насъ въ подлинникъ, Посошковъ подписался: «убогій мірянинъ, села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ.» (с. 313).

Въ концѣ этого посланія онъ говоритъ также: «ей неученый есмь человекъ; къ сему же еще и земледѣлецъ есмь.» (с. 313)

Когда Посошковъ родился и когда умеръ?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать приблизительно, принимая въ помощь для соображеній годъ 1708, когда сынъ его отправленъ былъ въпутешествіе (с. 295): сыну вѣроятно было тогда около 20 лѣтъ, покрайней мѣрѣ не болѣе (с. 293), слѣдовательно онъ родился около 1690 года, слѣдовательно Посошкову отцу должно быть тогда не менѣе 20 лѣтъ, слѣдовательно онъ родился около 1670, и никакъ не послѣ, а можетъ быть ранѣе. Съ этимъ числомъ сходятся хорошо и прочія: въ 1701 году Посошковъ могъ, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, представлять свое донесеніе Головину, а въ 1724 г. написать сочиненіе О скудости и богатствѣ, имѣя отъ роду около 55 или 60 лѣтъ, если онъ женился 30, и родился въ 1665 году. Умеръ же онъ послѣ

1724 года, въ которомъ былъ еще въ полной силѣ души и тѣла.

Гдѣ онъ жилъ?

О селѣ Покровскомъ, котораго крестьяниномъ онъ называетъ себя въ 1703 году, нельзя сказать ничего достовѣрнаго, но въ последнее время, то есть около 1724 года, когда Посошковъ писалъ книгу О скудости и богатствѣ, онъ жилъ безъ сомнѣнія около Новагорода, куда часто ѣздилъ, какъ видно изъ книги, близъ посада Устрики, который встрѣчается у него еще чаще. Это селеніе находится на озерѣ Ильмень, въ 20 верстахъ отъ Старой Русы, и 100 отъ Новагорода, что случилось мнѣ узнать во время послѣдней поѣздки въ Петербургъ, отъ Новгородскихъ крестьянъ.

Вотъ еще одно собственное имя, служащее указаніемъ его мѣстопребыванія: «въ прошломъ 719 году ѣдучи къ себѣ на заводъ,» говоритъ Посошковъ, «на Держковомъ волоку» (с. 165) и проч. Держковъ волокъ въ 60 верстахъ отъ Боровичей къ сѣверу, какъ я слышалъ отъ нихъ же.

До 1700 года Посошковъ подавалъ какой-то проектъ финансовый, о денежномъ дѣлѣ, о коемъ упоминается въ донесеніи боярину Головину (см. ниже с. 282).

Въ 1700 году, какъ видно оттуда же, Посошковъ представлялся въ Преображенскомъ, на Сержантскомъ дворѣ, Императору Петру I, который «изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ (ему), чтобъ сдѣлать рогатки огнестрѣльныя въ три ряда» (с. 268), и проч.

Въ 1701 году Посошковъ написалъ предложеніе Боярину Федору Алексѣевичу Головину о *ратномъ поведеніи*.

Неизвестно, какой успѣхъ имѣло это предложеніе. Вѣроятно никакого, ибо онъ многія изъ своихъ мыслей повторяетъ опять въ книгѣ О скудости и богатствѣ. Еслибъ оно имѣло успѣхъ, то Посошковъ не преминулъ бы упомянуть тамъ, къ чему имѣлъ много поводовъ. Молчаніе его убѣждаетъ въ противномъ.

Изъ этого донесенія видно также, что рогатки, заказанной ему И. Петромъ I онъ не представлялъ еще тогда Государю, ибо говорить въ донесеніи: «и буде доволишь тотъ образчикъ объявить.» (с. 268), и проч.

Однакожъ Посошковъ сдѣлался извѣстнымъ, и въ 1708 году сынъ его посланъ былъ въ чужіе края для ученія, по повелѣнію Императора Петра I, (с. 293).

Въ десятихъ годахъ Посошковъ написалъ *отеческое заступательное поученіе*, изъ котораго видно, что онъ имѣлъ уже тогда порядочное состояніе, и могъ давать сыну по 100 ефимковъ, или гульденовъ по 150 Голландскихъ, что составляло около тысячи рублей тогдашнихъ. (с. 299).

Въ время сочиненія О скудости и богатствѣ, т. е. въ 1724 году Посошковъ имѣлъ уже самъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ заводъ* съ приписанными людьми** и землею.***

* «Въ прошломъ 719 г. здучи къ себѣ на заводъ. (с. 163)

** «У меня человекъ пять шесть сбѣжало прошлаго 722 года.» (с. 96)
«Мой человекъ поймался за лошадей мою (въ военномъ обозѣ), то лошадей у него отняли, да его же Капитанъ Мавриць высекъ богами.» (с. 44)

*** «Кто емь я, да и за мною съ полтора года четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ вѣхъ Великому Государю ни малаго.» (с. 205)

Въ 1719 году онъ подавалъ еще просьбу Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну о позволеніи построить заводъ винокуренный, и взять водку на подрядъ, но получилъ отказъ, и былъ даже посаженъ въ тюрьму, что и выставляеть примѣромъ произвольныхъ наказаній со стороны судей. (с. 48).

Посошковъ нашель еще гдѣ-то сѣру, и по причинѣ крайней нужды правительства сообщилъ о своемъ открытіи Князю Борису Алексѣвичу, который обѣщаль наградить его за эту Государственную услугу такъ, чтобы ни дѣтямъ его, или внучатамъ прожить не довелось, но далъ только 50 рублей, чѣмъ Посошковъ очень обижался (с. 153).

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько открытій, не принесшихъ ему однако же никакой пользы: «И у меня вымысловъ пять-шесть было нажиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что.» (с. 142).

По всѣмъ симъ показаніямъ мы видимъ, что въ послѣдніе годы Посошковъ имѣлъ порядочное состояніе, приобретенное безъ сомнѣнія трудами и оборотами.

Въ этомъ-то смыслѣ и говорить онъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ: «и я еще и не весьма послѣдній человекъ, а суда не испыталъ, какой же сыщеть судъ кто мизиряе меня?» (с. 35) А въ другомъ, что въ селѣ Устрикѣ попы, *поопасаясь* его, отслужили двѣ обѣдни на святой недѣль вмѣсто одной, какъ это у нихъ бывало прежде (с. 27).

Впрочемъ онъ не пользовался никогда особенною

XIV

значительностію, и подвергался очень часто всякимъ оскорбленіямъ, хотъ и называетъ себя не послѣднимъ человѣкомъ. Мы видѣли, что Князь Голицынъ сажалъ его подъ караулъ (с. 48).

Въ 1721 году Капитанъ Невельской опечаталъ было все его имѣніе, и выгналъ его съ квартиры въ Новѣгородъ, по той только причинѣ, какъ говоритъ онъ, что его хозяинъ «приличился въ свидѣльствѣ» грозился выбросить все животы на улицу, а жену, которая поупрямилась было оставить домъ, грозился «выволочь за косу.» «Жена моя» говоритъ Посошковъ, «убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше двухъ недѣль скиталась.» Воевода Князь Юрій Яковлевичъ Хилковъ едва упросилъ Капитана снять печать и свести караулъ.

Вотъ еще подобный случай:

721 года Полковникъ Дмитрій Ларіоновъ сынъ Порецкой, говоритъ Посошковъ, «будучи въ Новѣгородѣ въ канцеляріи провинціального суда, бранилъ меня скверною бранію, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу. И за что посадить хотѣлъ, вины своей не малыя не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, токмо былъ тутъ нотаріусъ, Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова отъ нотаріусъ и приказные подьячіе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судіямъ челобитную, что въ брани и въ похвальныхъ словахъ его полковника допробить, и онъ

Порецкой въ допросъ не пошелъ. Я де судимъ въ военной коллегіи, а у насъ де въ Новгородъ отвѣчать не буду (с. 35).»

Эта незначительность видна изъ того, что онъ не могъ дойти до Кабинетъ-секретаря Г. Макарова съ однимъ своимъ предложеніемъ. «Въ 718 году написалъ я доношеніе Е. И. В. о новоначинающихся деньгахъ... И для поданія приходилъ я къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщиками не могъ получить, еже бы то доношеніе его милости вручить, и побѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ курьеру (?) Егору Сергѣеву, который въ домъ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему; и вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу или нѣтъ, прото то не вѣмъ, или самъ прочелъ не вѣмъ (с. 251).»

Курьеръ Макарова былъ вождельнымъ Меценатомъ для нашего политика!

Замѣчательно, что сына своего онъ готовилъ въ духовное званіе, и даже думалъ, что тотъ могъ бы сдѣлаться Архіереемъ (с. 19). Что могло побудить его къ избранію такого рода жизни для сына? Думалъ ли онъ указать сыну путь, гдѣ тотъ наиболѣе могъ принести пользы отечеству?

Сочиненіемъ книги О скудости и богатствѣ Посошковъ занимался три года «утаенно отъ зрѣнія людскаго,» и кончилъ его, какъ видно изъ окончательнаго обра-

XVI

щенія къ Императору Петру I, Февраля 24, 1724 года (с. 259).

Почему далъ ему такое частное названіе, не соответствующее общему содержанію? Можетъ быть для того, чтобъ съ перваго раза возбудить любопытство и привлечь вниманіе Государя, какъ къ предмету самому важному и нужному въ государственномъ управленіи, преимущественно же при обстоятельствахъ того времени.

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣло оно. Нельзя даже сказать навѣрное, нашелъ ли Посошковъ случай представить его Государю, или оно осталось также у него въ рукахъ, какъ и предложеніе Кабинетъ-Секретарю Макарову, до котораго онъ не могъ дойти «за многими караульщиками.»

Припомню, что сочиненіе написано 24 Февраля 1724 года, слѣдовательно только за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Императора Петра I.

Посошковъ написалъ еще нѣсколько разсужденій, о коихъ упоминается въ этихъ, но онѣ видно пропали, или скрываются въ какихъ нибудь книгохранилищахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ заглавія или предметы: 1, денежное письмо, (с. 282) 2 отеческое наставленіе сыну, кажется между прочихъ о обязанностяхъ Духовенства, (с. 18) 3 о винной продажѣ и питейномъ сборѣ, 4 донесеніе о новыхъ деньгахъ, 1719 года (с. 256).

Примѣтно вообще, что онъ любилъ писать, и при всякомъ случаѣ или поводѣ никакъ не могъ утерпѣть, чтобъ не предложить своихъ мыслей, съ которыми обращался вездѣ: къ Митрополиту Стефану Яворско-

му, къ Боярину Головину, къ Кабинет-Секретарю Макарову, и наконецъ къ самому Императору Петру I,— и кажется по большей части безъ успѣха. *

Въ этомъ заключаются всѣ извѣстія о жизни Посошкова, важныя и неважныя, кои собрать можно изъ его сочиненій. Развѣ прибавить, что Посошкову случилось быть, неизвѣстно по какимъ дѣламъ, во многихъ странахъ Россіи. Мы замѣтили уже, что онъ ѣздилъ часто въ Новгородъ, (с. 70, 92, 116, 201, и проч.) Видно также, что онъ бывалъ въ Пензѣ (38), Мценскъ, Черни, (177), Алексинъ (с. 901) на Ладожскомъ озерѣ (210), въ Москвѣ, (29) въ Петербургъ (с. 41, 211), былъ кажется иногда употребляемъ правительствомъ, (с. 34), напри-
 • мѣръ при отысканіи мастеровъ для чеканенія денегъ, (с. 213) для дѣланія пороха, (153) и пр., и находился въ различныхъ сношеніяхъ со многими извѣстными лицами его времени: Княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, Княземъ Юрьемъ Ярославскимъ Хилковымъ, Господиномъ Корчмивымъ, кромѣ Боярина Федора Алексѣевича Головина.

Семейство его составляли: жена, единственный сынъ Николай и нѣсколько родственниковъ.

---

* Страшенъ мнѣ сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презрѣвая моя горячесть повудила мѧ на сіе дѣло: Богъ бо мнѣ свидѣтель, что не ради какого поисканія или прибытка желая себѣ, но токмо сама ради любви, юже имѣю къ Е. И. В., ибо я отъ юности своя бѣхъ таковъ, и *лучши ми каковую либо пакость на себѣ понести, нежели видѣти что не полезно умолчати* (с. 215).

XVIII

Впрочемъ лучшая біографія Посошкова есть его сочиненія. Тамъ онъ весь съ своими понятіями, мыслями, чувствованіями. Читая его, видишь во всякой страницѣ, что онъ былъ напитанъ страхомъ Божиимъ, и преданъ отъ всей души Христіанской Религіи; сознавалъ человѣческое достоинство, любилъ всѣхъ людей, и заботился объ ихъ счастіи не только въ сей жизни, но и будущей; уважалъ книжное ученіе, то есть просвѣщеніе, образованіе, и почиталъ оное главнымъ условіемъ всѣхъ гражданскихъ успѣховъ; пламенно любилъ отечество, былъ преданъ неограниченно и безусловно Верховной власти въ лицѣ Государя, зналъ, понималъ всѣ способности Русскаго человѣка, и терпѣть не могъ, или покрайней мѣрѣ не имѣлъ никакой довѣренности къ иностранцамъ.

Замѣтимъ еще остроуміе и пронию, Русскія свойства, кои часто проглядываютъ у него въ сочиненіи, не смотря на важность предмета, и наконецъ, при всей скромности, самолюбіе, которое обѣщало ему счастье и благоденствіе Россіи, въ случаѣ, еслибъ принята была «его девятирица»

Касательно образованія, онъ говоритъ о себѣ: «азъ весьма мизирень и ученію школьному неискусень, и како по надлежащему достоить писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой простецъ есмь.»

Это повторено и во многихъ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ онъ былъ свѣдуць въ книгахъ Священнаго Писанія, и вообще слишкомъ любознательнъ, такъ что

не оставлялъ безъ вниманія и разсужденія ни одного предмета, который ему представлялся.

Касательно ученой части его сочиненій, предоставляю подать голосъ Профессорамъ Политической Экономіи и Юриспруденціи. Пусть они по безпристрастномъ разсмотрѣніи назначать ему принадлежащее мѣсто въ Исторіи своихъ наукъ, и воздадутъ подобающую честь.

Объ изложеніи. Главное раздѣленіе въ книгѣ О скудости и богатствѣ на девять главъ сдѣлано очень основательно, и обнимаетъ всѣ части государственнаго управления: 1 о Духовенствѣ, 2 о военныхъ дѣлахъ, 3 о правосудіи, 4 о купечествѣ, 5 о художествахъ, (о промышленности мануфактурной), 6 о разбойникахъ, (объ уголовномъ дѣлѣ), 7 о крестьянствѣ, 8 о дворянствѣ и землѣ, 9 о царскомъ интересѣ. Но въ каждой главѣ порознь мысли иногда слѣдуютъ не въ строгомъ порядкѣ, и встрѣчаются часто повторенія *.

Къ чести его сказать должно только то, что языкъ его, не смотря на пеструю смѣсь церковнаго съ простонароднымъ, подъ преимуществомъ перваго, очень ясенъ, и не найдется никакого простолюдина, совершенно необразованнаго, который не понималъ бы Посошкова отъ слова до слова, не смотря часто на трудность предмета, равно какъ и нѣтъ у него ни одного положенія, которое нужно бы

* Желающіе прочесть краткое извлеченіе изъ его сочиненія, со всеми главными мыслями, въ порядкѣ, можетъ быть болѣе естественномъ, благоволятъ обратиться къ 3 N Москвитянина на сей 1812 годъ.

XX

дополнять или пояснять. Онъ сказалъ все, что хотѣлъ. Важное и рѣдкое достоинство для законодателей.

Теперь отдамъ отчетъ объ изданіи и спискахъ, мною употребленныхъ.

Сочиненіе О скудости и богатствѣ издано по двумъ спискамъ: первый достался мнѣ послѣ Г. Лаптева, какъ сказалъ я выше; второй получилъ отъ П. М. Строева. Оба списка довольно хороши, особенно второй, и современные, или по крайней мѣрѣ близки къ подлиннику, какъ читатели могутъ судить изъ прилагаемыхъ снимковъ; почти совершенно сходны между собою, и легко могли быть исправлены въ нужныхъ, весьма немногихъ случаяхъ, посредствомъ сравненій. Нѣсколько важныхъ разнорѣчій отмѣчены въ примѣчаніяхъ. Мѣсть или словъ пять-шесть осталось непонятными.

Правописаніе употребилъ я нынѣшнее, кромѣ случаевъ, дающихъ поводъ судить о произношеніи или нарѣчій.

Мой списокъ писанъ въ четвертку, однимъ почеркомъ и состоитъ изъ 243 четвертокъ. (См. снимокъ 1).

Списокъ Строевскій писанъ въ поллистъ тремя почерками, и состоитъ изъ 154 поллистовъ. Этотъ списокъ приготовлялся видно къ спѣху всеми тремя писцами въ одно время потетрадкамъ малымъ отъ двухъ до трехъ листовъ. (См. снимокъ 2).

Наставленіе о ратномъ поведеніи напечаталъ я съ своего прекраснаго и безъ сомнѣнія современнаго

списка, въ осьмушку (50 осьмушекъ) (см. снимокъ 4), сличеннаго съ Розановскимъ изданіемъ.

Отеческое поученіе напечатано съ Розановскаго изданія, а списка нѣтъ ни одного.

Донесеніе Митрополиту Стефану Яворскому съ изданія Калайдовича, который печаталъ съ подлинника, хранящагося въ библіотекѣ Синодальной типографіи (см. снимокъ N 3). Немогу не замѣтить что рука Посошкова (N 3) очень похожа на руку, кою написано Донесеніе, мнѣ принадлежащее, (N 4), такъ что едва ли Донесеніе не есть собственноручное?

Въ заключеніе я долженъ упомянуть здѣсь о сомнѣніяхъ, кои возбудило сочиненіе Посошкова, даже до своего обнаруживанія. Разнеслись слухи, что оно принадлежитъ не крестьянину Ивану Посошкову, но Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, Болрину Головину, какому-то Новгородскому дворянину; наконецъ, что оно явилось только въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ эпоху созванія ея Депутатовъ.

По моему мнѣнію въ этомъ дѣлѣ *всего важнѣе сочиненіе, само по себѣ, кѣмъ бы ни было написано, а вопросъ о сочинителѣ есть вопросъ любопытный, но гораздо менѣе важный.*

Впрочемъ я не знаю, на чемъ основываются разнесшіеся слухи, и потому не могу судить, что въ нихъ есть достовѣрнаго. На вопросъ мой о доказательствахъ, предложенный чрезъ Москвитянина, никто не пред-

XXII

ставилъ отвѣта. Въ ожиданіи его я могу сказать, что сочиненіе рѣшительно противорѣчитъ упомянутымъ слухамъ, и что предъявители сомнѣній видно его не читали. Вотъ доказательства.

1. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ не можетъ быть сочинителемъ, ибо сочинитель жалуется на этого Боярина въ одномъ мѣствѣ за то, что сей послѣдній именно обѣщаль наградить его щедро за открытіе сѣры, и не наградилъ.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ былъ человекомъ самымъ приближеннымъ къ Императору Петру I, спасалъ его въ Преображенскомъ, руководилъ всеми первыми его дѣйствіями, и едва ли имѣлъ нужду скрывать свое имя предъ бывшимъ своимъ воспитанникомъ. Подъ сочиненіемъ подписанъ 1724 годъ, въ немъ говорится объ указахъ и мѣрахъ 1718 и 1719 годовъ, когда Князя Бориса Алексѣевича не было въ живыхъ (+1713).

2. Боярину Θεодору Алексѣвичу Головину не могло оно принадлежать, ибо ему представлено Посошковымъ другое сочиненіе, уже прежде извѣстное, которое повторено съ прибавленіемъ и исправленіемъ въ этомъ.

3. Дворяниномъ вообще, Новгородскимъ или какимъ бы то нибыло, сочиненіе не могло быть написано, ибо проникнуто все плебейскимъ духомъ, противъ притѣсненій и злоупотребленій дворянскихъ того времени. Сочинитель слишкомъ коротко знакомъ съ простонароднымъ бытомъ, и судя по всемъ признакамъ принадлежалъ къ низшему сословію.

4. Не можетъ быть, чтобъ сочиненіе явилось только при И. Екатеринѣ, потому что всѣ три рукописи, у меня хранящіяся, писаны прежде ея царствованія, какъ читатели увидятъ изъ приложенныхъ снимковъ. Представленіе же о ратномъ поведеніи, гдѣ большая часть чиселъ означена даже Славянскими буквами, принадлежитъ по почерку, безъ сомнѣнія, къ началу царствованія Петра I.

Сомнѣніе наводятъ еще нѣсколько иностранныхъ словъ, разсыянныхъ въ сочиненіи, напр. аристократъ, демократъ, компанія. Отвѣчаю: нѣтъ между ними ни одного, которое бы не встрѣчалось въ печатныхъ книгахъ, при Петрѣ I изданныхъ, или объ которыхъ Посошковъ не могъ бы слышать отъ своего сына, путешествовавшаго по Европѣ.

Другіе удивляются силѣ сужденій, обширности взгляда, и заключаютъ, что сочиненіе не могло принадлежать простолюдину. На это отвѣчаю, что при Петрѣ I различіе между образованіемъ бояръ и простолюдиновъ не было такъ разительно, какъ нынѣ, ибо происходило изъ одного и того же источника.

Читая сочиненіе, видишь, что сочинитель былъ человѣкъ грамотный, обладавшій яснымъ взглядомъ на вещи, познаніемъ дѣла, къ нему близкаго, Русскимъ толкомъ въ сильной степени, умомъ творческимъ—это явленіе важное, рѣдкое, удивительное, но естественное и возможное между простолюдинами, какъ и между дворянами, какъ въ древнее, такъ и въ новое время.

Надѣюсь, что читатели согласятся со мною про-

XXIV

читаю книгу и изслѣдованіе объ жизни Посошкова, и видѣвъ тамъ, сколько лицъ извѣстныхъ сочинитель выставляетъ въ сношеніяхъ между собою, слишкомъ опредѣленныхъ.

Однимъ словомъ, я не вижу никакой причины, до предъявленія сильныхъ доказательствъ, въ угодность произвольнымъ догадкамъ, отнимать сочиненія у сочинителя, который подъ ними подписался, и невольно при семъ случаѣ вспоминаю стихи Поэта:

*«О люди жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйной въкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.»*

Михаилъ Погодинъ.

1842.

Мая 30.

КНИГА

О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

СІЕ ЕСТЬ ИЗЪЯВЛЕНІЕ,

**ОТЪ ЧЕГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ НАПРАСНАЯ СКУДОСТЬ, И
ОТЪ ЧЕГО ГОЗОВОИТОН БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ.**

Азь, мизирный Его Императорскаго Величества рабичищъ, мнѣніе свое сицево предлагаю о собраніи Царскихъ сокровищъ, сице, еже вѣрнымъ Его Величества рабомъ тако подобаеъ пещися, ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собраннаго, но и несобраннаго прилежно смотрѣти, дабы даромъ ничто нигдѣ не лежало и не погибало.

Подобне и о всенародномъ обогащеніи подобаеъ пещися безъ уятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ пѣнственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же женъ своихъ и дѣтей своихъ, въ скудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ разширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царствен-

ное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходить; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не въшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ: ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончиваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всемъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть, о истинной правдѣ; правдѣ * — отецъ Богъ, и правда велими богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволь, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончиваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ.

Самъ бо Господь Богъ рекъ: *Ищите прежде царства Божія и правды Его; и прирече глаголя: яко вся приложатся вамъ*, то есть, богатство и слава. (Матѣ. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатиться и славою не возвыситься. То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится; и вси, яко богати, тако и убози, между собою любовію имутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ

* Въ подл. правда, въ спискѣ Стр. это слово пропущено.

наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочной случится, то, не морщася, платить будутъ. И аще Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичъ, по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелить, то я чаю, и безъ прибавочныхъ поборовъ преизлише царская сокровища наполнятся. И тако на Бога надежду имамъ еже и настоящихъ прежнихъ со крестьянъ поборовъ убудеть.

По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнить богатствомъ, за еже Царь, яко Богъ, еже восхоцеть во области своей можетъ сотворить: но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу совершенно обогатиться не возможно.

Первѣе предложимъ расположеніе о духовномъ правленіи, потомъ о воинскомъ и о прочихъ мірскихъ дѣлахъ, и о здоровомъ и гобзовитомъ и постоянномъ собраніи интереса Его Императорскаго Величества.

1. Священство столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію; ибо безъ него никаковыми мѣрами до царства небеснаго никакому чловѣку дойти невозможно. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, — а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольни; и сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче невѣмъ, како ми восписати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошки архіерейскія тако чинится: понеже полагаются на служебниковъ своихъ въ по-

ставленіи поповствѣмъ; ти бо примуть отъ новоставленника дары, и затвердятъ ему во псалтыри псалмы два-три, и передъ Архіереемъ заставятъ то тверженное читати, а той ставленникъ ясно и внятно и поспѣшно пробѣжить, и Архіереи, того не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ во пресвитеры, и отъ такова порядка у иныхъ грамота и плоха. А по моему мнѣнію, ащебы кой ставленникъ и въ школь училъ, обаче надлежитъ его испытати, каковъ онъ въ разумъ и во всякомъ разсужденіи, да тогда уже его посвящать бы. А буде которой и грамматикъ училъ, а смыслу и разсужденія нѣсть въ немъ, и таковыхъ во пресвитеры посвящать, мнѣ ся мнитъ, отнюдъ не надлежитъ. Паче ученія надлежитъ во пресвитерахъ искать умнаго разсудительства, чтобы онъ могъ пастыремъ быть словесныхъ овецъ: аще бы попы, яко градскіе, тако и сельскіе, были разумительны, то никоими дѣлы расколникомъ въ простомъ народѣ множитисябъ было невозможно, и нимаю возникнуть былобъ имъ некако; и о семъ речется въ настоящей главѣ.

2. Военной людъ — стѣна и твердое забрало царству, а командиры ихъ и судіи военнаго правленія не имуть попеченія о нихъ, чтобы они ни голодни, ни холодни были, но всѣмъ бы довольны; зѣлобо о нихъ слышно, что отъ недостатку великую нужду подѣмлютъ; ибо инымъ солдатамъ на мѣсяць и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шуба или рукавицы и инья потребности, такожде и харча на что ему купить? и въ такой скудости живучи, какъ ему и не своровать, и какъ ему изъ службы не збѣжать? нужда не токмо къ бѣжанію принудитъ, но измѣнить готовъ будетъ; а измѣня и ратникомъ на своихъ будетъ. О солдатехъ и о драгу-

нехъ надлежитъ весьма великое попеченіе имѣть, и пилно того смотрити, дабы они пищею и одеждою были не скудны, а егда тѣмъ будутъ довольны, то они и въ службѣ будутъ исправнѣе; и сего ради, яко главныхъ полковъ, такъ и послѣднихъ и нововыбранныхъ полковъ, вси не были бы не голодни, ни холодни.

А и сіе едва право ли учинено по нѣмецкомуль артикулу, или нашихъ камандировъ вымыселъ, еже солдату или драгуну мундиръ дадутъ, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья и вычтутъ, и того ради вычету инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ на мѣсяцъ не приходитъ, и мною я, что Его Императорскому Величеству не весьма извѣстно, и о всемъ пространнѣе речется въ настоящей главѣ о воинствѣ.

3. Древній Россійскихъ людей обычай былъ, еже въ приказахъ имѣть челобитчиковъ множество, и такъ бывало ихъ много, что иногда никоими дѣлы до судьбы дойти худосильному не мочи; къ томужъ, насажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ, да, перековавъ, распустятъ по улицамъ милостыни просить; и тѣмъ они Россійское царство безчестятъ, что ни въ коемъ государствѣ толикаго числа колодниковъ не сыщется, сколько у насъ; и сіе чинится ни отъ чего иного, токмо отъ нерадѣнья судейскаго, и о семъ пространнѣе речется во главѣ судейства.

4. Купечество у насъ въ Россіи чинится вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ непрямую, и между собою союзства нималаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества.

А торгъ дѣло великое! Надобно судьямъ всемъ объ нихъ попеченіе имѣть неоскудное; понеже купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купчества никакое и даже малое государство быть не можетъ; и того ради подѣ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ, и отъ обидъ ихъ оберегати, дабы они ни отъ кого обидимы не были, и во убожествобъ не входили, и Его Императорскому Величеству приплодъ бы несли со усердіемъ; и о семъ пространнѣе речется въ настоящей главѣ.

5. И въ художественныхъ мастерствахъ весьма дѣется у насъ въ Россіи неисправно; въ началѣ, егда кой человекъ отдается въ наученіе къ мастеру, и поставитъ срокъ, къ которому ему выучиться, и еще мастеръ не скроется и научить его скоро, то онъ не доживъ срока и станетъ прочь отбиваться, и отшедъ, станетъ дѣлать собою; и еще хуже мастерскаго станетъ дѣлать, то онъ цѣны сбавитъ, да и мастерство все погубитъ. И за такимъ порядкомъ въ Россіи у насъ и нѣтъ самого добраго мастерства; и о художествѣ пространнѣе речется въ настоящей главѣ.

6. Разбойниковъ у насъ въ Россіи, паче иныхъ государствъ, множество; ибо не токмо по десяти или двадцати человекъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человекъ въ артели и больше, (и еще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни коими дѣлами обогатится не возможно). А вся сія чинятся отъ неправого судейства; ибо егда какова вора или разбойника приведутъ, то еще и попытають его, да посадятъ въ тюрьму, да кориятъ его мѣтъ десять или больше; а въ такое протяженіе времени многіе уходили, а ушедъ пуще стараго воровали, а иныхъ разбойниковъ судьи, вмѣсто смерти, паки отпускали на

старые их промыслы, и на то надѣясь, безбоязненно воровали и о истребленіи ихъ въ настоящей главѣ речется.

7. Надлежитъ же и о крестьянствѣ вспомнать, чтобъ и ихъ отъ разоренія и обидъ поохранить, и въ лѣностибъ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣности во всеконечную скудость не приходили; аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудились бы, овые въ лѣсахъ, овыежъ въ домовыхъ рукодѣльяхъ, и иніи же въ подводахъ съѣздили, а лежа, своего припасеннаго хлѣба, не потрудився, не ѣлибъ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коихъ крестьянъ лошадей добрыхъ нѣтъ, и въ подводы наняться не начемъ, тѣ шлибъ въ людскія работы, и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили; и о семъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

8. Дворяне при животѣ своемъ и по смерти родственниковъ своихъ земли дѣлятъ на малые разные жеребьи, одну пустошь раздѣляютъ частей на десять и больше, и въ томъ лище ссора, да бѣда, да смертное убійство, и такое обыкновеніе весьма нездраво.

А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою Монарха нашего есть, а платежа съ нее и малаго нѣтъ. Дворяне покупаютъ пустошей, да въ наймы отдаютъ, и многія деньги на каждой годъ кортомы съ нея берутъ, а Великому Государю ни по дѣньгъ на годъ не платятъ; и о семъ о всемъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

9. Россійское Царство на пространнѣйшемъ мѣстѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны

въ царскія сокровища весьма негобзовито собирается; ибо въ военное время не достаетъ того собранія на военные расходы; а пространства земли въ немъ толико, еже и исчислити невозможно, а нѣтъ съ нея ни малаго особливаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежъ по ней самой малой, чтобъ лище никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа миллионное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему Великому нашему Монарху была бы, и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирать, то тако мочно нашему Великому Государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждый годъ миллиона по два-три за всякими расходами въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ; и о семъ въ настоящей главѣ царскаго интереса речется.

Во изъявленіи моемъ семь предложилъ девять главъ, а вся сія девятица главъ состояются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію; и аще на всю сію девятицу съ высоты Богъ милостивно призреть, а съ низоты Императора нашего Великаго изволеніе всеусердное произыдетъ; то не токмо едина царская сокровища со излишествомъ наполнятся, но и весь народъ обогатится, и вражды многія прекратятся; и егда сія девятица оснуется и твердо укоренится, то, яко рѣка, теши имать повсягодно, неумодно и неизмѣнно.

ГЛАВА I.

О ДУХОВНОСТИ.

Въ духовномъ чину еще будутъ люди неученые, и въ писаніи неискусные, и вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе, и воли Божіей неразумяющіи, ктому же еще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша христіанская вѣра вся исказится и весьма испразнится, и вмѣсто древняго, единогогласнаго благочестія, вси разыдутся въ разногласные расколы и во инья еретическія вѣры.

Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается; (ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся.

А пресвитеровъ еще и много во градѣ, обаче не пекутся о томъ, еже бы отъ таковыя погибели ихъ отвратити и на правый путь направить; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакають имъ, и того ради церкви всѣ уже запустили, и такъ было до ны-

ныншняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человекъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталося. А нынѣ Архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко святой церкви. Гдѣ бывало человека по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь.

А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ люторскія или отъ Римскія ереси, но отъ самого дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избѣить, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются, и небрегутъ о смѣ.

Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати; самъ всѣхъ, ни предъ Богомъ, ни предъ Царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправенъ; но токмо едино отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе.

Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ.

И ради таковыя священнической неисправности надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе приложить, дабы пресвитеры были всему благочестію опора,

и отъ ересей забрало, и отъ адскихъ волковъ оборона, и людей Божіихъ отвлачилибъ отъ погибельныхъ вратъ.

И ради такового исправленія пресвитеру подобаетъ, подобно Апостоламъ Христовымъ, чтобъ они ни о здравіи своемъ, ни о богатствѣ, ни о пищѣ своей тако не пеклися, како о спасеніи душъ человѣческихъ, понеже Богъ всѣхъ погибшихъ възъщеть на нихъ.

И ради такового исправленія мнѣ ся мнить Его Императорскому Величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобъ всякія скрытности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако, исправляя оную, напечатать бы ихъ тысячъ пять-шесть, или и десятокъ.

Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять-шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія; на печатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орфографіи не можно растолковать и научиться, чтобъ по ней правописаніе разумѣть. Къ томужь еще и бумагу положили въ нихъ самую плохую, коя ни куда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а грамматика — дѣло высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была.

И во всѣхъ епархіяхъ построить бы школы пространныя, и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уездныхъ, отъ десяти-лѣтнихъ

даже до двадцати-пяти лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею, и учить грамматикъ и всякаго книжнаго разума.

И положить о семъ недвижимый предѣлъ: буде кой человекъ школьнаго ученія не принесъ, и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь во пресвитеры и діаконы не посвящати: то кіи причетники церковные пожелаютъ пресвитерства, то будутъ и тридцати-лѣтние въ школы и безъ понужденія прихода учиться и ученіемъ своимъ будутъ поспѣшать. И таковыя люди годы въ два-три научиться могутъ; понеже себя ради будутъ поспѣшати и со охотою учиться имутъ. И который изъ нихъ ученіе грамматическое твердо приметъ, а лѣтами своими еще младъ, то таковыхъ надлежитъ и риторикъ поучить, или и философіи; и тіи не токмо во пресвитерскій санъ, но и во Архіерейство будутъ годны и учителями могутъ застати.

И таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудрится не весьма многими лѣты; и сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правится; понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людямъ вельми охотно и любезно бываетъ.

Аще сіе утвердится, еже во пресвитерство неучившихся въ школахъ не посвящати, то не мочно будетъ того миновати, еже бы желающему пресвитерства не поучиться въ школь, то я чаю, что другъ друга будутъ ученіемъ своимъ и предваряти.

А аще и въ монастыряхъ, во архимандриты и во игумены, не бывшихъ въ школьномъ ученіи не посвя-

щати же, то многіе и иноки будутъ грамматическаго ученія касатися, и всякому книжному разумнїю внимати; а въ возрастъ сущимъ паче грамматическаго ученія потребно книжное разумнїе, и того ради вельми потребно и инокамъ до школы ходити. и тамо отъ духовнаго учителя учиться и вразумлятися всякому благочестїю и страху Божию, и священная писанія толковати, и всякому доброму нраву навькати и въ доспытацїяхъ подтверждатися.

А егда грамматики и всякаго благоразумїя научатся и книгъ Божественнаго писанія начтутся, то не то что раскольнику, но и Лиотору и Римлянину, могутъ отпоръ дати и уста ихъ заградити: понеже всь они отъ истиннаго христіанства совратились, и бродятъ вси, яко козлята, по непроходимымъ дебрямъ и по неудобнымъ возшествїя стреминамъ, и тако въ далекии пути зашли, что и возвратитися къ прежнему благочестїю не могутъ. И егда священничестїи дѣти и прочїе церковники научатся грамматическаго ученія, и книжнаго разумнїя навькнутъ всесовершенно, то и о паствѣ своей прилежнѣе будутъ пещися, дабы адскїе волки не распудили ихъ.

А нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрїя въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченїе вѣра, и не до сего ста, но есть таковыя, что и церковныя службы, како прямо отправити, не знаютъ; да и знать не по чему: печатнаго двора справшики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житїя утыли, и не хоцуть яснаго изъясненїя о всякомъ церковномъ служенїи напечатать, чтобы всякой могъ разумѣти, какъ что отправляти. Но токмо той пресвитеръ мало-мало и можетъ прямо от-

правляти, кой довольное время побудеть въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ, тотъ то лише можетъ по надлежащему службу церковную отправить; а буде кой подъ началомъ не много побылъ, то ничего по книгамъ отправить не можетъ.

А по прямому дѣлу надлежало было о всякомъ служеніи напечатать въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ ясно, дабы и простолюдинъ могъ разумѣти, какъ что отправить. А нынѣ многіе на угадъ управляютъ, какъ кому примыслится. И сіе стало не весьма добро, что такъ дѣется; того ради и во градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивить нечего.

И ради совершеннаго въ церквахъ служенія и исправленія о всякой службѣ надлежитъ въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ напечатать мѣлкою печатью толковое расположеніе, какъ коя служба или дѣйство какое начать, и какъ отправить и совершить. И аще обо всемъ будетъ ясно напечатано, то во всѣхъ церквахъ не токмо въ градскихъ однѣхъ, но и въ за-сельскихъ всякое служеніе отправлятися имать согласна.

И ради всесовершеннаго исправленія не можно пробыть еже бѣ не напечатать толковаго расположенія о всякомъ священнодѣйствіи, а въ состроенныя школы послать учителей иноческаго чина и мірскаго, кои грамматическаго ученія искусны и другихъ учительныхъ книгъ, кіи книжнаго разумѣнія искусны и церковнаго круга навычны, и кіи въ Божественномъ писаніи учинятся знающіе, еже непоёмныя реченія могли разсудати.

И грамматическіе бы учителя учили своего ученія грамматическаго до обѣда, или рещи, до полудни; а

съ полудни бы ть другіе учителя, иже Божественнаго писанія искусни, учили бы ихъ страху Божию и книжному чтенію и церковному обхожденію, паче же того, какъ Бога знать, и какъ его почитать, и какъ къ нему молитвы своя приносить, и Божественная литургія съ каковымъ страхомъ служити, и въ дѣйствіяхъ тоя святыя литургіи какъ къ Богу умъ свой возводити, и дѣтей своихъ духовныхъ пасти, чтобы отъ паствы ихъ адскіе волки не расхитили, и сверхъ того ученія давалибъ имъ книги читать духовныя и гражданскія и бытейскія. И того ради надлежитъ Библии напечатать не малое число, и во всѣ школы книгъ по пяти-шести разослать; такожъ маргаритовъ, соборниковъ учительныхъ, евангеліевъ толковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четыхъ-миней, а ради церковнаго служенія мѣсячныя миней и прочихъ, кїи въ церковномъ служеніи употребляются, дабы въ школахъ будучи научилися прежде пріятія священства всего церковнаго служенія и управленія здраваго. И ради утвержденія въ вѣрѣ, и ради охраненія отъ люторскія и кальвинскія и отъ прочихъ иконоборцевъ напечатать книгъ колико надлежитъ *Камень Вѣры*, иже блаженной памяти Преосвященный Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій сочинилъ, и книгъ по пяти-шти въ школу отослать; и чтобъ тотъ многоцѣнный камень желающіе пресвитерства затвердили его на память, чтобы о всякомъ отвѣтѣ помнѣть изустъ сказать. Такожде и иноки, желающіе во благочестіи жить, а негли случится коему во Архіереяхъ бытъ, и въ томъ санѣ будучи весьма паче пресвитерскаго той святой Камень во устѣхъ имѣти, чтобы тымъ камнемъ могли изоустно еретическія челюсти сокрушати.

Радиже обличенія раскольника книгу Розыскъ и Зеркало очевидное, иже раскольниче ^{о. Луко} словіе об-
8 2 3 5

личаютъ, и всю ихъ неправость ясно показываютъ, па-че же книгу, названную Пращею, дабы изъ той пращи каменіемъ духовнымъ испущеннымъ далече ихъ прогнати и безъ вѣсти ихъ сотворити, дабы они во дворъ овецъ стада Христова не вѣзли, и Христовыхъ овецъ не вреждали бы; и тыхъ книгъ Розыска и Пращи и Зерцало, буде будетъ принято къ печати книгъ, по пяти-шти въ школу разослать же.

А не худо бы и на инья еретическія вѣры, на Римлявскую, на Унеатскую, на Армянскую, и на древнія ереси, яко на Аріявскую, на Несторіеву, на Аполлинаріеву, на Евтихіеву, на Севирову и на прочія, кѣи уже истребишася, напечатать изъявленія, дабы наши пастыри вси та лукаваго діавола стрѣлы разумѣли и возразить ихъ чѣмъ знали. И аще пресвитеры будутъ всѣхъ вѣръ еретическихъ силу знати, и будутъ разумѣть, чѣмъ ихъ обличить, и чѣмъ себя отъ нихъ оградить, то свое стадо могутъ отъ ихъ волковъ * адскихъ охранить.

А буде кой пресвитеръ еретическихъ вѣръ въ конецъ знати не будетъ, то уличити ему ихъ ереси невозможно; того ради и св. Апостолъ Павелъ написалъ: еже подобаетъ въ насъ ересемъ быти; явъ есть, яко того ради написалъ, дабы мы вѣдая ихъ ереси, могли ихъ уличать, и ихъ же оружіемъ самихъ ихъ побѣждати, и зная ихъ ереси, могли бы мы отъ нихъ остеречи себя.

И всѣ школьники читали бы книги неспѣшно, но съ самымъ вниманіемъ, дабы чтемое могъ разумѣти и памятовати, и кой ученикъ невнятно будетъ читати, то той учитель, кой ко чтенію и вразумленію книжному приставленъ, непрестанно ихъ понуждалъ и вра-

* Въ Стр. спискъ полковъ.

зумлялъ, какъ имъ разумѣтельно читать, и, чего не знаютъ, толковалъ бы имъ, и кои книги кто читаетъ, отъ тѣхъ бы книгъ спрашивалъ ихъ по одинакому, * и внималъ бы, каково кто понятно сказываетъ, и той учитель въ памятную книгу записывалъ, кто каковъ есть.

И буде кой ничего сказать не помнитъ, и тому бы чинилъ наказаніе, и велѣлъ бы ему въ другой разъ прочесть; и буде въ другой разъ прочтетъ, а что читалъ, не помнитъ, то явъ есть, еже тотъ во пресвитерство не будетъ годенъ. А кин внятно и памятно будутъ читать, тѣмъ надлежитъ давать читать книги церковнаго круга, мѣсячныя Минеи и Трїоди и Осьмогласники, и протчія иже во святей церковной службѣ управляются, а чаю, не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало.

И тыи школьники по чтеніи книжномъ подъ вечеръ, по часу-мѣста, учились бы писать, чтобы всѣ школьники читать и писать добръ умѣли скорописью и уставомъ.

А въ день недѣльный велѣли бы имъ чинить между собою доспытанія отъ священныхъ писаній, а учителя оба бы слушали и внимали, кто каковъ въ разумѣ и въ разумѣніи Святаго Писанія, и каково кто разсуждаетъ, все бы то впредѣ для памяти записывали, а и того смотрѣли бы, кто къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному ли или къ свѣтскому.

И буде кой ученикъ склоненъ къ духовности и писанія святая разсуждаетъ здраво, то тѣхъ бы отличали во особливость, и давать имъ книги читать о чинѣ священства, и учить ихъ уже прилежнѣе, какъ имъ стадо

* Въ Стр. по одинакомъ.

Христовыхъ овецъ пасти, и какъ имъ духовныхъ дѣтей въ паствь своей блюсти.

И аще книга Отеческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, юже азъ сыну своему Николаю сочинилъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство и се читать; понеже тамо положено отчасти, какъ пресвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому пресвитеру, но како и простому монаху жить, и какъ въ Архимандритахъ будучи, какъ братія пасти, и какъ себя вести, и что подобаетъ и Архіерею творити, и каковымъ способомъ раскольниковъ истребляти, и какъ и миряномъ душполезно жити, и какъ и дѣтей своихъ малыхъ учити, дабы отцу не на пагубу они были, и какъ между собою любовь хранить, и какъ правду творити, и какъ Бога любить, и какъ молитвы свои къ нему приносить, и какъ Ему угождати; вся суть тамо изъявлена, по елику Богъ даровалъ ми разумѣти.

И егда куды потребують пресвитера, то изъ тыхъ бы учениковъ отсылать во пресвитерство не по отечеству, ни по богатству, ниже по прошенію прихожанъ, но по разуму и по истинному священства достоинству, и достоинство бы того школьника подписывались оба тыи учителя, еже онъ годенъ во пресвитерской санъ.

И послать ко всемъ Архіереямъ, чтобы ни единого ставленика безъ свидетельства учительскаго во пресвитерство не посвящали. Препрежее архіерейское служаніе ставленичье вельми ми не понравилось; понеже архіерейскіе служителие у новоставлениковъ приемятъ дары, и принявъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы, и заложа дадутъ при Архіерее тому ставленику прочести. Архіерей, видя твердо и разумно читающа Псалтирь, возмнитъ, яко-

Миссионеръ

бы и по всякомъ чтеніи таковъ, благословить его въ пресвитерство. И тако ть служителие Архіереевъ своихъ въ порокъ приводятъ. И я сына своего въ семь поостерегъ, написалъ ему въ томъ же своемъ завѣщаніи, аще случится ему быть во архіерействѣ, чтобы онъ въ слушаніи ставлениковъ на служителей своихъ не покладывался, но самъ бы всякаго своего ставленика свидѣтельствовалъ, и книгу не Псалтырь, но давалъ бы незнаемыя книги читать, а потомъ бы и на словахъ его спросилъ; и на разглагольныхъ рѣчахъ вслѣски познать мочно, каковъ кто смысленъ или несмысленъ. |

Въ Новѣгородѣ видалъ я прошлаго 720 года новоставленика такова въ діаконствѣ на литоргіи, не могъ единыя страницы во Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти-шести не помѣшались. Служилъ онъ въ подначальствѣ въ соборѣ Николая Чудотворца, иже на дворищи; и такъ онъ и отпуценъ во свояси.

А иноковъ, кѣи возжелають архимандричества, то тѣхъ Архіерею наипаче надлежитъ на словахъ дробно распрашивати, како онъ Божественная писанія разсуждаеть, и како онъ общую братію намѣрился спасти, дабы ему предъ Богомъ ставъ, рещи: Се азъ и дѣти, ихъ же далъ еси; или токмо единого себя хоцетъ Богу представить. И аще хоцетъ токмо единого себя спасти, то такового не подобаеть во Архимандриты поставляти; понеже Архимандриту не токмо о инокахъ, но и о мірскихъ жителяхъ попеченіе имѣти и на спасеніе наставляти надлежитъ. И того за хотящимъ архимандритства смотрѣти, не лакомъ ли ко имѣнію, и не падохъ ли къ питью, и не склоненъ ли къ блуду, чтобъ будучи во архимандритствѣ, не нанесъ бы на тотъ свой чинъ пороку; и того ради надлежитъ первѣе освидѣ-

тельствовать братію, въ коемъ монастырѣ онъ жилъ, а потомъ и мірскихъ людей надлежитъ спросить, кѣмъ при томъ монастырѣ живутъ; аще отъ всѣхъ будетъ похваленъ, то, буде въ писаніи доволенъ, надлежитъ повести въ таковой чинъ.

Да въ Завѣщаніи своемъ написалъ я сыну своему, чтобы новоставленнаго пресвитера, несовершенно научившася всякаго священнодѣйствія, изъ подъ начала отнюдь бы не отпускать, дабы на Архіерея пореченія какова за неисправность его не повести.

Въ томъ моемъ Завѣщаніи написалъ всякое пресвитерское дѣло какъ что ему управлять, и какъ дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывать, и какъ богатыхъ и убогихъ пасти; елико ми Богъ вразумилъ, вся написалъ. И того ради мнится мнѣ вельми ко исправленію священническаго бытія то Завѣщаніе потребно будетъ.

И аще кося церкви поповъ сынъ возжелаетъ отцу своему наследникомъ быти, а по свидѣтельству учителей своихъ явится къ тому чину негоденъ, то аще и заручная объ немъ челобитная будетъ, отказать ему; но таковыхъ ко гражданству отсымать. А кѣмъ ко обученію непоемны, а во нравъ добры, и страхъ Божій въ себѣ имутъ, то тѣхъ поставятъ въ церковной причетъ въ дьячки и въ пономари. А кой изъ нихъ будетъ понарочитѣе, того мочно въ діаконство вчинить. А въ пресвитерство отсымать самыхъ достаточныхъ, и въ писаніи разсудительныхъ, и во нравъ кроткихъ, чтобъ онъ былъ свѣтъ міру, а не тьма. И таковыхъ достойныхъ священства, аще и пономарскіе дѣти или крестьянскіе, отсымать во пресвитерство къ церквамъ, а не по отечеству, ни по заступѣ. А буде кой и разуменъ на всякое разсужденіе, а нравомъ неключимъ, и таковыхъ не токмо въ

пресвитеры, но и въ причетъ церковной отнюдь не отсымать, но таковыхъ развъ отсымать къ приказнымъ дѣламъ, или камо ни есть, кромь священства и причта церковнаго.

А который и весьма добръ, да пить будетъ любить, то и таковыхъ во священнѣй чинъ отнюдь не отсымать же; понеже пьянство великъ порокъ пресвитеру наносить. И причетникамъ не весьма оно добро. И не токмо новоставленныхъ пресвитеровъ, но и старыхъ, кои уже и состарьлись въ пресвитерѣхъ, вреждасть оно. И того ради надлежитъ предѣль учинить сицевый: аще кой пресвитеръ, напившися до пьяна по улицъ ходи, или гдѣ и сидя, будетъ кричать неслѣпотно и бранно, и сквернословити или драться съ кѣмъ, или пѣсни пѣть, то таковыхъ имать, и въ архіерейской приказъ отводить, и за такое неслѣпотство ихъ наказывать удрученіемъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ работахъ, и сверхъ удрученія обложеніемъ штрафа или отъятіемъ священнодѣйствія, или какъ о томъ уложено будетъ отъ Архіереевъ, дабы пресвитеры и діаконъ чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шель бы во утишное мѣсто и выспался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ, что онъ пьянъ. А буде кой попъ или діаконъ, паче же аще инокъ, поидеть пить на кабакъ или въ корчму, то таковыхъ надлежитъ наказать сугубо, дабы на духовной чинъ пороку не наносили.

И аще священнѣй чинъ отъ таковыхъ неключимствъ исправится, то яко новый свѣтъ въ Россіи возсіяетъ. И тако ихъ надлежитъ изучити, чтобы во время исповѣдыванія дѣтей своихъ духовныхъ паче всего научали о Богопочтеніи и о благовѣрїи, како твердо въ

немъ стояти, дабы ни на каковы блазни Люторскія и Римлянскія не слонялися, и съ раскольниками бы никакова разглагольства не знаючи не разговаривали; и на той же исповѣди учили бы, какъ молитвы свои къ Богу возсылати съ Богомыслиемъ, и како святыя иконы почитати, и каковая честь имъ отдавати, и како духовный чинъ почитати, и какъ за Царя и за вся Христіаны Бога молити, како обходиться въ мѣръ со клеветы своими и съ сосѣдьми, и въ каковомъ наказаніи дѣтей своихъ родныхъ растити, и какъ ихъ страху Божию учити, чтобъ родивъ дѣтей плотию, отъ Бога вложенную душу вѣчно не погубити, и каковымъ имъ къ сродникамъ и чужероднымъ любительнымъ быти, и чтобъ никому зла никакова не дѣлати; понеже вси мы по Христу братія есмы.

И о семь всѣхъ бы своихъ дѣтей духовныхъ увѣщавали, чтобы они дѣтей своихъ юныхъ, не токмо градскіе, но и поселяне учили бы грамоту, и всякому бы благонаравію научали, а по улицамъ играть и безъ дѣла шататися не попускали съ великимъ и твердымъ запрещеніемъ; чтобы то ихъ наказаніе въ дѣтяхъ духовныхъ незабвенно было, но вси бы отцы и матери дѣтей своихъ въ страхъ Божіи возвращали, и о семь на всякой исповѣди подтверждали бы, что бы имъ незабвенно было.

И аще тако въ духовности будетъ строитися, то во всемъ народѣ свѣтъ возсіяетъ благоразумія; понеже вси людіе отъ такова отцовъ своихъ духовныхъ твердаго и прилежнаго попеченія яко отъ сна возбудятся, ибо вси стали бы прямо разумѣти, какъ Бога знати, и какъ его молити, и какъ угодниковъ Божіихъ почитати, и како въ помощь себѣ призывать, и како все свое житіе христіанское вести.

Тако бо пастыремъ духовнымъ надобно о паствѣ своей пещися, дабы вси праведно жили, и не токмо чтобы чужое похищати, но и не желалибъ чужаго ничего; и аще и на пути кто что обрящетъ лежащее, искалъ бы обронившаго, или во устроенное мѣсто относили; и чего себѣ не хошутъ, тогобы отнюдь никому ниному не токмо творили, но и не желали бы. И тако живуще вси, и въ мірскомъ житіи будучи, не далече бы отъ царства Божія были.

И аще уставлено будеть, еже попамъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни по прежнему не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ токмо о церковной службѣ, да о паствѣ духовной, а вмѣсто пашни давать имъ, — дворянамъ и хрестьяномъ, кои у нихъ въ приходѣ, — отъ своего приплоду десятая доля, то пресвитерамъ въ той же исповѣди и дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждати, чтобы неизменно отъ всякаго приплоду, колико себѣ отложить на пищу, то безъ утайки и безъ жалвнїя отдѣляли бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ винъ * и съ прочаго харчу, и отсылали бы къ церкви на пищу пресвитерамъ съ причетники и нищимъ, кои при церквахъ живутъ.

А колико отдѣлять хлѣба или скота или инаго чего на продажу, то изъ того бы отдѣляли Великому Государю на пошлину такуюжъ десятину. И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не таили: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и Царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословитъ всякимъ изобиліемъ; понеже урвнѣтся они древнимъ законникамъ, иже отъ всего своего притяжанія давали десятину.

О семъ я неизвѣстенъ, какъ двется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весь-

* Въ Стр. вмѣсто изъ винъ — изъ лиць.

ма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе поны питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и пошь за соху, мужикъ за косу и пошь за косу, а церковъ святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія многіе Христіане помирають не токмо сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются, и умирають яко скоть. И сіе, како бы поисправити, не вѣмъ: жалованья Государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаванія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть. А я мнѣніе свое предлагаю сицевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесатствовать, чтобъ отъ всякія своей пищи отдѣляли церковникамъ десятину или дватцатину, какъ о семъ Царское и Архіерейское произыдетъ изволеніе, тобы таковымъ порядкомъ были сыты и безъ пашни. А и правильно имъ безъ пашни быть: понеже они слуги суть Божіи, и подобаеть имъ по Господню словеси питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія.

А аще пресвитеру земля пахать, то церкви святей будетъ солгать, и паства своя истерять. Пресвитеру не токмо земля пахать, но и торгомъ ему никаковымъ не подобаеть торговать, и мастераства ему художественнаго дѣлать не надлежить, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и паствѣ духовной не чинилось; понеже они отъ мірскаго житія отдѣлены суть на службу Божію, и того ради о ничесомъ иномъ кромъ службы церковныя и паствы духовныя пещися имъ не подобаеть.

А и питатися имъ по повелѣнію Божію надлежитъ отъ церкви, а не отъ работы, и не отъ рукодѣлія своего; и егда службы церковныя, ни потребности не случится, тобы забавлялися чтеніемъ книгъ Боже-

ственного писанія, илибы что полезное писали, ко спасенію человѣческому или ко украшенію церковному. Самъ бо Господь Богъ въ самомъ началѣ священства, егда изведе Израиля изъ земли Египетскія и введъ въ Обѣтованную землю, всѣмъ Израильтянамъ землю по жребьямъ ихъ повелѣлъ давать, а Іереямъ и служителемъ церковнымъ не повелѣ земли давати. * Явѣ есть, дабы прилежны были церковному служенію, и повелѣлъ имъ питатися отъ церкви, а не отъ земледѣльства. Кольми же паче въ новой благодати подобаетъ о служеніи церковномъ пещися пресвитерамъ, понеже и души человѣческія имъ быша вручены.

А у насъ сельскіе попы обременены земледѣльствомъ, и того ради не тако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быть, и того ради многое множество Христіанъ православныхъ умираетъ безъ покаянія и безъ причащенія тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры самыя люди простые: взростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ. А что Богъ възыщетъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческа велика, ничего того не знаютъ.

И аще сія моя изреченія вознепщуетъ кто, яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе пресвитерамъ, и о семъ Богъ есть свидѣтель, что не руганія ради написалъ сія, но ради исправленія; и самъ не безъ страха, что въ такое дѣло великое вступилъ; обаче буди Божія воля: Онъ вся вѣсть, чесо ради тако дерзнухъ.

И аще Великій нашъ Монархъ благоволитъ по Господню повелѣнію пресвитеровъ отъ земледѣльныхъ работы освободити; то надлежитъ указомъ Его Импе-

* Последняго предложенія въ спискъ Строева нѣтъ.

раторскаго Величества опредѣлити, чтобы какъ помѣшники, такъ и крестьяне ихъ, и дворцовыхъ волостей, и архіерейскіе и монастырскіе, всѣ отъ приплоду своего хлѣбнаго, который ему надлежитъ на пищу себѣ употребити, и отъ того хлѣба отдѣлялибъ десятую часть, и давали пресвитерамъ съ причетники во время молоченья съ гумна своего; и во вся дни живота своего тако бы творили неизмѣнно, дабы благословили ихъ Богъ, и всего бы у нихъ усугубилъ. И аще сіе дѣло сперва повидится и тяжело, а егда обыкнуть, и Божіе благословіе въ нихъ почиетъ, и нивы у нихъ будутъ готовы, * то всю ту тягость забудутъ, что того десятиннаго хлѣба отдѣлено пресвитеромъ съ причетники. И что того хлѣба за расходомъ останется, и тотъ хлѣбъ употреблять нищимъ и странникамъ на пропитаніе.

А ради нищихъ больныхъ яко въ городѣхъ, тако и въ селѣхъ и на погостѣхъ построить больницы и богадѣлни по приходѣ смотря, и питать ихъ тѣмъ остальнымъ хлѣбомъ, какъ о томъ изволеніе Царское состоитъ.

А которыми землями владѣли и пахали попъ съ причетники, и тѣ земли, мнится мнѣ, еже бы ихъ отдать въ наймы, и тѣми деньгами строить церковное строеніе и нищимъ больницы.

А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣлялибъ такожде десятую часть Великому Государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ тоя цѣны такожде отдѣлять десятую часть въ пошлину; а кую скотину употребить кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлить десятую долю въ церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣлни; такожде и въ меду, и въ ма-

* У Стр. *говзоситы*.

сѣ, и рыбѣ, и въ яицахъ, и во всякихъ прибыткахъ, отъ всего неизмѣнно про себя употребляемомъ * отдѣлять къ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять Великому Государю въ пошлину десятая же часть.

И тако творя, уподобимся мы древнимъ благочестивымъ законникамъ, ибо будемъ, яко Богу, тако и Царю, отъ всякаго приплода давать десятину, и тѣмъ подаваніемъ пресвитеры и съ причетники безъ земледѣльства довольны всякою пищею будутъ. А отъ подаванія молебнаго и иныхъ потребъ будутъ пресвитеры и со причетники своими дома своя и одежды строить.

И аще тако устронется, то могутъ пресвитеры и повседневно утреннія и литургіи служить, и на всякую потребу всегда будутъ готови; и тако творя, пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи, и за Царя и за вся люди богомольцы.

А нынѣ вси сельстѣи попы, аще у коея церкви пона и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новгородскомъ уездѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три пона, да дьяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой Недѣль прежде сего не бывало, то де тебя поопаслись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ ни отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣдень, ни вечерень, ни утреннихъ не было.

А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣдень десятка другаго не отслужить; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть.

* Вероятно описка въ обоихъ спискахъ, вмѣсто *употребляемого*.

(И ради земледѣльства поповскаго стоятъ Божіи церкви яко пустыя храмины безъ славословія Божія, а православныя Христіане за ихъ земледѣльствомъ умирають ничѣмъ же отмѣнно отъ скота. И сельскіе пресвитеры ничѣмъ не отмѣнны отъ простыхъ мужиковъ: мужикъ за соху, и попь за соху, и въ праздничной день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попь съ мужиками пойдетъ овины сушить; и гдѣ было обѣдню служить, а попь съ причетники хлѣбъ молотить,—и въ таковыхъ суетахъ живуще не токмо стадо Христова пасти, но и себя не упати.)

А аще по вышеозначенному о нихъ устроить Богъ, то во святыхъ церквахъ всегда служба будетъ, и пещися будутъ о паствѣ словесныхъ овецъ, а уже не о пашнѣ. Отслужи церковную службу, книги бы читали, и по домамъ дѣтей своихъ духовныхъ ходили и смотрѣли, какъ они живутъ, исправно ли въ его приказаніи, и не погрѣшили ли въ чемъ. И тако на всякой мѣсяцъ всякаго своего сына посѣщаль бы и подкрѣпляль ихъ, чтобы памятовали то, чему его на исповѣди училъ, и, что ему приказалъ, незабытно бы исправляль. И въ тѣхъ посѣщеніяхъ отнюдь бы ничему не касался, и вина бы не пилъ, что онъ ради надзиранія духовныя паствы ходитъ, а не ради потребности, и чтобы пресвитеры уподобились святымъ Апостоломъ: ту не бы ихъ посѣщали и на спасеніе наставляли.

А кому дастъ Богъ смыслъ въ книжномъ писаніи, то между дѣль книги бы пѣвчія писали и охочимъ людемъ продавали; а егда съ потребою куда позовуть, то всякое свое дѣло бросивъ, шель бы съ посѣщеніемъ дабы исправить та нужда, понюже требуютъ его. И тако творя, вси бы сельскіе попы были пастырьми

совершенными, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ.

А нынѣшня паства вельми, вельми неисправна, и сего вельми опасно есть, чтобъ Богъ не взыскалъ на главныхъ пастырехъ, понеже кѣи пресвитеры и во градъ живутъ, и тѣи не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ, или въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, и какъ кому жить душеспасительно, не наставляютъ; и отъ того многіе люди въ невѣденіи своемъ погибають.

И истинно таковыхъ стариковъ много и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подъ шестдесятъ и больше житія своего имѣють, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради раскольниковъ, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай былъ, что не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали. И тако инѣи и не доживъ до старости и умирали; а сіе чинилось не отъ чего инаго, токмо отъ нерадѣнія пресвитерскаго. И о такомъ нашемъ неисправномъ житіи помыслить ужасно! И вся сія Царскимъ изволеніемъ и Синодскимъ радѣніемъ исправитися могутъ.

А нерадѣть о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми яко Царю, тако и Архіереомъ опасно есть; ибо чрезъ уста Святаго пророка Іезекіиля: «Тако духъ Святый возгремѣ, еже хощетъ Богъ всѣхъ погибшихъ душъ человеческихъ взыскати отъ руки господствующихъ ими.» (Іезекіиля гл. 53).

И сего ради ужасно такова грома, отъ Бога изшедшаго: и яко духовнымъ властѣмъ, тако и мірскимъ надлежитъ великое попеченіе приложить, дабы та неисправность исправить, и отъ тогобы избыти, нежебы, не взыскалъ Богъ погибающихъ душъ на правителяхъ господствующихъ ими.

И мое мнѣніе тако мысли моеѣ касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежить во пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленніи, то и люди паствы его будутъ несмысленніи, а аще пресвитеры будутъ благоразумніи и святы, то и люди паствы его вси будутъ разумительны, и святости близко: ихъ бо наставленіемъ всякаго благоразумія могутъ наполнитися, и въ Христіанствѣ прямо и твердо стоятъ. И души своя отъ вѣчной погибели соблюдаютъ. И за твердымъ ихъ наставленіемъ вси благодатию Божіею приближатся къ царствію небесному.

И егда пресвитеры во ученіи своемъ исправятся и всякаго благонравія навьикнутъ, тогда и одежда имъ прежняя своя гнусная и многошвейная годствуесть измѣнити; и не токмо градскіе, но и сельскіе попы, и дьяконы не токмо гнусныя и раздранныя носили, но и сѣрмяжныя бы сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашенныхъ отнюдь не носилибъ, но носилибъ рясы широкорукавыя и длинныя. И буде кому сукна нѣмецкаго купить не въ мочь, то дѣлалибъ изъ яренку; а буде и того не въ мочь, тобы сѣрмяжныя сукна бѣлыя красили въ вишневою или въ лазоревую краску. А въ непотребномъ одѣяніи пресвитерамъ и діаконамъ отнюдь ходить не подобаесть; понеже они слуги суть Божіи, и предстоять у престола Божія жертвы приносяще за Царя и за вся Христіаны.

И за ихъ близость къ Богу самъ Господь Богъ еще и въ ветхозаконной церкви не токмо священникомъ, но и служителемъ церковнымъ, повелѣлъ въ чистыхъ одеждахъ служить. Кольми же паче подобаесть въ новой благодати священному чину чистоту во всемъ имѣть, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и во одеждѣ, и во всякомъ своемъ и житейскомъ исправленіи, чтобы они яко жи-

тиемъ своимъ, тако и одеждою были отъ простолюдиновъ отъиънными; не одною верхнею одеждою, но и нижнею и всѣмъ своимъ уборомъ: шапка бы была съ бобримъ или съ лисицею круглая, сапоги бы были низкіе, переды круглые, а лаптей бы отнюдь ни въ каковыхъ мѣстахъ не носили. И съ запрещеніемъ отъсѣщи сіе, ежебы отнюдь къ престолу Божию въ лаптяхъ не приступали; сіи бо не токмо чинъ свой, но и Божіей чести уятіе творять. Ради бо чести Божіей повелѣно пресвитерамъ у престола Божія служить во украшенныхъ ризахъ, и по тому уставу иной пресвитеръ во время служенія своего возложить на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные, и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусень. И на такое пресвитерское убрание зря, кто не удивится, что злато мѣшаютъ съ блатомъ. И Цареву дѣло надлежитъ вести честно, а Божіе наипаче.

Пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву и слово ко всякому челоуьку имѣть умиленное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое, и къ людемъ, кѣмъ имъ словеса не полезна, отнюдь бы тихихъ не говорили, но что на пользу, тобъ только и говорили. А тако творя подобни будутъ Апостоламъ Христовымъ, и за такое ихъ житіе вси люди будутъ ихъ почитать, и, что уложено будетъ имъ на пропитаніе давать, то съ радостію будутъ имъ давать.

А о семъ Его Императорское Величество соизволить таколи, како я мнѣніе свое изъясилъ, или кто инъ иначе примыслить, тако да будетъ. Аминь.

ГЛАВА II.

О ВОЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Въ военномъ дѣлѣ еще людѣ будутъ военнаго артикула не весьма навькли, и въ ружьѣ силы неразумьющїи, къ тому же еще и стрѣлять цѣльно неумьющїе, то весьма таковыя въ военномъ дѣлѣ будутъ неспоры и непрїятелью нестрашны; а еще же къ тому и пищею будутъ неизобильны, то и запаче плоха будетъ у таковыхъ служба. Есть слухъ, что инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходитъ на мѣсяцъ, а о таковой ихъ скудости, чаю, что никто Великому Государю не донесеть, но чаю, доносятъ, будто бы вси сыты и всѣмъ довольны. Годовъ тому съ шесть или съ семь назадъ на Вышнемъ Волочкѣ новобранному солдату за вычетомъ досталось на мѣсяцъ двѣ гривны, и онъ принявъ деньги, вынялъ ножъ, да брюхо у себя и порѣзалъ. И сіе явѣ есть, еже не отъ радости тако онъ учинилъ, что и животь свой ему не смиллся. И о таковой причинѣ командиры ихъ, чаю, что никогда Его Царскому Величеству прямо о томъ не донесутъ, что онъ отъ великія своей скудости въ жаловань такъ надъ собою учинилъ.

И отъ такого порядка и отъ безкормицы служба вельми неспора; потому что голодной идучи и за солону зацемяется, * а не то что ему непріятеля гнать и черезъ колоды и черезъ ручьи скакать: голодный человекъ подобенъ осиновому листу, и отъ малаго вѣтра шатается; у голоднаго и работа худа, а не то что служба.

А истинно слыхалъ я отъ солдатъ и такую рѣчь, что ради смерти своей; и отъ таковыхъ какая спорина въ службѣ, что не желаетъ непріятеля убить, но желаетъ самъ убиенъ быти; дабы ему вмѣсто здѣшнія нужды тамо какое либо упокоеніе за принятіе смерти своея пріяти.

А аще вѣсѣмъ довольны и военному дѣлу научены будутъ добрѣ; а дана имъ будетъ воля и потачка яко рядовымъ, тако и офицеромъ ихъ, то паки дѣло военное неспору у нихъ будетъ; ибо аще что и во арміи не по нраву имъ будетъ, то пакости оныхъ ** опасно: самовольство никогда добра не дѣлаетъ, кромѣ пакости.

И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и изчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ не достанетъ, то и надобно лѣсъ рубить; а буде кто станетъ говорить, что де вамъ по указу Великаго Государя вельно дрова свои жечь, то жесточае будутъ чинить; и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко достигать его; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ достигнуть по

* У Стр. зацѣпляется.

** У Стр. отъ нихъ. Впрочемъ здѣсь должна быть ошибка въ обихъ спискахъ.

• нему, но и военный челоѣкъ не на равнаго себѣ нескоро судъ същеть.

Въ прошломъ 721 году присланъ былъ въ Новгородъ Преображенскаго полку офицеръ капитанъ Иванъ Моисеевъ, сынъ Невельской, для розыску во взятыхъ лудинахъ, которые присланы были изъ Москвы въ Новгородъ на продажу, и къ тому камочному дѣлу приличился Новгородецъ, посадскій челоѣкъ Петръ Тереньтѣевъ, токмо во одномъ свидѣтельствѣ, а я и ничему неприличень; а тотъ Невельской взялъ его Петра на постоялой свой дворъ, а держалъ подъ карауломъ больше двухъ недѣль. И аще до него Петра дѣла нѣтъ, а онъ прислалъ писаря своего съ солдаты, и животы его Петровы запечатаны, а меня изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи де указъ, почему ты насъ изъ хоромъ выживаешь вонъ, и животы наши печатаешь; и ее солдаты сильно выгнали вонъ изъ горницы, и стали и изъ двора вонъ выбивать, и мы поупрямились, не пошли вонъ. И онъ Невельской прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выидете, то-де прїѣду самъ, и совсѣмъ де вымечу на улицу, а жену де твою за косы выволоку вонъ. И жена моя убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась; а я на томъ Петровомъ дворѣ по приказу воеводы Князя Юрія Яковлевича Хилкова жилъ.

И того Капитана Невельскаго называютъ добрымъ и разумнымъ челоѣкомъ, а такія обиды чинилъ; и • Петръ побывалъ у него съ гостинцемъ, то онъ его животы отпечаталъ, а моихъ не распечаталъ: знатное дѣло, что и съ меня хотѣлось нѣчто сорвать, и едва упросилъ его Воевода Князь Юрія Яковлевичъ, что приказалъ распечатать и караулъ свестъ.

И тогожь 721 года Полковникъ Дмитрій Ларионовъ, сынъ Порецкой, будучи въ Новгородѣ въ канцеляріи провинціального суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу; а за что посадить хотѣлъ, вины своей ни малья не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, только былъ тутъ Нотариусъ Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ Нотариусъ и приказные подъячїе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его Полковника допросить; и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ въ Новгородѣ отвѣчать не буду.

И я, аще не весьма послѣдній человекъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщеть судъ кто мизирнѣе меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу.

А аще учиненъ будетъ судъ равный, каковъ простолюдину, таковъ и безъ понаровки и офицеру; то и нехотя всѣ прыткость свою отложить, и будутъ ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирахъ, но и на пути по прежнему никого обидить не будутъ.

И аще служивые вси яко рядовые солдаты и драгуны Его Императорскаго Величества указу послушны не будутъ, и обижать перестанутъ, и начнутъ со всеми чины въ любви быть,—такожде, аще и офицеры ихъ въ таковое же послушаніе внидутъ, и со всеми чинами въ любви будутъ, — и къ тому еще у всѣхъ полковъ пѣхотныхъ военной артикулъ гораздо будетъ твердъ, еже ни отъ какого замѣшанія непріятельскаго имъ не смѣшатися, — то на бою будутъ яко каменная стѣна.

А будеже въ ружьѣ будутъ силу звать, и у фузей огнивы будутъ имѣть огнистыя и кремни приправныя, чтобъ осѣчки никогда не было, и фузей каковы чисты свону, * пачежъ того внутри, и къ струнѣ внутрь приправленной; ** то такое ружье вельми надежно, и къ стрѣлянню цѣльно, и въ ратоборствѣ споро; а къ тому, аще и стрѣлять будутъ не по прежнему на вѣтеръ, но въ самое дѣло, чтобъ ни пуля, ни порохъ даромъ не пропадалъ, и аще толь твердо научатся съ руки стрѣлять, чтобъ никакого бѣгуна скачущаго на конѣ не упустили, — то таковыя солдаты, на бою непріателемъ вельми будутъ страшны, не токмо на сухопутномъ бою, но и на водяномъ будутъ страшны.

И ради морскаго бою вельми учить молодыхъ солдатъ, чтобъ они навѣкли съ руки въ цѣль бить безъ погрѣшенія, чтобъ и на малыхъ шлюбкахъ вѣдучи могли и во время волненія въ цѣль безъ погрѣшенія убивать; и аще тако затвердятъ, то самая честная морская битва будетъ, и чаю, что и на весь свѣтъ славнабъ и ужасна была.

Къ томужъ, аще и рукобитное ружье будетъ имѣть самое острое, то и въ такомъ ружьѣ спорыня будетъ немалая; понеже острое ружье хотя чуть коснется кишкамъ и прочимъ внутреннимъ, то той человекъ живъ быти уже не можетъ, и никто излечить его не можетъ; а съ пустымъ ружьемъ аще и сквозь утробу человекью проколетъ, то та рана залечить можно; потому что она кишокъ не повредитъ; а самое острое ружье — смертная язва.

И таковымъ солдатамъ, мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдатами и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублевъ, а тѣмъ,

* У Стр. *свойну*.

** У Стр. *приправлено*.

которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженьяхъ по шапкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублевъ на годъ, дабы, на то смотря, и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рубл. на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужить за два или за три человѣка неумѣющихъ.

И на сухопутномъ бою, на сходѣ съ непріателемъ, аще таковыхъ солдатъ тысяча человѣкъ выстрѣлятъ, то на худой конецъ повалилибъ непріятельскихъ людей сотъ пять-шесть; то каковъ бы ни былъ непріятель жестокъ, умякнулъ бы, и нехотя рожу свою отворотилъ бы назадъ. Я чаю, что другаго запалу не стали бы дожидатися, стали бы смекать, какъ бы на бѣгу уйтить.

Есть слово похвальное про Финны, что де такъ крѣпко на бою стоять, что убьютъ де человѣка, а другой на сго мѣсто и станеть; и то не дивно, буде убьютъ у ста человѣкъ одного или двухъ человѣкъ, то плохо * заступать, а будеже у ста человекъ да убьютъ пятьдесятъ или шестдесятъ человѣкъ; то я не знаю, какъ бы и тѣ славные Финны могли заступить. А будеже на побѣгъ не пойдутъ, но станутъ на мѣстѣ томъ укрѣплятися, и дождутся другаго запалу, то и побѣжати будетъ некому, но вси тутъ уснутъ.

Я сего не могу знать, что то за повѣчай древній солдатской, что только одно ладять, чтобы всѣмъ вдругъ выстрѣлить будто изъ одной пищали: и такая стрѣльба угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится; тамъ не игрушку надобно дѣлать, а самое дѣло, чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ

* Такъ въ обоихъ спискахъ. Не ошибка ли вмѣсто *можно*?

дѣло, почто сошлись. Я много слыхалъ отъ иноземцевъ военныхъ похвалы такой, такъ де жестоко билися, что во огнѣ де стояли часовъ съ шесть, и никто де никого съ мѣста сбить не мѡгли. И сія похвала немецкая — у нихъ бы она и была; а намъ дай Боже ту похвалу нажать: съ Русскими де людьми битися нельзя; ежели де единожды выпалятъ, то де большую половину повалятъ. И такая битва не въ шесть часовъ, но въ одну минуту.

И если Богъ изволить тако Русскимъ нашимъ солдатамъ научиться, что ни одинъ бы пули даромъ не терялъ, и таковыхъ солдатъ если тысячь десятокъ набрать, то я знаю, что и съ двадцатью тысячами не пошелъ бы никто на битву съ ними: отъ Русскаго солдата будто отъ лютаго звѣря всякой бы непріятель бѣжалъ безъ оглядки.

Подъ Азовымъ на Швартовъ полкъ набѣжали Татары, и солдаты, по приказу своего полковника, понѣмецки всѣ одиниъ разомъ выпалили, и всѣмъ полкомъ неубили и десяти челомовѣкъ, и тѣ Татарове увидѣли, что почали ружья заправлять, вскочили вдругъ, ружья имъ заправлять не дали, и всѣхъ, что овецъ погнали въ свою землю и съ полковникомъ. А еслибы не на вѣтеръ стрѣляли, да половина бы выстрѣлила, а другая бѣ въ запасъ была, тобы не погнали что овецъ. А ащебы всѣ умѣли цѣльно стрѣляти, то и на худой конецъ ста два-три убилибъ, то и Татарове не смѣлибъ толь смѣло на цѣлой полкъ навалиться; а еслибъ сотъ пять-шесть у нихъ убили, тобы они къ чорту забѣжали, что и сыскать бы ихъ негдѣ было. Татарове смѣлы, пока большаго урону нѣтъ; а егда сотню другую челомовѣкъ потеряють, то и они щеку свою отворачиваютъ: любятъ они даромъ взять.

Былъ я еще въ молодыхъ лѣтѣхъ на Пензѣ, и та-

мошніе жители, служивые люди, усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то, истинно не лгу, что говорили мнѣ: останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татаръ не будемъ бояться; и я сталъ говорить, еже одному мнѣ съ ними нечего дѣлать. И они мнѣ сказали; видимъ де мы, что ты скорѣ стрѣлять и пулей даромъ не теряешь, а Татары де напорчиво напирають, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь, а отъ нихъ де выѣзжаютъ нартики и сажень въ десяти разъ-ѣзжаютъ, а мы де уставя пищали, да стоимъ передъ ними, а ты де хотябъ одного изъ нихъ убилъ, то бы они уже не стали такъ набѣжать, а еслибы де чело-вѣкъ дву-трехъ убилъ, то бы де и всѣ исчезли.

И по такому примѣру аще бы Богъ изволилъ та-ковыхъ бойцевъ тысячъ десятокъ-другой набрать, то вѣдаю я, что сталибъ всѣ непріатели трусить; а если же къ таковымъ бойцамъ да сооронить рогатки огне-стрѣльныя съ запальными пищальми; то изъ таковыхъ пищалей встрѣтилъ бы непріатели сажень во стѣ, и пока къ сраженію сходятся, а у нихъ бы начальныхъ людей, кои предъ полкомъ выступаютъ, поубавилъ бы; а егда сажень въ 30 будутъ, то бы встрѣтилъ ихъ рогаточною стрѣлбою; а кои у рогаточной стрѣлбы останутся, то тѣхъ бы тѣ солдаты изъ своихъ фузей подхватили, и отъ той стрѣлбы, кои остальцы будутъ, то бы ихъ ручнымъ боемъ прокололи; а буде устремится на побѣгъ, то конные, такіе жъ огне-стрѣльные драгуны, проводили бы ихъ до упокоенія вѣчнаго.

И къ таковой бы огнестрѣльной пѣхотѣ да устроить конныхъ бойцевъ хотя одну тысячу человекъ тако-выхъ, чтобы, на конѣ скачучи или рысью бѣгучи, стрѣлять могли по цѣли впередъ себя, и на обѣ сто-

роны и назадъ себя; то таковая и одна тысяча замѣнить у дѣла паче десяти тысячъ, а дѣло бы у нихъ споря и двадцати тысячъ было; потому что противо таковыхъ бойцевъ, я невѣмъ, кто бы могъ устояти, и чтобы по прежнему во огни цѣлой день стояти, но и въ четверть часа скучать; яко то могу разумѣти, что и двухъ запаловъ не вытерпятъ, но всѣ остальные будутъ смекать, какъ бы голова своя унести.

И аще бы Богъ помогъ таковыхъ воиновъ набрать тысячъ пять-шесть, то непочтобъ пятьдесятъ тысячъ войска коннаго держати и кормить напрасно. И аще, какъ пѣхота, такъ и конница, не будутъ даромъ пулей терять, то отъ таковыхъ бойцовъ непріятелю трудно будетъ и на убѣгъ бѣжать, а и догонять таковыхъ бойцовъ непріятель не посмѣетъ.

И таковымъ воинамъ подобаетъ и ружье самое доброе и цѣльное имѣть, и имѣлъ бы конный воинъ ружья при себѣ, фузею да пару пистолетовъ длинныхъ, да коротышковъ карманныхъ пару же, да копейцо при сѣдлѣ самое острое имѣть подъ ногою ратовище аршина въ три или въ полчетверта.

И таковымъ воинамъ подобаетъ одежда носить красная; понеже они огнистые люди, яко огонь малой многія дерева пожигаетъ, тако и сіи. Аще на пространномъ и свободномъ мѣстѣ, то и малыми людьми, аще Богъ помощъ свою имъ пошлетъ, могутъ многихъ поразити.

И таковыя бойцы при свободныхъ мѣстѣхъ десятио тысящами заслужилибъ за пятьдесятъ тысячъ, и аще и не таковы будутъ умѣтельны стрѣлять, ежели бы ни одной пули даромъ не потерять.

Обаче надобно служивой людь беречи, чтобы имъ нужда ни хлѣбца, ни одежная некасалася. Зело отъ нихъ слышно, еже къ нимъ на мѣсяць и по десяти алтынъ не приходитъ; то чѣмъ ему пронииматися, гдѣ ему взять

шуба и иныя потребности, и харчу на что ему купить? и въ таковой скудости будучи, какъ ему не своровать и какъ ему изъ службы не бѣжать? нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнить будетъ готовъ.

О солдатѣхъ и о драгунѣхъ надлежитъ великое попеченіе имѣти, и тщательно того смотрѣти и при квартирахъ, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны были, а при арміи и наипаче подобаетъ ихъ довольствовати, чтобъ они радуящеся служили. И егда всѣмъ будутъ довольны, то служба ихъ будетъ исправнѣе яко въ главныхъ полкахъ, тако и въ послѣднихъ и въ новобранныхъ. Аще будутъ вси пищею и одеждою довольны, то вси, радуясь, будутъ служить.

А сіе мнится мнѣ, не весьма прямо учинено, аще съ нѣмецкаго переводу взято, еже мундиръ солдату или драгуну дать, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья мѣсячнаго и вычестъ. И отъ таковыхъ вычетовъ какъ солдатамъ въ нуждѣ не быть; жалованья ему на мѣсяць учинено только тридцать алтынъ, а за вычетомъ только дается ему десять алтынъ или меньше; и изъ таковаго малаго жалованья чѣмъ ему шуба и шапка, и рукавицы, и чулки или онучи купить? И мнѣ мнится и вычеты отставить, и по гривнѣ на мѣсяць денегъ надлежитъ прибавить, чтобы имъ было исправить свои нужды. Мнѣ мнится, аще вычеты отставлены будутъ, то гораздо радостнѣе и радѣтельнѣе будутъ служить.

Я истинно видѣлъ: въ Санктпетербургъ солдатъ купилъ мяса на послѣдней недѣлѣ Рождественскаго мясоѣда, и говорить: хотя бы де для заговенія оскоромиться, и сіе не самая ли нужда, что во весь мясоѣдъ ѣлъ сухой хлѣбъ. И буде и въ службѣ будучи при арміи такую же нужду принимаютъ, то трудна ихъ служба.

Я мною: аще бы пищею и одеждою довольни были; то чаю, что и служба у нихъ вдвое сноря была. А егда голодень и холодень, и ходить скорчася; то онъ какой воинъ, что служа востъ?

А буде кой солдатъ или драгунъ и отъ довольной сытости да станеть плутать, изъ службы сбъжить; то поймавъ его распросить, отъ чего онъ бѣжалъ? И буде нехотя служить, то учинить ему смертная казнь, или вмѣсто смертнаго казни наложить ему на лбу херъ или иной какой знакъ, чтобы онъ всякому знатень былъ, что онъ бѣглець; то уже тотъ впредь не побѣжить, потому что за такимъ знакомъ никто его на дворъ не пустить, и ни къ какой его работѣ нигдѣ не примутъ, и гдѣ кто его не увидить, аще не при полкъ, то поймать его можетъ, и связавъ, отослать къ суду; а судъ ему уже смертенъ.

А буде же пойманный солдатъ скажетъ, что бѣжалъ онъ отъ обиды офицера своего, то надлежитъ разыскать; и буде обида будетъ явна, то надлежитъ дать кара офицеру, а солдата отъ хера свободить; многіе бо солдаты и драгуны на офицеровъ своихъ жалуются, что великія имъ обиды чинять, а управы на нихъ не сыщутъ.

И ради общежительства любовнаго аще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроить единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку; убогому и богатому, таковъ и солдату, таковъ и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику и генералу, — и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его достунать, како на простолоудина, тако и на служиваго, — то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцовъ не будутъ обидить. Аще увидятъ прямой правый судъ, то вси прежнюю свою гордость

и азарничесто и обиды всѣ отложить, и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не стануть того дѣять, и указы Его Императорскаго Величества не стануть ничтожить; ибо тѣжъ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицеражъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выключеть! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняють своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу и не нарочить: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата изнести. А аще судъ будетъ по нынѣшнему и разный, служивымъ особливый, а прочимъ чинамъ особливыежъ, да будутъ единой главной конторѣ подсудны и во всемъ послушными, то можетъ правда установитися.

Обаче ради нелицепріятнаго суда надлежитъ судьямъ быть особливымъ, кромѣ солдатъ и офицеровъ; чтобъ уже былъ судъ всѣмъ безъ понаровки; и судьямъ страшной, жестокой указъ предложить, дабы никаковому лицу ни понаровки, ни посяжки не чинили, а несправедно, ни самага земледѣльца безвинно осудить, или и челобитной у него не принять, не смѣли. Прержній судъ у солдатъ тако былъ: буде солдаты кого убьютъ или ограбятъ, то онижъ будутъ и правы; а кого били или и грабили, то тогожъ и виноватымъ дѣлали. И хотя кто солдата поймаеть, то

и самъ не радъ будетъ; ибо еще и съ поличнымъ приведетъ съ нимъ, то поимшій же бить будетъ. Мой человекъ поймался за лошадь мою: ту лошадь у него отняли, да егожь капитанъ Мавринъ высѣкъ батоги: для чего де ты обозъ останавливаешь, тыбъ за лошадью шель въ Санктпетербургъ: тамъ бы де и судъ на него дали. И тотъ судъ далекъ сталъ и трудень: лошадь дана 4 рубля, а послать туда бить челомъ, то больше того еще приложить; и та лошадь была у подводчика, а не у солдата, только подъ обиходомъ офицерскимъ, а и тутъ суда не сыскалъ.

А и сіе изложеніе, мню я, что не весьма здраво изложено еже и служивому на служиваго бить челомъ служивымъ же офицерамъ: и буде на равнаго себъ бьетъ челомъ, то всячески дадутъ судъ; а будешь на офицера, то и мыслить нечего, что суда не сыщешь; какъ ни есть, а изволочать. Буде кто не вельми докучливъ, то его минами (?) проволочать; а буде кто докучливо станеть бить челомъ, того посылками удручатъ, что нерадь будетъ и челобитью своему.

И то стало быть худой судъ; и того ради надлежитъ всячески потщатися о правомъ судъ, дабы никто къ Богу не воздыхалъ, и на судью пореченія никакого бы не наносилъ, и чтобъ Богу никто не жаловался, но всякомубъ человекъу винъ рѣшеніебъ чинить на земль, а до небснаго суда и не допустить бы. И аще судъ у насъ въ Россіи устроится праведный, и приступъ къ нему будетъ близостный и нетрудный, то никто никого суду Божию предавати не будетъ, но кійждо по винъ своей и судъ и награжденіе приметъ на земли.

ГЛАВА III.

О ПРАВОСУДИИ.

Богъ правда: правду Онъ и любить. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаеть ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранить не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорити, но что прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы.

Понеже судья судить именемъ царскимъ, а судъ именуется Божій; того ради всяческой судья подобаеть ни о чемъ тако не старатися, яко о правдѣ, дабы ни Бога, ни Царя, не прогнѣвати.

Буде судья судъ повѣдаетъ неправый, то у Царя пріиметь временную казнь, а отъ Богу вѣчную, не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ казнь вѣчную понесеть.

А буде судья повѣдаетъ судъ самый правдивый и велицепріятный по самой истинѣ яко на богатаго, тако на самага убогаго и безславнаго, то отъ Царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога милость и царство небесное.

Судія бо аще будеть дѣлать неправду, то ни постъ, ни молитва его не поможетъ ему, понеже уподобится лживому діаволу.

А буде же будеть дѣлать прямую правду, то подобень будеть Богу; понеже Богъ самая правда. И аще судья не погрѣшитъ въ судъ, то паче поста и молитвы поможетъ ему правосудіе его: писано бо есть, яко правда избавляетъ отъ смерти.

Судъ не подобаетъ ни о чемъ у Бога милости просити токмо о томъ, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божиими судъ правдивъ судити, дабы отъ незнанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити.

Мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроить; но елико ми Богъ даруетъ, готовъ, написавъ предложить, токмо не безъ страха есмь о семъ, еже азъ весьма мизирень и ученію школьному неискусень, и како по надлежащему достоинъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь, но токмо возложився на Его Божию волю, дерзнулъ мнѣніе свое изъяснити простотнымъ письмомъ.

Первое мнѣніе свое о судьействѣ предлагаю сицевое: егда кто отъ Его Императорскаго Величества опредѣленъ будетъ ко управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощное пѣніе отпавиль, и литургію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесномубъ воспѣль, и въ томъ моленіи просилъ бы объ откровеніи въ дѣлахъ у Господа Бога со слезами, ежебы Богъ подалъ ему познати правость и винность во всякомъ дѣлѣ; и во всемъ томъ правленіи надлежитъ всего себя вручить Богу, и ежебы онъ не допустилъ до какого либо искушенія, и чтобъ отъ неправости какой не впасти бы въ каковья напасти. А не худо бы и на всякой день, воз-

ставъ отъ ложа своего, тотъ (?) новосочиненный Богу Отцу нашему небесному канонъ прочитывати съ богомыслиемъ, дабы дѣла его судныя строились по волю Его Божіей, и не допустилъ бы Богъ до какова либо искушенія, и избавилъ отъ всякаго лукаваго дѣла.

И положить себѣ надлежитъ уставъ недвижимый такой, ежебѣ, вшедъ въ канцелярію и сѣдши на мѣсто, первьѣ: повелѣлъ бы колодниковъ, что ихъ есть, поставить предъ себя на лицо, и спросилъ бы всѣхъ порознь, кто въ чемъ сидитъ, и у коего подъячего дѣло его, то справиться съ дѣломъ; а буде дѣло до кого невеликое, то тогобѣ часа и рѣшить его; а буде коего дѣло рѣшить того часа не возможно, то велѣлъ бы того свободить на поруки, или на росписку, или за пристава, и положилъ бы срокъ, когда коему явиться. А что ежедневно являться, то самое бездѣлье, излишня волокита: сталъ бы онъ на положенной срокъ. А въ приказѣ бы кромѣ разыскныхъ дѣлъ отнюдь бы никого не было, и до коего сроку кто будетъ свобоженъ, то судьябѣ написалъ въ памятную свою книжку, чтобы того числа рѣшить его. И тотъ срокъ судья вельми надлежитъ памятовать, чтобы на себя пороку не навести.

И тако на всякой день судья годствуетъ колодниковъ пересматривать, чтобы не былъ кто напрасно посаженъ. Издревль много того было, что и кого подъячій посадить, безъ судейскаго вѣдома, а иного и приставъ посадить, и безъ вины просидитъ много времени. И аще кой судья сего смотреть не будетъ, то взыщется на немъ вина въ главной конторѣ, коя на управу неправымъ судьямъ учинена будетъ.

А древняго у судей обыкновенія такого не было, ежебы колодниковъ самому судья пересматривати, и дѣла ихъ безъ докуки разсматривати; только одни

подъячіе перекликають и то того ради, что все ли цѣль, а не ради рѣшенія; и того ради много и безвинно сидятъ, и помирають голодомъ.

Въ прошломъ 707 году при моемъ видѣннѣ привелъ въ Преображенское слуга боярской дѣловаго челоуѣка за то, что онъ сказалъ за собою слово Государево, и Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ спросилъ у него о словѣ, и онъ сказалъ: я де желаю Великому Государю служить въ солдатѣхъ, а помѣщикъ де велѣлъ меня за то сковать, и я де того ради и сказалъ за собою слово Государево. И Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ и отослалъ его въ солдатство; а которой челоуѣкъ его привелъ, посаженъ былъ въ острогъ, и сидѣлъ тотъ приводецъ недѣль съ пятнадцать съ великаго поста до Петрова дни. И то пришелъ ихъ стряпчій, да вынулъ на росписку. А по правому разсужденію не довелось было и одинаго дня его держать, а и росписки было брать не для чего: все сіе затѣйки приказныхъ людей, а людемъ Божиимъ такимъ задержаніемъ и напрасными росписками чинять великой убытокъ.

До кого дѣла нѣтъ, непочто того роспискою вязать. Тако и по всемъ приказамъ чинять.

Въ прошломъ 719 году сыщикъ Ислѣнтѣевъ въ Устрикъ у таможеннаго цѣловальника взялъ съ работы двухъ челоуѣкъ плотниковъ за то, что у нихъ паспортовъ не было, и отослалъ ихъ въ Новгородъ, и Новгородъ судья Иванъ Мякнинъ кинулъ ихъ въ тюрьму, и одинъ товарищъ, годъ пересидя, умеръ, а другой два года сидѣлъ, да едва едва на росписку свободилъ. И тако многое множество безъ разсмотрѣнія судейскаго людей Божіихъ погибаетъ.

На что бодрѣе и разумнѣе господина Князь Дмитрія Михайловича Голицына! Въ прошломъ 719 году подаль я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить вино-

курной и водку взять на подряд; и не въдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить; и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу, не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я уряднику доложить о себѣ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: давноль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотъ часъ и велѣлъ меня выпустить. И я, кажется, и не послѣдній чловѣкъ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ; а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче коего мизирнаго посадятъ, да и забудутъ. И тако многое множество безвинно сидятъ и помирають безвременно! А по мѣлкимъ городамъ многіе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ, и отдають подъ караулъ.

И того ради какъ по приказомъ, такъ и по городамъ, надобно имѣть росписи, что есть колодниковъ, и чтобы безъ записки въ роспись никакого бы колодника ни въ приказѣ, ни въ тюремѣ не держали; а буде въ пересмотрѣ явится кто въ роспись не вписанъ, то кто его посадилъ безъ записки, надлежитъ жестоко наказать, дабы впередъ такъ не дѣлали. А и старыхъ колодниковъ буде по вся дни пересматривать судья за многодѣіемъ не управится, то не отложно пересматривать понедѣльно, а наипаче по понедѣльникамъ. А приказныхъ сидѣльцовъ въ приказѣ и пересматривати; а тюремныхъ сидѣльцовъ, въ тюрьму пріѣхавъ, и пересматривати накрѣпко: нѣтъ ли какого незаписнаго колодника или нѣтъ ли уходца изъ записныхъ?

Я истинно удивляюсь, что то у судей за нравъ, что въ тюрьму посадя, держать лѣтъ по пяти-шти и больше!

• Если бы судья и воеводы новоприводныхъ колодниковъ ежедневно пересматривали, то бы сего уже не было, и никому бы безвинно посадить и подъ каруломъ держать было никакъ.

А и дѣламъ всѣмъ, по моему мнѣнію, надлежитъ всякому судья учинить росписи же, и ту роспись по вся дни прочитать, и подъячихъ понуждать, чтобъ отъ челобитчиковъ доуки не ждали, но тобы и помнили, чтобъ дѣло не лежало безъ дѣланія, и готовили бы къ слушанію. И егда кое дѣло къ слушанію готово, то судья съ товарищи слушать не дожидаясь отъ истца или отвѣтника доуки о вершенъ.

Судья надобно помнить то, чтобы даромъ и единого дни не пропустить, чтобъ дѣла какого изъ той росписи не вершити, и слушавъ, чинить рѣшеніе немедленно, дабы люди Божіи во излишнихъ волокитахъ напрасно не мучились.

А и дѣла къ слушанію готовить, по мнѣнію моему, надлежитъ сице: который подъячій изъ коего дѣла дѣлалъ выписку, тотъ бы и подписалъ подъ тою выпиской: я (имркъ) выписку сію дѣлалъ, и истецъ, по сему и по сему правъ; а буде истецъ виненъ, а отвѣчикъ правъ, то такожде именно подписать, почему онъ правъ и почему другой виноватъ.

И судьямъ то дѣло выслушавъ высмотрѣть хорошенько правды и неправды, и ради лучшаго разумнія сдѣлать изъ дѣла выметку коротенькую, и росписать именно правости и виновности, и высмотря ту выметку и посмотрѣть подъяческаго оговору, кого онъ править. И буде подъяческій оговоръ съ судейскимъ сходенъ, то и ладно такъ; а буде у подъячего оговоръ сдѣланъ разумнѣе и правильнѣе, то такого подъячего надобно оберегать. А буде дѣль пять-

шесть или десятокъ сдѣласть, и оговоры его правильны, то надлежитъ его и честью повѣсить.

А буде же подъячій сдѣлаеть вопреки правдѣ, то учинить ему наказаніе неоскудное; а буде же дѣлалъ такой приговоръ по пристрастію, то лють, лють, наказать и жалованье убавить; а буде же въ другой рядъ такожде неправо подпишетъ, то уже и казни подпадетъ.

И егда кто богатый или самый убогий челобитную о обидѣ своей или и въ какомъ ни есть случаѣ подастъ, то, по моему мнѣнію простотному, надлежитъ ее судѣ принять, и замѣтить число подачи, а къ запискѣ ее въ протоколъ не отдавать, и самому судѣ вычести ее со вниманіемъ и чтобъ чтенное памятовать. И высмотря челобитную втонкость, взять того челобитчика въ особое мѣсто, и спросить его сице: «Друже! подавъ ты челобитную о обидѣ своей, праволь ты на него бьешь челомъ?» И аще онъ речеть самую правдою, то надлежитъ ему молвить: «Господа ради самъ ся осмотри ты, чтобы тебѣ не впасти въ напасть и въ великой убытокъ, паче же убытку въ грѣхъ не впади; чтобы тебѣ во второе Христово пришествіе праведнымъ Его судомъ осуждену не быть,» и сказать: «мы судимъ овогда право, овогда же и неправо; понеже мы не сердцевѣдцы, а тамо не нашъ гнилой судъ будетъ, но самый чистый и здравый, и всякая ложь и правда будетъ явна, и не токмо большія дѣла, но и самая малая крупина будетъ обнажена, понеже самъ сердцевѣдецъ Богъ имать судити. Святый Апостолъ Павелъ глаголетъ: яко страшно естъ впасти въ ружь Бога жива (ко Евреемъ гл. 9, ст. 51); и сего ради ты, друже мой, самъ въ себѣ помысли, дабы тебѣ не впасти въ Божій судъ. Велики надобно Божія суда страшитися; понеже Богъ ни на

каковыя лица не смотритъ, но на самое дѣло; и аще ты сего чловѣка изубытчишь напрасно, и на нашемъ судѣ аще и правъ будешь, а тамо оправданіе наше будетъ тебѣ въ большее осужденіе, буде напрасно его изубытчишь, а и насъ на грѣхъ приведешь. И аще ты самъ предъ нимъ чѣмъ виненъ, а надѣясь на свою мочь потолочишь его, то уже самое горшее осужденіе пріимеши. И аще тогда и каятися будешь, да ничего себѣ не поможеш; и того ради нынѣ осмотришь, дабы тебѣ въ вѣчную погибель не вринутися. Кто предъ Богомъ не грѣшенъ, и кто передъ Царемъ не виненъ! Такжеже и между собою како бы въ чѣмъ не поссоритися, Господа ради не входи въ большую ссору, не приложи болѣзни къ болѣзни, и суперника своего не вводи въ большой убытокъ. Если ты и правъ будешь, то не безъ убытку тебѣ будетъ; а если же да неправъ будешь, то его изубытчишь, а себя и наипаче въ великую напасть ввалишь: понеже всѣ убытки его, что онъ ни скажетъ, безсрочно доправлено на тебѣ будетъ, да въ казну заплатишь пошлинны, а приказнымъ людямъ дашь заработныя деньги. Пойди себѣ съ добрыми людьми подумай, и какъ вѣсть, хотя на себя поступа, а лучше помирись, а челобитную его у себя поблуди, дондеже о миру договоръ учинять.»

И потомъ отвѣтника велѣтъ сыскать. И егда отвѣтникъ приведенъ будетъ, то такжеже на словахъ его пораспросить: чѣмъ онъ виненъ, и спросить его за вѣрою, чтобы онъ сказалъ всю правду, какъ что было, и за что у нихъ стало.

И буде онъ тебѣ повинится, то ты для памяти вину его у себя записать, и за повиновеніе надлежитъ надъ нимъ милость показать, како бы ихъ смирить, а до большихъ бы убытковъ не допустить. А аще повинится

въ малой винѣ и о прочемъ скажетъ съ клятвою, что написалъ на него излишнее, то уже судья надлежитъ болѣе пораздробить истца на словахъ, и поискать правды всякими примѣрами. И буде отвѣтчикъ прямо сказалъ, то въ истцѣ * можно поклепной искъ познать.

А буде отвѣтчикъ за такимъ великимъ притужаніемъ вины своей ничего не скажетъ, и клятвою закрѣпить, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, напаль де на него челобитчикъ напрасно, и то что онъ нискажетъ, записать, и всячески на словахъ его пороздробить, какъ кого на тотъ часъ Богъ вразумить.

А аще кто умно будетъ разговаривать, то на тонкостныхъ словахъ можно познать, правдуль сперва сказалъ или неправду; и буде признается въ немъ вина, то надлежитъ его и наипаче принудить съ великимъ притужаніемъ, чтобъ онъ помиловалъ себя и помирился.

А буде признана будетъ истцова неправда, что ищетъ онъ нападкомъ, то надлежитъ его понуждать къ миру, чтобъ онъ ни отвѣтчика, ни себя въ убытокъ бы не валилъ, а вражду свою порвалибъ безъ допросовъ, чтобы имъ обонимъ убытку напраснаго не было.

А буде же истецъ или отвѣтчикъ будетъ гордо говорить, и на миръ идти не похочетъ, и таковому сказать: «добро то буде ты правъ будешь, а буде же явишися виненъ, то тогда ни малыя милости отъ насъ не получишь. Однако же аще ты и весьма правъ, а лучше безъ большихъ убытковъ помириться, потому что и худой миръ лучше добрыя брани, а живите себѣ въ любви: вѣдаешь ли ты о семъ, что идѣже любовь, ту и Богъ; а идѣже вражда, тамъ діаволь; и дать имъ сроку дни на три или на чтыре. И аще во всемъ помирятся, то пришли бы они оба предъ судію и

* Такъ у Стр., а въ моемъ спискѣ кажется ошибка *выше*.

объявили бы о мирѣ своемъ, и тотъ ихъ миръ записать въ книгу, на то устроенную, и записать именно, о чемъ у нихъ было дѣло подлинникомъ, а не перечнемъ, и къ той запискѣ приложили бы руки, а челобитную подрать и отдать челобитчику; и мировыя пошлины взять съ нихъ по указу; и въ мировой книгѣ подѣ запискою ихъ и подѣ взятіемъ пошлинъ закрепить бы самъ судья или воевода.

А еще кои соперники въ мирѣ не пойдутъ, то чинить имъ допросъ по указу передъ судьей, и кто кого чѣмъ будетъ уличать, надлежитъ судѣ слушать и внимать, и на словахъ обоихъ ихъ надобно судѣ поводить, и искать въ нихъ правды, и на многихъ и тонкостныхъ словахъ означится правда и неправда.

И буде одинъ изъ нихъ силенъ и честенъ и словесенъ, а другой бѣденъ или не бѣденъ, да безсловесенъ, къ тому же еще и мало смыслящъ, то судѣ надобно на сильное лицо не стыдяся возстать, еще во убогомъ или и неубогомъ, да безсловесномъ истцѣ или ответчикѣ признается правость; а который многословіемъ своимъ не дастъ ему въ словахъ выправиться, то всячески, ради любви Божіа, помощи подбаеетъ безсловесному и сильному не давать его безсловеснаго изобидѣти; понеже судъ именуется Божій, то тако надлежитъ и чинить, чтобы судъ былъ подобенъ Божию суду, нелицепріятенъ.

И чтобы на судѣ и на допросѣхъ были истцы и ответчики сами, а не наемные ябедники; понеже ябедники ябедничествомъ и многословіемъ и самую правду заминаютъ и правого виновнымъ поставляютъ, а виноватаго правымъ, и такъ правду заминаютъ, что и судьи словъ ихъ разобрать не могутъ; и кой не ябедникъ, а ябедникъ буде мѣшать ему не будетъ, то онъ больше правду будетъ говорить, а будежъ и мол-

вить какое слово неправое, то онъ и сомнется. И того ради не у ябедника скорая винность и правость познать можно. И того ради супернику не надобно давать словъ его заминать; а и подъячсму, кой записываетъ, торопить его, ни спорить, ничего не надобно: какъ онъ знаетъ, такъ пусть и выправляется, только бы лишъ постороннихъ и къ тому дѣлу неприличныхъ словъ не говорилъ бы.

И егда будутъ въ допросахъ, и стануть на одной ставкѣ другъ друга уличать, то судья при семъ надобно держать ту записку, которая записана въ конторѣ въ первыхъ ихъ разговорахъ, и смотреть прилежно, не будетъ ли истецъ или отвѣтчикъ съ первыми своими словами разбиваться. Бude станеть говорить не такъ какъ на одинъ сказалъ, то во измѣнныхъ словахъ паче перваго надлежитъ въ словахъ раздробить, чтобы дощупаться самыя правды. И аще безсловеснаго явится слова съ первыми сходны, а умнаго словесника лявятся ровнь; то всячески надобно безсловесному помогати, и сильному не дать его тѣснить и обиду чинить.

А бude во время допроса подойдетъ кто съ стороны, и станеть въ какихъ либо словахъ учить, то того учителю надлежитъ взять подъ карауль; и бude безхитростно поучиль, то штрафомъ его обложить; а бude нарочно, на то уготовавшись, пришелъ, то и розыску подлежить.

И того ради во всякой канцелярїи надлежитъ сдѣлать особные чуланцы, чтобъ во время допроса никто посторонній тутъ небылъ, а и судья бы никто не мѣшалъ.

И за обидимаго и самому судья надлежитъ быть стряпчимъ, обиднику же быть жестокимъ судїею и немилостивымъ. Такъ надобно здраво судить, чтобъ аще и самый свойственникъ ближній подъ судъ при-

личится, а по дѣлу виненъ будетъ, то отнюдь не надлежитъ его щадить, чтобы во второе свое пришествіе Господь Богъ не сталъ пересуживати, и за неправый судъ не быть осуждену самому судья на вѣчное мученіе.

И у коихъ суперниковъ учинится какаѧ ссылка общаѧ или необщаѧ, то паче судныѧ записки прилежно и разсмотрительно надлежитъ въ нихъ поискать прямыѧ правды; потому что ни въ чемъ таковыѧ лжи не обрѣтается, колико въ свидѣтельствѣ. //

А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей вишутъ заочно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ.

И ради истребленія таковыѧ ябедническіѧ неправды надлежитъ первѣе по обыкновенію приказному взять у нихъ сказки за руками, и чтобы подъячіе ихъ въ словахъ не разбивали и не научали бы, какъ лучше сказать, но дали бы имъ въ словахъ волю, и что ни скажутъ, добро или худо, сходно или несходно, такъ бы и писали, и чтобы къ тѣмъ сказкамъ приложили они руки, а дьякъ или секретарь закрѣпилъ бы тогожь часа, дабы послѣди нельзя имъ переменить тѣхъ сказокъ. А буде кой скажетъ: за мною де тѣжь рѣчи, то такъ и записать, что сказалъ тѣжь рѣчи и за мною, кои первой третій скажетъ.

А кто послался на повальный обыскъ, то по прежнему взять у нихъ свидѣтельство за тамошними руками. И егда тѣ обыски приняты будутъ въ приказъ, то надлежитъ велѣть имъ привести изъ тѣхъ свидѣтелей челоувѣкъ двухъ или трехъ изъ разныхъ деревень, а буде большой сыскъ, со всякаго десятка по челоувѣку достовѣрнаго свидѣтельства.

И егда свидѣтели явятся въ канцелярію и судѣ, тѣ обыски принявъ и высмотря ихъ, взять изъ тѣхъ свидѣтелей одного въ контору, и поставя его предъ образъ Божій и рещи: «ты, другъ мой, написанъ свидѣтелемъ, и скажи ты мнѣ такъ, какъ тебѣ на второмъ Христовѣ пришествіи стать, и не моги ты ни единого живаго слова сказать: аще неправду скажешь, то себя погубишь; и ты самъ себя побереги, не моги ты ни убавишь, ни прибавишь, какъ что видѣлъ, такъ и сказывай. Я тебѣ сказываю, что если ты мнѣ солжешь и скажешь по дружбѣ или изо мзды неправду, то кто тебя принудилъ солгать виновенъ будетъ платежу, а тебѣ за неправое твое свидѣтельство по новоизложенному Его Императорскаго Величества указу отсѣчь голову; и ради незабытныя памяти и инымъ свидѣтелемъ на показаніе голову твою возложить на колъ, и поставятъ ее при входѣ въ канцелярію, дабы всѣми всегда зримо была, и колико лжесвидѣтелей ни явятся, всѣхъ рядомъ головы на колъ тыкать, а пожитки всѣ ихъ взяты будутъ на Великаго Государя, а жены и дѣти будутъ отданы въ вѣчную работу. И того ради самъ ты себя и дѣтей своихъ побереги: буде ты подъячему сказалъ и ложно, то ты теперь исправься и скажи мнѣ самую правду, какъ ты что видѣлъ или слышалъ отъ кого, или только отъ кого слышалъ, кто на тебя послался; а буде нынѣ прямую правду мнѣ скажешь, то себя избавишь ты отъ смерти, а что подъячему ложно сказалъ, въ томъ прощень будешь.»

И аще кто скажетъ предъ судьей прямо, что онъ по наученію того суперника, кой на него слался, сказалъ ложно; то та вина раздѣлится на двое: половину тому лжесвидѣтелю; а другую учителю, и учинить имъ наказаніе равное, и по жестокомъ наказаніи запятнать

ихъ на лицѣ и на рукѣ лжесвидѣтельными пятномъ; и буде впредь въ такомъ же ложномъ свидѣтельствѣ явится, то безотложно чинить казнь смертную.

И кто въ какомъ дѣлѣ ни принесетъ повинную, то таковыхъ отъ наказанія жестокаго чинить облегченіе, и на такіа дѣла и книгу имѣть особливую, чтобъ кромѣ повинныхъ иныхъ никакихъ дѣлъ не писать, что можно было бы безъ замедленія сыскать хотя въ десять лѣтъ. А буде кто въ такой же винѣ явится впредь, то чинить ему указъ уложенный.

А будеже предъ судьей въ конторѣ не повинится и въ словахъ своихъ станетъ мяться, то таковаго надобно съ великимъ притужаніемъ напорно всякими образы разными допрашивать: давно ли то было, и товарищи его, кои въ росписи написаны, всѣ ли тутъ были, и прежде ли его они пришли или послѣ, или всѣ они вмѣстѣ пришли, и откуда пришли, и гдѣ они сошлись, и отъ чего у нихъ сталося, и какъ кончилось, и о коемъ часѣ дни или ночи и въ какой хороминѣ или на дворѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, и буде въ хоромяхъ, то въ коемъ мѣстѣ, въ переднемъ ли углу или у дверей или у печи или за столомъ, и сидячи или стоя, и раномъ или поздно, и на дворѣ ведрено ли въ то время или ненастливо было, и послѣ того случая какъ разошлись, и кто изъ нихъ прежде пошелъ отъ него, или кто остался, или всѣ вмѣстѣ пошли, и колико ихъ было, и всѣхъ ли онъ знаетъ или никого не знаетъ?

И какъ кого Богъ вразумить, надлежитъ въ самую тонкость свидѣтелей допрашивать и всѣ тѣ дробныя рѣчи записывать именно, какъ кто о чемъ ни скажетъ; потому что въ свидѣтельствѣ безъ мѣры много ложныхъ свидѣтелей бываетъ, а на тонкостныхъ распросахъ мудро ему ложь свою укрыть будетъ, и до-

прося, отвести его въ особое мѣсто, чтобы онъ ни съ кѣмъ никакого слова не промолвилъ.

И потомъ, другаго свидѣтеля взявъ, допросить, и у того допросу никто бы постороній не былъ, но токмо подъячій одинъ кой будетъ записывать; и буде грамоты кто умѣть, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣть, то печать бы свою приложилъ, чтобы послѣди спорить не сталъ.

А буде какимъ случаемъ тотъ допрашиваемый свидѣтель промолвить съ товарищами слово какое, коли подтвѣдительное, то надлежитъ распросить его уже и въ застѣнкѣ: чего ради такую рѣчь имъ промолвилъ?

И колико ихъ свидѣтелей ни будетъ, всѣхъ допрашивать таковымъ же образомъ; а буде не всѣ свидѣтели придутъ, то никого изъ нихъ не допрашивать, пока всѣ на лицо не будутъ.

А по такому тонкостному допросу вся будетъ правда и неправость явна. И будебы кои свидѣтели былибы ложные, то какъ бы они ни ухищрали, а въ таковыхъ допросѣхъ утаныть будетъ не можно: при Давидѣ Пророцѣ и два свидѣтеля не могли своей лжи сокрыть, и за то оба смерти преданы. А если гдѣ случится свидѣтелей пять-шесть; то хотя бы они всѣ цѣлый годъ твердили какъ имъ сказать, то не могутъ неправаго свидѣтельства сочинить, но всѣхъ ихъ ковь левнъ будетъ.

А буде же въ свидѣтельство случится токмо одинъ человекъ, то такожде надлежитъ его сперва, по приказному обыкновенію, подъячему допросить, потомъ по вышенисанномужъ изъявленію взять его въ контору, и распросить его такимъ же тонкостнымъ допросомъ или и вѣще того, какъ на тотъ часъ Богъ вразумитъ судію; понеже въ одномъ свидѣтелѣ много-

трудно прямую правду сыскать. Обаче, допрося его, отдать подъ карауль, и ввести въ контору того, кого оправить, и распросить его именно противъ свидѣтельскаго порядка безъ уятія дробныхъ вопрошеній, но и еще приложить тонкостнѣйшихъ допрошеній, дабы и въ одномъ свидѣтелѣ можно бы правду и неправду сыскать, и просить его о томъ свидѣтелей: прежде ли суперника его пришелъ къ нему или послѣ, и пришедъ, въ коемъ онъ мѣстѣ сѣлъ или стоялъ, и отъ него вмѣстѣ ли съ тѣмъ суперникомъ пошелъ вонъ, или прежде или послѣ?

И буде тотъ истецъ и отвѣтчикъ въ вопросѣхъ своихъ размолвится; то паки взять того свидѣтеля и объявить ему размолвку, и пристрастить его гораздо, чтобы онъ сказалъ самую правду безъ пытки. И буде повинится, чтобъ онъ наученъ на такое ложное свидѣтельство, то по вышеписанномужъ вину разложить на обоихъ, кто его научалъ и на него, послушника лжи.

А буде тѣми допросами разнять не мочно, то привести въ контору того, кого свидѣтель винить. А буде тотъ суперникъ видя себѣ обличеніе прямое, повинится, то и конецъ дѣлу; и буде же не повинится и скажетъ съ клятвою, что свидѣтель на него свидѣтельствуеть ложно, и ради изысканія правды и его спросить тѣмъ же порядкомъ вдробь, какъ они въ то время случились съ суперникомъ онымъ, и свидѣтель тотъ, какъ тутъ прилучился быть, при немъ ли пришелъ, или до него тутъ былъ, и чтобъ сказалъ всему тому дѣлу начало и конецъ, и всему тому дѣлу весь порядокъ, какъ что было.

А буде съ третьимъ у него будетъ различіе въ порядкѣ того случая, то паки взять въ контору свидѣтеля, и примѣняясь къ различнымъ словамъ, спросить его обо всемъ снова инымъ уже порядкомъ; и буде

сомнется въ словахъ своихъ, и явится въ порядкѣ томъ разность, то немедля и въ застынокъ, и спросить уже и съ пристрастіемъ и съ розыску. Если явится, что онъ на лжи свидѣтельствовалъ по дружбѣ или по свойству, а не изъ найму, то мнится мнѣ, мочно ему отъ смерти быть и свободну, а наказаніе весьма жестокое и чинить, какъ о томъ уложено будетъ; а знакъ не токмо на рукѣ, но и на лицѣ положить такое, чтобъ онъ всѣмъ людямъ знатенъ былъ, что онъ лжесвидѣтель, и никтобъ ему не вѣрилъ.

И ради таковыхъ допросовъ изыскательныхъ надлежитъ судѣ пріѣзжать по объѣдъ, чтобъ допрашивать всякими разными порядками не торопясь, не такъ допрашивать какъ сѣмо написано, но смотря по дѣлу и по случаю, и на самое дѣло зря, а не наизусть; ибо дѣла не видѣвъ, не можно о всемъ вполности написать; сѣмо означено токмо для примѣру, какимъ порядкомъ что чинить. И къ тому примѣняясь, надлежитъ у Бога милости просить всякому судѣ, чтобъ вразумилъ его, какъ ему правда сыскать, и какъ неправда познать; и во время допроса не надлежитъ въ судейскую палату излишнихъ людей пускать, чтобы въ допросѣхъ помѣшательства никакого не чинили. И егда истцовы и отвѣтчиковы и свидѣтелей допросы кончатся, и правда вся означится, то немедленно надлежитъ и вершить его, чтобы, за тѣмъ дѣломъ волочась, люди Божіи не разорились, и напрасно не убытчили. Буде же кои люди повинны будутъ смерти, то и ихъ держать долго не надлежитъ: токмо для покаянія недѣлю мѣста или дней десять, дабы въ тые дни постился и молился, и въ грѣхахъ своихъ каляся.

А буде кои люди явятся богохульцы, иже тѣло Христово и животворящую Его кровь въ скверну вмѣняютъ, и ругающеса мерзостию заустенія нари-

цать, то такому не надлежитъ живу быти ни сутокъ, но изъ застѣнка вышедъ, вершитъ его; потому что таковыхъ самъ Богъ еще при Моисей повелѣлъ предавать смерти.

(Осмотришь, старичокъ, и эту рѣчь вельми! нѣсть грѣхъ, побѣждающъ Божию челолюбю!) *

А буде кто изъ таковыхъ хульниковъ проситъся будуть на покаяніе, вѣрить тому не подобаетъ; понеже нѣсть таковымъ покаянія; самъ бо Царь Богъ усты своими рекъ: (Матѣ. гл. 12, ст. 31, 32) Аще кто Духа святаго восхулитъ, не отпустится ему той грѣхъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. А тыи богохульницы явно Духа Святаго восхулиша, иже дѣйства Духа Святаго хулять, и силу Его Божественную снижаютъ и отъемлютъ, якобы нынѣ Духъ Святыи ни накакая церковная дѣйствія не сходитъ и не дѣйствуетъ.

Вся бо богохульцы послѣдуютъ діаволу; како діаволь что ни речеть, то все ложь; ничимъ же разни и богохульцы: что не скажутъ, то все ложь; какъ законы ихъ ложны, такъ и слова ихъ всѣ лживы.

И буде вступятся за нихъ духовнаго чина или мірскаго, и будутъ просить, чтобы изъ таковыхъ богохульцовъ отъ смерти свободить, и буде поручатся въ томъ, что они совершенно каются, и хотять къ православной древней вѣрѣ приступити, неложно то въ поручной записи написать именно, что впредь ему богохульникомъ не быти и людей Божіихъ изъ древней вѣры въ новыя свои разновѣрія не привлачити, но и старыхъ своихъ товарищей, отпадшихъ отъ благочестія обращать на истинную христіанскую древнюю вѣру, и аще кого увѣщаетъ, на покаяніе приводилъ бы въ приказъ къ запискѣ. А буде обращать отъ своего

* Этыхъ словъ у Стр. нѣтъ. Не принадлежать ли они переписчику въ моемъ спискѣ?

заблужденія не будетъ, то онъ лестно покается; и за то поручиковъ его оштрафовать надлежитъ, а его въ вѣчное заточеніе отослать или уже повершить его.

А буде же кто по покаяніи своемъ будетъ учить своему зловрїю, то уже отнюдь сроку ему не давать его жестокой смерти, а поручниковъ его оштрафовать съ наказаніемъ.

А разбойниковъ, мнится мнѣ, больше трехъ пытокъ не для чего пытатъ, дабы во многихъ пыткахъ не продолжилось ихъ сидѣнье. Вора и разбойника отнюдь держать долго не надобно: что долъ онъ сидитъ, то боль отъ него пакости. И каковой воръ въ первомъ и въ послѣднемъ застѣнкѣ говоритъ согласно, то и приведъ его къ плахѣ, паки спросить: правдуль на нихъ сказали? И буде и при самой смерти то же скажетъ, то его вершить, а по оговорныхъ людей послать, и какъ прилично будетъ, такъ и розыскивать и послѣди его.

Аще такой краткостной судъ будетъ ворами и разбойникамъ, то имъ страшнѣе жестокихъ смертей будетъ; понеже кой разбойникъ ни попадетъ, то уже взвороту ему не будетъ, и по прежнему долго жить не станетъ; что попалъ, то и пропалъ. А долгое сидѣніе великая была имъ потачка; а и каторга имъ не великая угроза: потому что и изъ каторги уходятъ. А аще въ недѣлю конецъ будетъ, то всякой воръ и разбойникъ страшень будетъ.

И егда приведутъ какого вора, а тутъ есть какой воръ давной сидѣлецъ, то новоприведеннаго отнюдь къ нему сажать не надобно не распрося, но посадить его особливо, чтобъ ни съ кѣмъ онъ не видѣлся, а послѣ и распросу не весьма спускать надобно; потому что многіе съ приводу всю правду сказываютъ и въ убойствѣ винятся, а егда старыя колод-

ники подкрѣпить, то уже и станеть себя стоваривать, и со огня ужъ не будетъ виниться; и тако иные на свободу выходятъ.

А буде воры оговорять въ товариществѣ своихъ жителей домовыхъ, то въ домѣхъ ихъ во всѣхъ клѣткахъ перенскать накрѣпку, нѣтъ ли какого платья или иной какой рухляди, коя ему не свойственна.

И буде у кого явится приличнѣ къ воровству, то и безъ свидѣтельства будетъ онъ явленъ; а буде никакой прилички не сыщется, то сосѣдей всѣхъ допросить накрѣпку: вѣдаютъ ли за нимъ какое воровство, и чтобы сказали безъ утайки; и сказать тѣмъ сосѣдямъ именно: буде въ воровствѣ вѣдасть, а не скажетъ, а послѣди явится, что вѣдали, — какова смерть вору, такова и вамъ будетъ.

И аще и ничего сосѣди ближніе не скажутъ, обаче спросить и дальныхъ; и буде и дальные сосѣди скажутъ, что онъ доброй человекъ, то положи на руку его такой знакъ, что былъ онъ въ оговорѣ и отпущенъ на свободу. А буде предъ иные воры оговаривать его будутъ, то надлежитъ уже и его пытатъ.

А буде, посланный по воровъ учинить ворамаъ какою понаровку, и понаровка его будетъ явна, точию * достовнѣ будетъ и смерти.

Мнѣ мнится: если бы новоприводныхъ воровъ послѣ приказнаго распросу не медля ни часа и въ застѣнокъ бы, чтобы онъ не надумался, то онъ оторопѣеть и скажетъ правдивѣе; а егда надумается, то уже прямой правды не скажетъ. И аще кой воръ въ приказномъ распросѣ винился, а съ пытки станеть запыраться, то надлежитъ его жестокими муками мучить, чтобы онъ сказалъ, кто его научилъ себя сговаривати; и егда скажетъ научившаго его, то взявъ того

* У Стр. то чаю.

учителя, жесточайшими пытками пытаться, чтобы онъ сказалъ то, чего ради онъ училъ сговаривать съ себя, и учинить ему наказаніе жесточайшее.

А которымъ ворамя надлежитъ животь дать, тѣхъ просто отнюдь не отпускать, а учиня наказаніе, уставленное на обѣихъ рукахъ и на лицѣ положить клейма, чтобъ онъ былъ всѣмъ людемъ явенъ, въ какой винѣ былъ; и буде впредь хотя мало приличится къ таковому дѣлу, то уже конецъ извѣстной.

И о семъ судьямъ вельми надлежитъ пещися, чтобы въ тюрьмахъ колодниковъ не много было; то бы добро, ежебы и единого узника не было: худа судьямъ похвала, что колодниковъ много держать, но та самая честная похвала, чтобъ ни одного не было.

То судья прямая честь, ежебы не токмо колодниковъ, но и челобитчиковъ въ канцеляріяхъ не много шаталось. Я не знаю, что въ семъ за краса, еже такъ въ канцелярію челобитчиковъ натѣснится, что до судьи и дойти не мочи.

То бы добро, ежебы предъ судьей челоуѣка два-три или пять-шесть стояло, и то, коимъ дѣло есть, а кому дѣла нѣтъ, тобы поклонъ отдавъ, да и шелъ бы вонъ, а челобитчикомъ бы не мѣшалъ, такожде и судья въ разсужденіи препоны бы не дѣлалъ.

По моему мнѣнію надлежитъ такъ судьямъ учинить, чтобы не то, что предъ ними, но и въ подъяческихъ столахъ, никто бы безъ дѣла не шатался.

И подъячимъ всѣмъ надлежитъ приказать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобы челобитчиковъ отнюдь долго не волочили; и о семъ всякой судья за подъячими смотрѣлъ бы прилежно, чтобы они безъ подлиннаго повелѣнія ничего бы не дѣлали: И буде кому надлежитъ выписка, или и иное какое дѣло дѣлать, то всякой бы подъячій своему дѣлу срокъ положилъ,

и челобитчику велѣль на положенной срокъ приходитъ къ себѣ; а до срока отнюдь бы въ приказѣ не шатался; и для вѣрности давалъ бы подъячій челобитчикомъ росписные ярлыки, и въ тѣхъ ярлыкахъ писалъ бы именно, къ коему числу то его дѣло онъ изготавитъ. И буде на тотъ срокъ онъ не сдѣлаеть, и челобитчикъ придетъ передъ судію съ срочнымъ ярлыкомъ, и по тому ярлыку судѣ надлежитъ призывать подъячаго, и спроситъ, чего ради онъ того дѣла по слову своему не сдѣлалъ? И буде какое принесетъ о себѣ оправданіе явное и приличное, а не самовольное медленіе. и тому надлежитъ дать срокъ; и буде и къ тому сроку не сдѣлаеть, то уже надлежитъ дать ему наказаніе и со штрафомъ.

И аще въ коей канцеляріи тако устроено будетъ, то въ томъ приказѣ никогда людей много шататься не будетъ. А челобитчики вмѣсто излишнія волокиты будутъ управлѣтятся; купецкіе люди — купечествомъ, а мастеровые — за рукодѣліемъ своимъ; и отъ того въ народѣ пополненіе будетъ.

А гостинцовъ у истцовъ и у отвѣтчиковъ отнюдь принимать не надлежитъ; понеже мзда заслѣпляетъ и мудрому очи. Уже бо кто у кого приметъ подарки, тѣ вслѣски ему будетъ пособствовать, а на другаго посягать; и то дѣло уже никогда право и здраво разсуждено не будетъ, но всячески будетъ на одну сторону криво. И того ради отнюдь почетки ни малыя судѣ принимать не годствуеть, дабы въ неправомъ разсужденіи предъ Богомъ и Царемъ не согрѣшить.

А кто предъ судьею придетъ и будетъ стоять молча, и такового чловѣка надлежитъ судѣ спроситъ тихимъ гласомъ: какого ради дѣла стоитъ? И егда скажетъ онъ о дѣлѣ своемъ, то надлежитъ дѣло его паче докучливаго управитъ, потому что многіе лю-

ди бываютъ самыя смиренныя и застычивыя; и аще самая крайняя * нужда, помощника ему нѣтъ, а самъ подокучить не смѣетъ; и того ради всячески ему помогати. И буде есть ево правость, то и наипаче подать ему руку помощи; понеже, таковыхъ безсловесныхъ многословныя ябедники вельми избегаютъ, и многорвчимъ своимъ и правду ихъ заминаютъ. А буде кто бѣдной человекъ, и на пути кого либо побьетъ челомъ о обидѣ своей, а дѣло его невеликое, вагою ниже рубля; то, буде мочно, то тутъ бы его и рѣшилъ, а въ приказъ бы не волочилъ его.

Въ канцеляріи жь егда случится дѣлъ каковыхъ слушать, то надлежитъ слушать не одними ушами, но и самымъ умомъ; такожде и товарищи бы все слушали съ прилежнымъ вниманіемъ, и во время слушанія ни съ каковымъ дѣломъ побочнымъ не надлежитъ пропускать къ себѣ, и ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривать; дабы отъ неприлежнаго вниманія ума судейскаго не отводили. Такъ надобно разсмотрительно судить, чтобы никакой судья послѣди того вершенія не могъ перевершить; наипачежъ того годствуетъ страшиться, дабы Богъ того суда пересуживать не сталъ, и за неправое сужденіе не отослалъ бы въ вѣчное мученіе.

И егда все то дѣло прочтуть, то главному судья никакой сторону оговаривать не надобно, но токмо еже и вразумѣлъ, то держать въ мысли своей; и егда товарищи мнѣнія свои подпинутъ, то, высмотря ихъ мнѣнія, и свое объявить; и аще мнѣнія ихъ съ его мнѣніемъ согласны, то прочесть подъяческіе оговоры, и буде и подъяческіе оговоры сходнымъ жь, то нечего много и разсуждать, но такъ его и вершить.

А буде же въ оговорѣхъ чьихъ разнь явится, то

* У Стр. кровнал.

надлежитъ наипаче потолковать, и хотя и въ другой разъ прочесть, и разногласіе разобрать не торопясь; и кой приговоръ правѣ явится, то, высмотря, гораздо, вершить.

И въ вершеніи первѣе бы подъячіе приговоръ закрѣпили, а потомъ товарищи судейскіе, а послѣди всѣхъ главный бы судья закрѣпиль, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно. А буде кое дѣло спорно и къ разсужденію не поемно, то надлежитъ подлинное дѣло отдать въ другой столъ, который на то устроенъ, и подъячіе въ немъ сидѣли бы самые свидѣльствованные и ко всякимъ дѣламъ разумительные; и велѣть ему сдѣлать изъ подлиннаго дѣла выметку, и по выметкѣ разобрать, сдѣлать выписка полная, а другая перечневая, и подъ выпискою подписать ему свое мнѣніе; и аще и по той выпискѣ разобрать будетъ не мочно, то аще и отречено въ древнихъ указѣхъ, еже по окончаніи суда въ пополненіе ни челобитенъ, ни доношеній принимать не велѣно, а мнѣ ся мнѣть, не то что челобитенъ не принимать, но и неволею брать у нихъ изъяснительныя сказки, дабы незатѣнно мочно рѣшить ихъ дѣло, или пополнительныя челобитныя, или и снова судъ дать, дабы можно безъ погрѣшенія его вершить.

А буде кой подъячій подпишетъ мнѣніе свое неправо: станетъ праваго винить, а виноватаго править, или какую фальшу сочинять, правому ль къ винѣ или виновному къ правости, то надлежитъ тонкостѣе у него выспросить, и съ товарищи своими прилежно разсмотреть и выразумѣть. И буде означится его неправость и коварство, то такового надлежитъ и въ застѣнкѣ распросить, чего ради такъ онъ дѣмалъ. А буде же объявилъ онъ самую правду, то надлежитъ его жалованье прибавить, и честию его при иныхъ повы-

силь; понеже, чего судьи разобратъ не могли, а онъ разобралъ, и ясно показаль самую правду.

А буде кой истецъ или отвѣтчикъ станеть судейское вершеніе спорить, а оправданія себѣ не сыщеть, то на немъ за неправой споръ пошлны и провсти вдвое доправить; а буде послѣ втораго вершенія станеть спорить, то взять уже на немъ пошлны и провствъ вчетверо, а судьямъ доправить съ него безчестье.

Я по своему мнѣнію судное дѣло и управленіе вельми поставляю высоко паче всѣхъ художествъ, на свѣтъ сущихъ. И того ради никакому чловѣку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаетъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицатися; понеже весьма тяжелоносно оно.

Не велико, кажется, что изъ города въ узды посылають солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямиаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлють, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку съдлають, а иному рублевъ и десять учинять убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ.

Хотя малая какая справка приказная, то не хотять подождать до инаго времени, но какъ сдумають, такъ и посылають безсрочно; и того отнюдь не чинять, чтобъ послать о томъ, еже взять писменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живеть отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истрать. А кто сотъ въ пяти-шти случится, то и съ десятью рублями врядъ изнятся. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляютъ: они только свою тягость

изчисляють, а людская—ни вочто. А если въ дѣловую пору пришлають, то и безъ хлѣба сдѣлають; и отъ таковыхъ посылкохъ вельми много людемъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣють, чтобъ имъ людей Государевыхъ въ чемъ поберечь, и до убытка какого не допустить.

А кто хоцетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили, и того ради ни малаго бы убытку имъ не чинили. Всякому судѣ надобно недреманно смотрѣть за всеми непрестанно; то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣють нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберечь!

А и сіе здравои господа судьи разсуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ губернской канцеляріи годы по три и по четыре присылки были жестокия по Новгородскихъ служителей, кои были въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ у денежныхъ сборовъ, что бы ѣхать по отчетъ; и ѣздили года по три и почетыре и больше. А прѣбхавъ, да тамъ пожить недѣль десяткохъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсорить, да и назадъ. И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотницѣ проѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту. И отъ того людемъ чинится великое разореніе и народное оскуденіе. Буде считать, то не почто откладывать изъ году въ годъ; а буде не считать, то волочить не почто.

А начто бы того лучше: въ коемъ городѣ кто служилъ, то тамъ бы ихъ и считать, и считать бы не десять лѣтъ спустя, но принявъ казну, да приходныя и расходныя книги, да и считали бы туточныя судьи

безотложно, тобы всякому служителю легко было служить, и отсчитаться не трудно, потому что всякое дѣло изъ памяти еще не вышло. А десять лѣтъ спустя, я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ покормки; а въ скоромъ отчетъ и разоренія бы не было служителемъ, и отслужи, всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы.

Въ Нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а, наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зело. А наши судьи нимаго людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу не знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочать, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на Государя, то взявъ властно что въ огонь бросать; ибо взявъ ихъ, положить въ палату, да держать въ заперти годъ или больше, да стануть цѣвнить; то коя шуба соболя была рублевъ сотъ въ пять, ажно вынуть — гной одинъ, что и пяти рублевъ не стоитъ. И если быо семь предѣлъ положить сичевый: аще у кого подъ судомъ тако учинять, то сгноенныя пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинять, то стали бы беречь и нѣхотя. Такова ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губять, напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто, ничье, ни гдѣ, даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ

народъ богатства — богатство царственное; подобіи и оскудніе народное оскуденіе царственное. *

Я и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ, и не дочеты безвременно правять? Буде какой челоувѣкъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратитъ, или и на свою потребу взялъ, и у отчету въ платежъ не достанетъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвременно разорить его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ.

И отъ того Великому Государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отбудутъ; а безвременные правежи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное разореніе, царству — истощеніе, а не собраніе.

Царская собранія не истощатся, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнять, а крутое собраніе не собраніе, но разореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ Коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнь Великаго Государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе; понеже никто разоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу за недоимку дворъ и пожитки отберутъ, да оцѣнивъ вполъ или въ треть или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако совсѣмъ его разорять.

А по новому, состоявшемуся Его Императорскаго Величества указу, на тѣ доимочныя деньги на всякой

* Последняго предложенія въ сп. Стр. нѣтъ.

годъ на сто рублей придетъ прибыли по десяти рублевъ. И тако казна Великаго Государя будетъ цѣла и съ приплодомъ, а люди будутъ все цѣлы и ничѣмъ невредимы.

И кои люди держать на откупѣ кабаки или что и иное, и аще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по порутчиковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержаніи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинять великіе убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинять, но токмо препятіе Его Величеству интересу.

Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да къ скорости не нужное, то мочно ему и посрочить. Во всякомъ дѣлѣ надобно смекать, чтобы Ему Великому Государю прибыль была, а напраснобъ ничего не пропадало.

А буде кто похочетъ коликаго числа на промыслъ денегъ, то потребованію надлежитъ изъ казны дать; только того смотрѣть, чтобъ можно ему вѣрить, и на такую дачу учинить особливую книгу.

А у крѣпостныхъ дѣлъ на иманцовъ изъ Царской казны денегъ, или какихъ товаровъ, или въ подрядныхъ дѣлахъ, по моему мнѣнію, отнюдь имать не надлежитъ, но во устроенной на то книгѣ иманцу росписатися, а подъ его рукою подписались бы поручники и свидѣтели по обычаю. А ежели Царю брать на своихъ природныхъ рабовъ записи, вельми неслучно, и чести Царской не прилично. Писать надлежитъ народу между собою; того ради буде противъ записи кто не устоитъ, то по записамъ другъ на друга быють челомъ, и ищутъ судомъ.

И Царю неслучно на людяхъ своихъ судомъ искать;

но аще кто виненъ будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять. а не токмо имѣнія, но и смерть и животъ въ руку его есть. И того ради отнюдь не надлежитъ Царю людей своихъ записями крѣпостными крѣпить: только бы онъ руку приложилъ, то и крѣпость на него.

И аще у кого имѣнья будетъ изъ казны рублевъ тысячь на десять или и на сто тысячь, то надлежитъ во устроенной на то книгѣ расписаться, и буде онъ человекъ не весьма полной, то и поручники тутъ же бы подписались, а свидѣтелямъ подписываться не надобно для того, что судья закрѣпитъ. И аще тако устроено будетъ, то въ имань великое поспѣшеніе имать быти; ибо коего дня понадобится, того дня и совершится.

А и въ купеческомъ дѣлѣ не весьма потребно во имань товаровъ писать у крѣпостныхъ дѣлѣ крѣпости; понеже въ писаніи крѣпостей великое чинится замедленіе. На что того лучше, что не токмо у иноземцевъ Христіанскія вѣры, но и у бусурманъ, въ Турской землѣ, не то что во стѣ рубляхъ, но и въ десяти тысячахъ и вѣщше не пишутъ записей по нашему на цѣлыхъ листахъ, но токмо расписется иманецъ, да тому и вѣрять, и вмѣсто нашего листа напишетъ строки двѣ или три. А у насъ, пока не правда не искоренится, то для вѣрности надлежитъ подъ иманцовою рукою поручникамъ подписываться и со свидѣтелями, то и межъ купечествомъ единодневная бы сдѣлка была, и купечеству великая бы способность сталабыть. А у крѣпостныхъ дѣлѣ чинится великая волокита, и торгу остановка, и излишняя трата.

Мнѣся мнить: паче всякаго дѣла надлежитъ стараться о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ устанется, то всѣ люди будутъ бояться неправды: всему добру основаніе — нелицепріятный судъ! тогда и собраніе Царскія казны будетъ сугубо.

И того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла. А буде не сочинить на рѣшеніе всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякаго судьи свой умъ; и какъ кому понравится, то такъ и судить. А надобно такъ его усудить, чтобъ и не весьма смышленный судья могъ право судить.

И правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложеніе и новоустановленныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новостоявшіяся и древнія указныя статьи, собрать, и по приказамъ изъ прежнихъ, вершенныхъ дѣлъ, выписать такіе приговоры, на которыя дѣла ни въ Уложеньи ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь надлежитъ учинить пункты новыя, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатѣбы не вносить, но на всякія дѣла были указныя статьи ясныя съ совершеннымъ расположеніемъ. И къ тѣмъ Русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ Нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять, и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и Турецкой судебникъ перевести на Славянской языкъ, и прочіе ихъ судебныя и гражданскаго устава порядки управительныя переписать, и кои сличны намъ, тобы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче Нѣмецкаго правленія. И того ради и дѣла у нихъ скоро и право рѣшать, и бумаги, по нашему, много не тратять, а и хлѣба напрасно не теряютъ, а намъпаче купечество праведно хранить.

И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать чловѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ Божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кѣи въ судебныхъ и воинныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои негорды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои невысокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны, и отъ дворянства, кѣи разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кѣи во всякихъ дѣлахъ перебылибъ, кѣи и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кѣи за дѣлы ходять, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывалибъ, и въ разумъ смысленные. Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ?

И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и нискороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотреть его умная острота. И кѣи статьи Его Величеству угодны, то тѣ тако да и будутъ; а кѣи непотребны, тыи да извергнутся, или исправить по пристоинству надлежащему. И сіе мое реченіе многіе вознещують, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю;

азъ не снижаю Его Влнчества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человекъ о-смотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тынѣхъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ какую неправостную статью, тобы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость, и ничего не опасаяся, подалъ бы ко исправленію тоя книги; понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ (въ ?) свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана свобода, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно.

Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроить, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоемъ дѣломъ невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, кому-ждо по силѣ его: овому далъ много, овому же менѣе. Обаче нѣсть такого человека, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человеку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными людьми многаци Богъ въ-

щать, и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ.

И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтїемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ какой статьѣ явится нѣкая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробились.

И аще и иное какое дѣло съ таковымъ смиренїемъ снисходительнымъ будетъ строиться, то самъ Богъ при таковомъ дѣлѣ имать быти, и помощь свою ко исправленію подасть; понеже всегда Богъ со смиренными пребываетъ, и отъ гордыхъ и високоумныхъ отвращается. А правосудное дѣло самое святое и богоугодное; и того ради всячески надлежитъ подцатися, дабы судъ Царевъ былъ яко Божій; Богъ бо всѣмъ намъ судья есть праведный, и на судъ Его нѣсть лицепрїятїя; тако и на Царевъ судъ не треба быть лицепрїятїю. Богъ есть правосуденъ; того ради и въ чловѣцѣхъ требуетъ праваго суда. И азъ о правосудїи тако мню, еже Царю не тако полезень постъ и молитва, яко правосудїе.

И аще Его Императорское Величество укажетъ правосудное изложенїе, избравъ изъ стараго уложенїя и изъ иныхъ многихъ примѣровъ, сочинить новое, и пространное по своему природному глубокоумїю, и по данной ему отъ Бога благодати, благовольтъ и моего малосмыслїя объявленная дѣла разсмотрити, и аще

кии угодні явятся пріятны будуть, то * по пробѣ еще оно за многія дикія дѣла не вредно будетъ, то напечатать ихъ великое множество, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ селѣхъ безъ того бы судебника не былобъ, чтобы всякъ его читалъ и волю Его Императорскаго Величества вѣдалъ, и ничего бы противно Его Величества воли не дѣлалъ, и отъ всякихъ неправыхъ дѣлъ отдаленъ бы. И впреди тоя книги надлежитъ сдѣлать всѣмъ дѣламъ изъясненіе, и разобрать ихъ по азбукъ и по чину дѣлъ различныхъ, чтобы всякой человекъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти.

И еще суду и всякому правленію, како его правити, совершеннаго основанія письменнаго не учинить, и въ томъ правленіи самыя неподвижныя твердости не устроить, то колико о правомъ судѣ не старатися, а правосудія прямаго уставити будетъ не возможно.

А и основаніе положи, мнится мнѣ, надлежитъ утвердить его жестокимъ указомъ и недвижимымъ. Аще кто великородный или и худородный высшаго суда, или и вишняго въ коемъ городѣ или уѣздѣ главный комиссаръ, или подчиненный, или иной какой правитель или и посыльщикъ, наипаче же аще сыщикъ или фискаль, не противъ того новаго изложенія станетъ что чинить своимъ вымысломъ, и хоть малую статью нарушить, то казнить его неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. И ради самыя твердости надлежитъ судьямъ и просьбы ни отъ каковыхъ лицъ не принимать, дабы правосудію нималаго нарушенія не было. И аще кто и вельми заслужилъ, и вознадыся на заслуги, да по прежнему обыкновенію учинить какую обиду, аще и самому мизирному человеку, то и тому былъ бы судъ неотмѣненъ и за вину чи-

* То у Стр. вѣтъ; впрочемъ это мѣсто по обоимъ спискамъ не ясно.

нить указъ неизмѣнный по изложенію, чему онъ подпадетъ, а заслугъ его въ зачисленіе вины его не зачислять, чтобъ тотъ правосудный уставъ нерушимъ былъ.

А еще кой челоуѣкъ нехитростной винъ какой подпадетъ, и отъ надлежащаго наказанія и отъ казни еще надлежитъ послабить ему, то такому на рукъ положить знакъ; да еще паки въ таковой же винъ явится, то уже безъ всякаго милосердія учинить ему указъ надлежащій неизмѣнно.

И еще въ таковой твердости неподвижно правосудіе годовъ пять-шесть постоятъ неизмѣнно безъ нарушенія, то всѣ, яко малочницы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженные люди будутъ страшны, и не токмо по прежнему обиды чинить, но и неправдъ будетъ остерегаться, и со всякимъ тщаніемъ будутъ дѣлать правду.

И ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобъ отъ правосудія ни много, ни мало судьи не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный Царю. Еже бы онъ былъ око Цареву, вѣрное око, иже бы надъ всѣми судьями и правителями былъ вящій, и за всякими бы правителями смотрѣлъ властительно, и никогдѣ онъ кромѣ Бога, да Его Императорскаго Величества не боялся.

А къ той канцеляріи приходъ бы былъ самый свободной, а самъ бы тотъ правитель былъ низокъ, и ко всякимъ бы людемъ былъ низходителемъ, и не тяжель бы онъ былъ; еще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотрилъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя въ дѣлахъ неисправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщиковъ.

Такожде, обходя судебныя мѣста, и челобитчиковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова нападка

и излишней волокиты, и не осудилиль кого не противъ даннаго имъ изложенія, и не взялъ ли кой судья или подъячій излишняго взятка?

И у всѣхъ коллегій и канцелярій прибить печатные листы со объявленіемъ такимъ: буде судья или подъячій какую увидитъ въ дѣлѣ неправду, то приходили бы въ ту канцелярію, то всякому лицу тамъ будетъ управа.

Такожде, буде кто изъ сильныхъ лицъ избидитъ кого убогаго, или судья гражданскій, или военный офицеръ чѣмъ солдата или драгуна избидитъ, а онъ суда на него не сыщеть, то тутъ бы избиденный искалъ обороны.

А буде кой судья или комиссаръ или фискаль неправду какую сдѣлаеть, какую гибель Царской казнѣ похищеніемъ или небреженіемъ, и аще кто о томъ подлинно увѣдомится, то доносилибъ въ той канцеляріи не обинулся, и никого не опасаясь, потому аще и на господина своего, или на командира, аще и сильнаго, уже выдачи изъ той надзирательной канцеляріи не будетъ, только бы вѣрно доношеніе было, и доносили бы не догадками своими или мнѣніемъ своимъ, не усмотря самое дѣло; и за такое доношеніе доносители великимъ жалованьемъ пожалованы будутъ.

А судьямъ и всѣмъ приказнымъ людямъ Государево жалованье денежное и хлѣбное надлежитъ отставить, чтобы въ томъ жаловань казна Великаго Государя напрасно не тратилась. Я чаю, что судьямъ и приказнымъ людямъ на всякой годъ тысячь десятка по два-три исходить, а пропадаетъ оно даромъ, ни за одну деньгу гинеть; потому что они не много дѣлають даромъ, а аще бы и даромъ дѣлали, то что Великому Государю прибыли?

Мнѣ мнится лучше учинить пропитанія ради глав-

нѣмъ судьямъ и приказнымъ людямъ учинить окладъ съ дѣль, почему съ какого дѣла брать за работу; и уложитъ именно почему брать съ рубля на виноватомъ, и почему съ рубля иматъ съ праваго, и почему брать съ рубля въ пріемъ денегъ въ казну, и почему съ раздачи жалованной, и почему съ купецкихъ и подрядныхъ дѣль, и почему съ каковыя выписки, или съ указа какого, или съ грамоты, или съ памяти. И такъ надобно усудить, чтобъ ни самаго малаго дѣла не обойтись, чтобы никакого дѣла даромъ не дѣлали, и бралибъ самое праведное по расположенію. И по такому новоизложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать, охотнѣе и волочить уже не будутъ; потому что буде сдѣлають во уреченное время, то приметъ себя маду противъ указа полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаеть, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочить, то и всяя своя лишится мзды. И того ради всякой подъячій будетъ съ попеченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.

И тако надобно расположить, чтобы отъ рублеваго дѣла даже до многотысячнаго всякимъ разнымъ дѣламъ учинить указъ опредѣленный, и чтобы всякой человекъ по своей работѣ плату бралъ, а сверхъ указнаго числа отнюдь бы ни единыя деньги не брали.

А буде кто сверхъ указнаго числа лишку хотя малое число что возьметъ, то взять на немъ штрафу за всякую излишнюю копейку по рублю. А кто и дастъ сверхъ указнаго числа излишныя, то и на немъ по рублю же за излишнюю копейку иматъ штрафу.

И аще тако устроится, то въ приказной работѣ никому обиды не будетъ, яко истцу, тако и отвѣтчику, и всякому челобитчику вѣстно будетъ, что отъ чего кому дать. И такого ради устава и волочить никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя по-

спѣшать будетъ. Обаче ради лучшаго исправленія надлежитъ расположеніе учинить и дѣламъ всякимъ: буде кто одноденное дѣло проволочить три дни, то дать ему противу указныя дачи половину; а буде же одноденное дѣло проволочить недѣлю, то лишень будетъ всего своего взятія за труды; а буде проволочить двѣ недѣли, то чинить ему наказаніе неотложное; а о большихъ дѣлахъ, котораго не мочно меньше недѣли сдѣлать, а онъ проволочить двѣ недѣли, то также дать ему половину; а буде проволочить недѣли четыре, то лишень будетъ всего своего труда; а буде проволочить недѣль шесть, то нещадно бить его батоги. И всякимъ дѣламъ чинить расчисленіе по величеству дѣла и по количеству дней; и ради достовѣрнаго свидѣтельства брать челобитчикамъ у подъячихъ ярлыки, записавъ, въ коемъ числѣ взялъ отъ протокола челобитную или иное что, и къ коему числу обещался сдѣлать; и буде къ тому сроку не сдѣлаетъ, то по тому указъ учинить; и буде къ сроку тому сдѣлалъ, то взять ему за работу сполна; а буде за срокъ проволочилъ толикоежъ число, то взять половину; а будежъ за срокъ вдвое того проволочилъ, то ему ничего за работу не давать, а за вящшую волокиту и наказаніе чинить неотложное. *bc*

О семъ всѣмъ судьямъ и приказнымъ людямъ задать страхъ великой и жестокой, чтобы никто сверхъ указнаго числа ни отъ какого дѣла сверхъ работныхъ указныхъ денегъ никакихъ гостинцевъ не принималъ бы.

А аще запрещенія о излишнемъ иманіи и даяніи не учинить, то указнаго числа взятіе ни во что имъ будетъ, и будутъ брать паче прежняго, также какъ нынѣ у крѣпостныхъ дѣлъ за гривенное дѣло берутъ по половинѣ и больше.

И того ради у крѣпостныхъ дѣлъ надлежитъ учинить такоежъ расположеніе, почему съ каковыя крѣпости брать за работу, а въ казну съ крѣпостей брать только пошлины, а письменныя деньги отставить, а брать по указу писцу и надсмотрщику за свои труды самимъ, почему кому надлежитъ. И буде тогожъ дни напишетъ, коего взялъ, то взять ему полную плату, а буде въ двои сутки напишетъ, то взять половину, а буде въ трои сутки напишетъ, то уже не брать за работу ничего, а отдать тѣ крѣпости безъ платы; а буде кто въ трои сутки написавъ, да возьметъ за работу, аще и не сполна, взять на немъ штрафъ сторично. *

И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ по пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а на насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло сіе невелико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнію оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго письма и отъ небреженія рублевъ тысячь по десятку ни за одну деньгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ, аще она и дома дѣлается, а и жители тамошніе богатые насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегутъ; и того ради они и богаты, что умѣютъ бережно жить.

А мы пока сами ся не осмотримъ, и всякія вещи не токмо изъ инаго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ.

И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пиція бумаги, напечатать листы, и у всѣхъ коллегій и у кан-

* У Стр. сторичной.

целярій тѣ листы прибить, дабы всѣ люди прочитали, и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупичами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собираеіе богатства царственнаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатиться.

А буде кто покусится взять излишнее въ другой рядъ, то и штрафъ на немъ взять сугубый: за рубль по 200 руб., наказаніе на козль, а за третью вину либо смерть, либо въ вѣчную работу къ рудокопнымъ дѣламъ.

А аще кой судья и не по взятку, но по дружбѣ или по чьей просьбѣ учинить не по новоизложенному уставу, то безъ всякаго милосердія учинить ему опредѣленный указъ, какъ о томъ уложено будетъ.

А аще кто изъ-за взятка нарушитъ тотъ новоизданный уставъ, то мнится мнѣ, надлежитъ и домъ его совсѣмъ разорить, и на нѣсколько лѣтъ сотворить его пустъ, и прибить на томъ домѣ письмо со изложеніемъ вины: еже за нарушеніе правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, а домъ его оставленъ пустъ, и живущаго въ немъ нѣсть, но токмо мышеве и нетопыри да вогнѣжаются въ немъ. И такое штрафованіе будетъ въ роды родовъ памятно.

А аще судей малыхъ и великихъ не казнить, и великими штрафы ихъ не штрафовать, то и правое изложеніе учиня правды и праваго суда оставитъ будетъ не возможно.

А аще ради установленія правды правителей судебныхныхъ и много падеть, быть уже такъ. А безъ урону, я не чаю, установится правдѣ, а прямо рещи—и невозможно правому суду установится, аще сто другое

судей не падеть: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла.

А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: аще бо коя и земля вельми задернеетъ, и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы съяти: тако и въ народъ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнѣнью, не токмо въ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ.

И аще великородныхъ судей поберець отъ жестокихъ казней, то лучше изъ начала ради уставленія правды въ судьи посадить изъ низкихъ чиновъ, а паче изъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ искусны и страхъ Божій въ себѣ имутъ. И съ ними посадить, гдѣ пристойно, и изъ военнаго чина, кѣмъ отъ службы отставлены, и изъ купечества, въ которыхъ острога умная есть. И за такихъ низкородныхъ, аще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упрашивать никто не будетъ, да и сами они паче высокородныхъ бояться будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрять; но какъ кто восхоцетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ.

И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество, чтобы они никакихъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да Царя, и дѣлабъ всѣ свои дѣлали по новосочиненному Его Императорскаго Величества указу неизмѣнно, и отъ своего ума не мудрствовали бы, и ни на едину черту сверхъ указу не прибавляли бы и не убавляли. И аще что потребное усмотритъ кто, то доносилибъ до Царскаго Величества, донележе то новое изложеніе еще не напечатано.

А буде изъ приказныхъ людей въ судьи выбрать некого, то бы изъ дворянъ мѣлкихъ, кои остроумны и въ дѣлахъ искусны, и боящіяся Бога. А за на-

рушеніе новоизложеннаго указа извѣстная и неотложная имъ смерть объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.

И таковымъ порядкомъ еще Богъ на ны призритъ и помощь свою низпошлетъ, то мочно правосудію устроится и у насъ въ Россіи. Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинять праведень; а у насъ вѣра святая, благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какіе указы Его Императорскаго Величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаеть.

И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится, и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить; понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ. И инаго воровства много чинится, и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего инаго, токмо отъ неправаго суда; и крестьяне, оставя свои дома, бѣгутъ отъ неправды, и Россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды, и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія. И какія гибели ничинятся, а все отъ неправды!

И самыя правды и праваго и здраваго разсужденія ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными судьями, ни иными каковыми вымысли, мнѣ мнится, учинить не возможно, аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ расположенія недвижимаго сочиненіемъ особливымъ, понеже древніе уставы всѣ обветшали, и отъ неправыхъ судей всѣ исказились.

И аще Богъ на дѣло сіе милостивно призрѣть, и помощь свою святую низпослеть, и что ни случится въ міръ дѣль, на вся тая аще изложатся рѣшенія подлинная, новосправная, и коемуждо дѣлу собственное рѣшеніе, то и немудрый судья можетъ здраво судити; а безъ основательнаго изложенія ничему полезному и къ правдѣ склонному быть не возможно.

Яко бо зданія высокаго безъ твердаго основанія не утвердити, тако и правды совершенныя безъ основательнаго изложенія никоеми мѣрами уставити не возможно; понеже въ насъ неправда вельми твердо вкоренилась: кто съ кого сможетъ, тотъ того и давить; а кои люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряютъ; а судьи сильниковъ * и ябедниковъ аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣютъ.

Того ради вельми трудно правду установить, и не токмо всѣмъ правда творити, но чаю, что изложеніе правое трудно сочиняти: понеже сильные люди, кои обыкли обижать, не возложатъ на себя сила, но всячески будутъ препинати, дабы не весьма имъ отъ праваго суда потиснутымъ быти; и того ради всячески будутъ тщатися, дабы имъ, по прежнему, мочно было убогихъ и маломочныхъ обижать и разорять.

И аще препинатели правосудію явятся прежде начинанія правосуднаго, то всячески надлежитъ ихъ отсѣкати, дабы начинанію правды препинанія нималаго не чинили.

А ради совершенныя правды ни коими дѣлы древнихъ уставовъ не измѣня самого правосудія насадить и утвердити не возможно: въ правителяхъ бо вельми трудна вещь, ежебы ихъ отъ неправды отвратити, и правда въ нихъ насадити; понеже неправда въ нихъ вельми вкоренилась и застарѣла, и отъ мала даже до

* У Стр. *сильны ковъ*.

велика всѣ стали быть поползновенны: овые ко взяткомъ, овые же, боящися сильныхъ лицъ, и ниже боящися Бога и бѣдниковъ, * а ини того бояся, да еще впередъ приметъ той власть таковуужь, какову онъ имветъ, и чтобы тогда такожде послабилъ. И того ради всякія дѣла Государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы Его Императорскаго Величества недействительны: ибо вси правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ наравять, а власть имуть и дрезновение токмо надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣють и слова воспретительнаго изрещи, но какъ кому что угодно, такъ то и чинять; и за тѣмъ всякія дѣла и неисправны суть.

Се бо колико послано указовъ во всѣ города о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и аще коего дворянина и на ния указано выслать, то и того нескоро высълають, но, по старому уложенію, дождався третьяго указа, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлють. И въ такомъ послушаніи и указовъ Царскаго Величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали.

И мнѣ мнится сіе вельми странно, что Царскому указу послушну быть, и въ Уложеніи напечатано, что третьяго указа дожидатися. И сіе учинено самая потачка плутамъ и Царскаго Величества презирателемъ. И отнынѣ надлежитъ такъ учинить: буде по первому указу зазывному не поѣдетъ кто, то другая позывка чинить со штрафомъ; колико иску, толико и штрафу взять на немъ; а челобитчику съ другой позывки числить проѣсть ** по указу.

* У Стр. *лицъ, и ниже боящися бѣдниковъ.*

** У Стр. этого слова *взтъ.*

А буде по кого посланъ будетъ съ указомъ Его Императорскаго Величества солдаты или иной какой посылщикъ, а онъ укроется, или отобьется, съ или дороги уйдетъ, то и по первой посылкѣ винить и штрафоватъ, и истцу проѣзди числить съ того времени, и искъ вестъ безъ суда, и безъ очныхъ ставки допрашивать, то отъ такового указа и отъ первого ноги задрожать и опростею побѣжить къ отвѣту; и по-прежнему не стануть третьей присылки ждатель.

Тѣмъ прежнимъ указомъ такъ дворяны избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Федоръ Макеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногою не бывалъ; и какія посылки жестокия по него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угробить, а кого дарами угробить не можетъ, то притворить себѣ тяжкую болѣзнь, или возложить на себя юродство и въ озеръ по бородѣ попустить (?). И за такимъ его пронырствомъ инѣи и съ дороги отпускали; а егда изъ глазъ у посылщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложить, и домой прѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще и никаковыя службы Великому Государю кромѣ огурства (?) не показаль, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына выращены, и меньшому его есть лѣтъ семнадцать, а по 719 годъ никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать.

И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уездѣ видѣль я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдамъ своимъ страшень яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ Крым-

скомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темиряева, и далъ ему лошадь да челоуѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ.

И сему я вельми удивляюсь, какъ они такъ дѣлаютъ: знатное дѣло, что въ полкахъ воеводы и полковники скупы съ нихъ берутъ, да мирволятъ имъ.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москвѣ служатъ, и называются царедворцами, а и тѣ мнѣе Великому Государю лгутъ: егда нарядъ имъ бываетъ на службу, то инѣ напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, и взявъ указъ и заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудеть военную пору; а инѣ напишутся въ выимщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, и ко инымъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, да тако и проживали военную пору.

А и нынѣ, если посмотришь: многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы онъ одинъ пятерыхъ неприятелей гнать, а онъ добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки, ибо овѣе добившись въ комиссары и въ четверщики и въ подкомиссаря и въ судьи и во инѣя управления, и живутъ въ покоѣ да богатятся; а убогіе дворяне служатъ, и съ службы мало съѣзжаютъ; инѣ лѣтъ по двадцати и по тридцати служатъ; а богатые лѣтъ пять или шесть послужатъ, да и промышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть да добитися къ дѣламъ; и добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ.

Яко же видѣть: Сергѣй Степановъ сынъ Унковской лѣтъ всего съ пять служилъ, да добился къ дѣламъ, и лѣтъ съ пятнадцать живетъ у дѣлъ; а нынѣ живетъ онъ въ Устрикѣ комиссаромъ, да наживаетъ. А

нынѣ ему врядь быть лѣтъ сорокъ, и такой волоть, еще бы въ лучшую службу и въ великанахъ бы могъ служить, тако бы онъ не вышелъ указныя мѣры; и знатное дѣло, что отставленъ онъ не съ большимъ 20-ти лѣтъ отъ службы. И посему откуду не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радателей; но всѣ судьи криво ѣдутъ: кому было служить, тѣхъ отставляють, а кто не можетъ служить, заставляють. Въ Новгородѣ у свѣдѣльнаго дѣла при- ставленъ командиромъ Иванъ Ивановъ сынъ Ушаковъ. И я его засталъ въ 710-мъ году у того дѣла лѣтъ не съ большимъ двадцать былъ; и нынѣ не съ большимъ ему тридцать лѣтъ, а службу едва и знаетъ ли, что она? А и дядя его Иванъ Наумовъ сынъ Ушаковъ у дѣла больше десяти лѣтъ, а такой человекъ и отнынѣ лѣтъ десятокъ и больше могъ бы служить. И тако, вси, кои богатые, отъ служебъ лыняють, а бѣдныя и старыя служатъ; а солдаты * и сытые, хотя и молоды, да служить не хотятъ. Ивана Артемьева, сына Мусина Пушкина, дѣти Марка да Григорій, написаны въ Преображенской полкъ въ солдаты, и едва на службѣ и бывали ли, а отпущены ужъ къ дѣламъ, а молоды же: не съ большимъ по двадцати лѣтъ; и тако годъ за годъ, да и весь свой вѣкъ прожить.

И я о семъ мню, что Ему Великому Государю о семъ не весьма извѣстно; но дѣлають все правители, что здоровыхъ молодиковъ отпускають, и аще и съ докладу отпускають, да докладывають непрямо, но притомъ ** доложить, только слово у него Великаго Государя изъ устъ вытянуть, да и дѣлають, что хотять; и, чаю, запишутъ въ указъ, якобы по имянному Его Императорскаго Величества указу отпущенъ онъ

* Слова *солдаты* у Стр. нѣтъ, и кажется въриве.

** У Стр. *прилож. м.* (?)

или посланъ къ такому-то дѣлу. И гдѣ было отъ такихъ молодиковъ службъ быть, а они, захавъ въ городъ, живутъ себѣ да прохлаждаются, и не то, что службы, но чаю, и караулу мало знаютъ, и живутъ у дѣла вмѣсто военнаго дѣла, учатся, какъ наживать; да вѣкъ свой безъ службы провожать; а о томъ ни они, ниже тѣ правители, кои ихъ отпустили, ни мало не пекутся, чтобъ они навикали воинскому дѣлу, какъ непріятелей побѣждать; научать тому, какъ бы имъ наживать и службы отлынять. А прежде сихъ временъ многіе дворяне, на службѣ не бывъ, да добились къ дѣламъ, и живутъ у наживочныхъ дѣлъ. Якоже видѣть: въ Устрицкомъ стану есть дворяне два брата, Романъ да Сергій Ивановы, дѣти Чоглоковы. Сказываютъ про нихъ, что нигдѣ на службѣ не бывали, а какимъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьейю годы съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ на Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по имянному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ боялся, и на кого ни нападутъ, всякъ имъ уступалъ, и передъ ними не смѣли никто и слова молвить. А съ нынѣшняго Московскаго смотру невѣсь зачѣмъ сужейство ихъ позамялось: писали они съ Москвы о себѣ, будто по прежнему судьями имъ быть, обаче то ихъ намѣреніе не состоялось: знатное дѣло, что не могли перелѣзть. И я сему не могу вѣры нять, чтобъ такихъ здоровяковъ, и въ службѣ не бывавшихъ, Великій Государь въ судьи пожаловалъ. Видимъ мы всѣ, что Его Величество даромъ никого не жалуешь, а жалуешь за службу да за выслугу. А они такіе здоровяки, что на службѣ заслужили бы человѣкъ за десять; потому что они люди бога-

тые, и моглибъ около себя держать и немущихъ дворянъ. Отъ сего бо служба не весьма спора, что здоровые и богатые и въ самыхъ совершеннымъ мужества лѣтахъ дома живутъ, а убогіе и хворые на службѣ служить, а отъ малочнаго и голоднаго и служба плоха.

Сему я вельми удивляюсь, что какъ Монархъ нашъ старается, и страсть даетъ безъ пощады великую, а неимутся; нбо многое множество здоровыхъ молодиковъ подъ прикрытіемъ; правители хранятъ овыхъ защищеніемъ своимъ, овыхъ же и при себѣ держаніемъ, якобы споможенія ради дѣлъ царственныхъ, а самую вещь, како бы какое время прошло безъ службы. А иные и въ службу записаны, а какимъ-то промысломъ пріѣхавъ въ дома свои живутъ.

И сего ради мнится мнѣ: не худо бо всѣмъ людемъ указъ Великаго Государа сказать, чтобъ у пріѣзжаго съ службы или отъ каково дѣла сосѣдямъ всѣмъ требовать у него отпускнаго паспорта; а буде паспорта отпускнаго нѣтъ, то надлежитъ его отослать въ городъ подъ карауломъ. А буде въ паспортѣ написанъ срокъ, колико ему времени быть въ домѣ, то всѣмъ сосѣдемъ смотреть, чтобъ за срокъ и одинаго дня не жилъ. А буде видятъ кого безъ паспорта или и съ паспортомъ, да за срокъ будетъ жить, а они сосѣди умолчатъ, то за молчаніе сосѣдъ ближнихъ штрафовать.

А кои дворяне въ службѣ не записаны и ни въ какой службѣ не бывали, и буде какимъ пролазомъ добиваются начальства, и буде кто, какого чина ни буди, хотябъ дворянинъ, хотябъ холопъ его или чужой чей, или церковникъ, хотя и крестьянинъ, подлинно увѣдаетъ, что пожалованъ въ судьи иль въ комиссары или во иное какое правленіе, или кто и безъ

начальства въ домъ своемъ живетъ и крестьянами владѣеть, и Великому Государю никакихъ службы не показавъ, то у таковыхъ бы людей отнимать и отдавать тѣмъ, кои Царскому Величеству служатъ. И доводчику дать четвертая доля изъ всего владѣнія его или половина, чтобъ лучше радѣли и о таковыхъ лежебокахъ доносили.

И аще таковыхъ указовъ напечатать множество, и разослать не то, что по городамъ, токмо, но и по селамъ и по всѣмъ погостамъ, и велѣть дьячкамъ въ недѣльные дни, по отбѣнн литоргн, дня по три и по четыре прочитавъ всѣмъ въ слухъ, чтобъ всѣ въ слухъ тотъ Его Императорскаго Величества указъ вѣдали, и лежебокъ бы не таили, то однимъ годомъ всѣхъ кроющихся дворянъ и дѣтей ихъ явныхъ сотворять.

Если бы Господь Богъ помощь свою низпослалъ къ намъ, ежебы изъ судей и фискаловъ и изъ прочихъ правителей древнюю страсть неправды искоренити, то всякое бы дѣло не токмо Царское, но и мѣрское споробъ было.

И о семъ азъ мню: аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древняго уложенія не измѣнить, и всѣмъ дѣламъ новаго регула не учинить, то не можно правдъ въ приказныхъ дѣлахъ установися.

Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудить себя, да ничего не успѣеть, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянуть; то како дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто готовы. * И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, колько ни бившисъ, покинуть будетъ.

* У Стр. сто готово.

Не токмо суда весьма застарѣлаго не разсыпавъ его и по дробну не разсмотря не исправить, но и хомрины ветхія не разсыпавъ всея, и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному челоуѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправить: тяжка бо есть судебная статья.

Се бо и самъ Господь Богъ Ветхаго Завета не отставя, Новаго не насадилъ. Но егда Ветхій отставилъ, то Новый водрузилъ. И тако онъ укоренился, еже и адовы врата одолѣти не могутъ. Тако правосудіа никто разрушить уже не можетъ, аще древнія неправды всѣ отсвѣчены будутъ вконецъ.

Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства; ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради по старому: кто съ кого сможетъ, тотъ того и забираетъ, а суда по старому на сильнаго сыскать не можно.

На что нынѣшняго жесточае указу, иже сочиненъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, а немного и въ немъ исправленія будетъ, понеже тотъ указъ токмо на однихъ маломочныхъ людей. И сильнымъ людямъ онъ ничтоженъ есть: старыхъ не отдадутъ, а вновь кто къ нимъ придетъ, принимать будутъ. Се бо и у меня челоуѣкъ пять-шесть сбѣжало; однако и за тѣмъ указомъ мѣсто себѣ сыскали; и се уже другой годъ сбѣжали прошлаго 722 года Іюля 9 числа, а и понынѣ живутъ. А аще бы указу боились, то бы никто ихъ не принялъ. О бѣглыхъ людехъ такъ надлежитъ учинить, чтобъ какъ маломочные, такъ и сильные близко къ себѣ не припускали. И мочиль не мочиль, тако укрѣпить, якоже ниже явится. А въ вышепомянутой статьѣ господода удумали смѣху достойно: вмѣстноеъ то дѣло,

что подлымъ людямъ уложили, еже бѣглыхъ крестьянъ отвозить къ помѣщикамъ ихъ на подводахъ, и денегъ за всѣ годы, сколько у него крестьянинъ жилъ, по двадцати рублевъ на годъ съ ними же отвозить, и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ. А о своихъ уложили легохонько: буде жили за кѣмъ бѣглые люди по приѣму прикащиковъ ихъ или старость, а буде приняли безъ письменнаго ихъ господскаго повелѣнія, то высѣчь того прикащика или старосту кнутомъ, а пожилыхъ на тѣхъ владѣльцахъ не имать ничего; и то сталъ наружной приводъ: * у нихъ господъ есть населено бѣглыхъ крестьянъ въ Понизовыхъ мѣстахъ и въ Украинныхъ всецѣлыя села великія, иже есть въ нихъ дворовъ ста по два и по три и больше. И сіе не самой ли ихъ разсказъ, чтобъ толикое множество населить безъ вѣдома господина своего. И мнѣся мнить: съ таковыхъ силняковъ надлежитъ предъ убогими вдвое взять. И въ тѣхъ селахъ живутъ никого бояся: хотя кой и помѣщикъ и увѣдаеть, то развѣ изъ-подъ руки на нихъ посмотреть, а взять и помыслить нельзя; и воеводы въ такія вотчины и посльщиковъ посылать не смѣють; а прикащикъ и староста, кои принимали, давно умерли; и кнутомъ бить некого. И сего ради сей указъ вельми сдѣланъ прямой правдѣ противень.

Тобы указъ прямъ былъ, если бы написанъ былъ какъ богатому, такъ и убогому, едино равенъ, и написанъ бы онъ былъ съ подлиннымъ расположеніемъ и съ яснымъ изъясненіемъ, за какую вину брать жилихъ денегъ по сту рублевъ, и за какую вину брать по двадцати рублевъ, и за какую вину и не довелось брать жилихъ денегъ. И по нашему простолюдинскому мнѣнію, аще не измѣнится той указъ,

* У Стр. *проводъ*.

то великія пакости людямъ сочинятся: многіе бо дворяне маломочныя и купецкіе весьма разорятся; понеже, аще кто и не на вѣковое житье кого приметъ, но наинметъ * на недѣлю или на мѣсяць за деньги, или въ деревню въ пастухи, не вѣдая, что онъ бѣглой, наймутъ только на лѣто, а не на вѣчное усвоеніе, то помѣщикъ его возьметъ сто рублей зажилыхъ, да на немъ же будетъ сносныхъ животомъ искать елико хочеть. И отъ такого расположенія многіе и безъ вины разорятся.

Мнѣ же ся мнѣть, сія статья надлежитъ расположить сице: аще кто бѣлаго чѣловѣка приметъ на житье къ себѣ въ сроки во крестьянство или въ дворовые люди и въ бобыли, и принялъ хотя самъ помѣщикъ, хотя прикащикъ его, хотя староста, единаче зажилыя деньги брать на помѣщикъ томъ, въ чьей деревнѣ жилъ, потому: чья земля, того и бѣда. А прикащикъ или староста невиненъ, потому что онъ не къ себѣ его принялъ, но господину своему; того ради и бѣда господину, а не прикащику его. Нестаточное, чтобъ прикащику или старостѣ безъ воли помѣщика своего принять кого на житье.

Подобне и купецкой чѣловѣкъ аще приметъ кого въ вѣковое житье, а не на время, то всячески надлежитъ на таковыхъ править по сту рублей, аще и недѣли у него не жилъ.

Аще кто станеть насильно владѣть чимъ чѣловѣкомъ дворовымъ или крестьяниномъ, то мнѣся мнѣть, таковыхъ и тяжчайше бѣглыхъ людей штрафовать.

А если же кто найметъ работать на годъ, а записи у крѣпостныхъ дѣлъ не возьметъ, то довольно и двадцати рублей съ него взять, потому что онъ не въ

* У Стр. прибавлено *поработать*.

вѣчное владѣніе его принимать, но на время изъ-за платы денежныя.

А буде же кто найметъ на день или на недѣлю въ домъ или гдѣ и инамо (?) поработать, то на таковыхъ наемщикахъ поручныхъ записей брать никакъ, и таковыя ни малому платежу неприличны, потому что они наняты на мало время.

А еще за наемщиковъ поденныхъ и недѣльныхъ и мѣсячныхъ брать зажилыя деньги, то всенародное разореніе будетъ. Токмо то надлежитъ учинить, чтобъ крестьяне всякаго званія, по прежнему просто, не токмо на годъ, но и на недѣлю, ни куды бы ни въ подводы отъ жилищъ своихъ просто не ходили, но всѣ бы Государевыхъ властей и властелинскихъ и монастырскихъ у сотскихъ своихъ брали бы отпуска за ихъ печатями. Такожде и помѣщичьи крестьяне безъ письменныхъ отпусковъ никуда бы не исходили; а съ письмомъ таковымъ кто у кого ни наймется изъ денежныя заплата, то нанявѣй отъ всякаго платежа свободенъ.

Мнѣ же ся мнить: ради самыя правды надлежитъ о бѣглыхъ крестьянехъ такъ учинить, чтобы какъ богатымъ и сильнымъ, такъ и убогимъ и маломочнымъ безобидно было. И я правѣ сего не могу предложить, еже написать сице: всякаго званія сильные и безсильные послали бы во всѣ свои вотчины, кои по близности и кои и въ дальности, и въ Позимовыя новыя и старыя свои вотчины, и во Украинныя займища къ прикащикомъ своимъ и старостамъ указы, чтобы безъ отлагательства новыхъ и старыхъ пришлыхъ людей выслали за проводниками, кои лѣтъ и по пятидесять или больше жили за ними, и отдалибъ руками съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ старымъ помѣщикамъ, чьи они были. И не то, что по сту рублевъ

на годъ, но и по сту копейкѣ не надобно, толькобъ со всѣми ихъ животы движимыми отпустили бы; то и тому старые помѣщики вельми будутъ рады.

И во исправленіи тоя отдачи дать хотя на годъ сроку или больше, чтобы всѣ сильные и безсильные совсѣмъ исправились въ отдачу. И аще сие состоится Его Императорскаго Величества указъ, то всѣ помѣщики рады будутъ и безъ зажилыхъ денегъ будутъ благодарны; и такъ бы всѣ господа вотчины свои очистили, чтобъ нижадня души не оставили у себя пришлыхъ людей ни мужеска, ни женска полу.

А буде кто за тою отдачею оставить у себя хотя малыхъ робять, не то что многое число, но и хотя одного, а послѣ отдачи обличится, то на господинѣ взять за женскую голову 100 рублей, а за мужескую 200 рублей, а прикащику, да старостѣ, по 50 ударовъ кнутомъ, а крестьяномъ всѣмъ по 10 ударовъ за тое утайку, чтобъ и впредь Государевъ указъ помнили, и чего спросять, не таили бы.

И за сиевымъ указомъ, чаю я, что и высокія персоны не стануть старыхъ бѣглецовъ держать, а вновь, чаю, поопасутся; не то что сами господа и прикащики, и крестьяне всѣ будутъ страшны.

А буде кто не похотя отвозить пришлыхъ людей, да въ водѣ потопить или инако какимъ случаемъ умертвить, то за всякую голову по десяти человекъ повѣшено * будетъ. А кто пожиткамъ ихъ коснется, то на немъ доправлено будетъ десятицею, и отдано будетъ тому, чьи тѣ крестьяне были. И сиевымъ образомъ чаю, что всѣ бѣглые крестьяне возвращены будутъ, и во всей Россіи пустоту всю населять, а во

* У Стр. *погелмно* Вѣроятно въ моемъ спискѣ ошибка, а у Стр. пропускъ.

иныхъ мѣстахъ и со обиліемъ наполнилось бы тѣми пришлецами.

И сильнымъ персонамъ и то будетъ забѣдно, что еще и безъ зажилыхъ денегъ, но токмо съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ и съ пожитками ихъ крестьянскими отдать ихъ, то вѣдаю, что и о томъ будутъ охатъ; а тутъ имъ было легко приговорить, еже въ прежнемъ указѣ написано, чтобы мѣлкимъ помѣщикомъ отвозить съ женами и съ дѣтьми и съ зажилыми деньгами, а самимъ, вѣдаю, что и подводъ ^x будетъ жаль дать. И того ради, чаю, что будутъ всячески сію статью спорить, чтобы сицевому указу не быть: любятъ они на чужой спинѣ * ѣхать.

А буде не сиче сдѣлать о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, то не чаю я концу быть, ежебы бѣглыхъ всѣхъ возвратить на старыя мѣста и пустота бѣ наполнить. Аще нынѣ высокимъ персонамъ послабить въ дачѣ бѣглыхъ крестьянъ, то они старыхъ всѣхъ зажмутъ, а и вновь принимать будутъ, и правосудіе прямое за такою ихъ силою въ Россіи у насъ не состоится: статья видится и не вельми тяжка, что чужое отдать безъ наддачи, а высокимъ персонамъ покажется за великую бѣду. И аще сицевый Его Императорскаго Величества указъ состоится, что всѣмъ, какъ низкому, такъ и высокимъ персонамъ всѣхъ пришлыхъ людей вывестъ съ женами и дѣтьми и со внучаты, то я чаю, что однимъ годомъ вся пустота во всѣхъ деревняхъ наполнится, и чаю, что иныя и порозжія пустоши будутъ населять. И егда пустота вся наполнится людьми, то интересъ Царскаго Величества умножится, и егда жиѣе будетъ земля, то и купецкіе промыслы разширятся; только разве останутся тѣ бѣглецы, кои бѣжали за рубежи. А и тѣхъ,

* У стр. земль.

если Его Императорскаго Величества указъ состоится, что послать и за рубежи къ тамошнимъ жителямъ, то и они, чаю, что ослушны Его Величеству не будутъ: вышлютъ всѣ, у кого колико ихъ есть. А буде кои на Королевское имя записались, то наипаче Короли и Курфирсты тамошніе съ Царскимъ Величествомъ о всѣхъ былыхъ пришлецахъ ссориться не будутъ, и колико у кого есть, чаю, что поскорѣе нашихъ вельможъ; * а изъ Черкасскихъ маетностей мочно, чаю, и посылкою взять.

Въ старомъ Уложеніи напечатано: буде кто похотя кого избытчить, побьетъ челомъ напрасно, и егда сыщется, что билъ челомъ онъ напрасно, то взять на томъ проѣсти и волокиты по гривнѣ на день; и кто въ прямомъ дѣлѣ побьетъ челомъ, проѣсти такожь гривна на день хотя въ рубль, хотя во стѣ рублехъ, хотя въ тысячѣ или въ десяти тысячахъ рублей, то числить также гривну на день. И въ томъ древнемъ расположеніи какая правда? Если прямо разсудить, то надобно всему размѣръ положить, поколику проѣсти числить на день въ рублевомъ дѣлѣ, и поколику въ десяти рублевомъ, такожде и во стѣ рубляхъ и въ тысячѣ, и вяще тысячи; надлежитъ расположить именно то, поколику проѣсти брать на день съ какого иску, и то чинить по записямъ и по инымъ случаямъ въ прямыхъ искѣхъ.

А буде кто нападетъ нагло похотя кого избытчить, и егда допряма сыщется, еже напалъ онъ напрасно, то чего онъ искалъ, безъ всякаго милосердія доправить на немъ тоже число, чего онъ искалъ, и отдать тому, на кого онъ билъ челомъ, а и проѣсть по величеству иску расположа, доправить на немъ же, и отдать ему же отвѣтчику, да на немъ же допра-

* Ввроятно въ обонхъ спискахъ пропущено слово.

вить пошлннъ вдвое, дабы впредь было ему и инымъ такъ дѣлать не повадно.

Паки, егда кого обвинять въ десяти тысячахъ, то указано стоять на правожъ сто мѣсяцевъ, и того времени будетъ девять годовъ и два мѣсяца; а егда выстоитъ тѣ лѣта на правожъ, то тотъ виноватой принесетъ челобитную, чтобъ ему тѣ дни собирать въ переводъ, и въ томъ переводъ повелѣно дать сроку на толико жъ лѣтъ. И истецъ, волочась, волочась, да иску своему не радъ будетъ; и то стала самая явная ворама и ябедникама потачка.

Мнѣ же ся мннть: тыи статьи стараго Уложенія объ надлежитъ отставить, и сдѣлать такъ, чтобъ каковъ искъ ни былъ малъ или великъ, и егда кого обвинять въ иску, (то допросить его, чтобы онъ далъ сказку), * когда онъ деньги принесетъ; и буде неколико времени поволитъ ему истецъ дать во исправъ сроку, то истецъ воленъ, хотя на годъ дастъ сроку; а приказнымъ порядкомъ больше недѣли на сто рублей дать не мочно, а въ тысяча рублей на десять недѣль, а больше того иль меньше, то давать по расчисленію платежа.

А буде скажетъ, что платитъ нечемъ, то послать всѣ его пожитки движимые и недвижимые описать, и оцѣни, велѣть продать съ наддачею, а цѣновщикамъ велѣть цѣнить прямою настоящею цѣною. А буде цѣновщики половинною цѣною оцѣнять, то за такую неправую оцѣнку бить ихъ кнутомъ; а буде выше настоящія цѣны оцѣнять, то отдать имъ цѣновщикамъ, а у нихъ деньги принять; и колико тѣхъ денегъ соберѣтся, отдать истцу.

А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милос-

* Слова въ скобкахъ взяты изъ списка Стр.; въ моемъ пропускъ.

тынню подають. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣль, что давать милостыня, а судьи наши за то штрафуютъ; а имъ штрафовать давальцовъ не надлежить. Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскіе, иль какіе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ разсылать на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они, то оставя, давальцовъ штрафуютъ.

И сію статью правильнѣебы такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повельно будетъ, всякого чина людемъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣ; какой человекъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату, и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ Государевымъ. То дворине лице заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать — заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищѣ бродить не будутъ, и по улицамъ ходить не станутъ.

А скитающіе по міру, аще у кого буде наймется поработать, и за работу свою деньги возьметъ, а тѣ помѣщики увѣдавъ то, что нанявшись пожилъ мѣсяць мѣста иль другой, то они скажутъ, что онъ будто сбѣжалъ, и записавъ поимку, будетъ бить челомъ на того, у кого онъ изъ найму работалъ, о зажилыхъ

по указу, и тѣмъ не токмо купецкимъ людемъ, но и дворяниномъ чинять убытки великіе. А иные и посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собираютъ; а иные сковавшись ходять будто тюремные сидѣльцы, и набравъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные сами и промышленяютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать неоскудное, чтобы даромъ хлѣба не ѣлъ. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шель бы на поденную работу, или бы пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастеровымъ людемъ въ наученье, и научася мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру иного ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червію, что ничего не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ свѣту губятъ даромъ.

Такожде и по тюрьмамъ насажено у судей множество людей, и тѣ люди тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлаютъ, только сидятъ, лежать, да хлѣбъ ѣдятъ яко червісжь. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и вельми надобно пецися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подъячимъ, чтобы дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣбабъ даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червію съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать, прибытокъ Богу и Царю своему, и всей братьѣ и себѣ; дабы не уподобитися непофребному червію, иже токмо въ тлю вся претворяетъ, а пользы ни малыя людемъ кромѣ пакости не содѣваетъ.

Въ Россіи, во всѣхъ городѣхъ и въ селехъ и дерев-

няхъ, нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячь десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конекъ что тысячь пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на челоѣка съ хлѣбомъ и съ жарчемъ и съ одеждою ихъ на самой малой окладъ по шти рублей на годъ коемуждо челоѣку, то такими тунядцами казны на кійждо годъ въ тлю претворится близъ дву-сотъ тысячь рублей; и такая великая вибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго. Въ поборѣхъ за гривну изъ челоѣка хотять душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибають напрасно, того нишало не смотрятъ, не внимають тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненію царственнаго интереса богатства; но токмо то считають, что на лицо принимаютъ, то и въ прибыль почитають. А что тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлають людемъ, понеже самому Великому Государю надѣлають убытковъ много, то ничего того не смотрятъ, и не радѣють о томъ.

Самое основаніе собранію то радѣтельное; еже Его Императорскому Величеству кто потщится казну собирать, а людей не разорить. А сего всемъ правителемъ паче собранія смотреть, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіебъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились, и плодъ приносили.

Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричуть себя, а если здоровымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотреть, пильно, чтобы ничто нигдѣ не трагилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ.

И всякія собранныя вещи не токмо въ Царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало, и излишняго ничего нигдѣ не тратили; то такой человекъ прямой будетъ царственному богатству собиратель.

И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхощетъ Государю своему порадѣти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скоряе дѣло вершить; и чтобъ въ приказъ и въ тюрьмѣ лишникъ дней не сидѣли, и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, и даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.

А по кабакамъ надобно смотреть, чтобы ярыжки голые безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брать на нихъ крѣпости, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промышлять, и зернію не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людямъ не держать, чтобы безъ работъ никакой человекъ не былъ.

А кои люди надлежатъ какого наказанія, то такихъ не надлежитъ и дня одинаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобъ онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ надлежитъ послать на рудокопныя дѣла * и на иныя черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но занятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежатъ не мочавъ, ** чтобъ они даромъ хлѣба не ѣли.

А кромѣ приказа всякому командиру во своей командѣ смотрѣть накрѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ

* У Стр. прибавлено *заводы*. ** У Стр. *исключавъ*.

нешатался, и ребята молодые кромѣ праздничныхъ * дней отнюдь бы по улицамъ ни кознами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущиіи никакихъ вещи напрасно не тратили, и ящамъ бѣ не билися; и никакого чина люди и дворяне безъ письменнаго указа хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрели, и прикащикомъ и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые ребята даромъ не шатались бы, но оныя учились бы грамотѣ, а иныя рукодѣлю, каковое водится во крестьянѣхъ, учились бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прѣсть учились, и научась, шли бы на полотняные дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевою работу работали. И аще въ юности навькнеть работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ.

А сіе и не безъ грѣха есть, что за самыя малыя вины да въ тюрьму сажаютъ, а иныхъ и безвинно сажаютъ: инаго посадятъ и на часъ, да забудуть, то онъ въ забвеніи просидитъ и годъ мѣста. И ради памятованія надобно всякому судѣ безотложно навсякой день колодниковъ своихъ всѣхъ пересматривать, и всѣхъ ихъ ставить передъ себя на лицо; то нельзя будетъ подъячему или приставу посадить за хоженное свое. (?) И смотря колодниковъ всѣхъ бы новоприводныхъ самъ допрашивалъ, кто въ какомъ дѣлѣ приведенъ; и буде дѣло до кого малое, то того бы часа и рѣшеніе ему учинить; то бы онъ промышлялъ, а въ приказѣхъ сидя дней своихъ не терялъ.

И аще всѣ судьи будутъ управлять колодниковъ, повсядневно пересматривать, и рѣшеніе имъ чинить.

* Эта строка дополнена изъ сп. Стр.

немедленно, то и тюремные дворы не надобны будутъ. Отъ неуправленія судейскаго вельми много въ мірѣ пакостей и разоренія чинится, и погибають многіе напрасно; ибо многіе въ заключеніи сидя, съ голоду и отъ всякія нужды, умирають безвременною смертію.

И о колодничьемъ сидѣньѣ, мнится, надлежитъ предѣль учинить сицевый: буде кто взять будетъ въ розыскомъ дѣлѣ, то рѣшить его въ недѣлю и больше что въ двѣ, а въ истцовыхъ дѣлахъ держать больше сутокъ весьма отнюдь не надобно. А буде за сутки будетъ кой судья въ истцовомъ дѣлѣ держать, то кормить того колодника судья своимъ хлѣбомъ, и если учинено будетъ тако, то по нынѣшнему держать долго не будутъ. А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни не собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!

Въ старомъ управленіи судебныхъ дѣлъ было уставлено: буде въ какомъ займѣ или иманьѣ изъ казны денегъ поручатся поручики въ тысячь рубляхъ чловѣкъ десять или двадцать, а писали въ записяхъ взять тѣ деньги на зайщикъ и на поручикахъ, кто изъ нихъ въ лицахъ будетъ, и по такому обыкновенію аще зайщикъ не исправится, то высмотря изъ поручиковъ, которые посытѣе, да буде не умѣетъ за себя стать, то на одномъ на немъ и допрафятъ, и совсѣмъ его разорять. А иной заимодавецъ немилостивый какъ срокъ придетъ платежу, а зайщикъ не исправится, то не даетъ сроку ни на недѣлю, всѣхъ поручиковъ захватить въ приказъ; и егда обвинять ихъ, то всѣхъ ихъ разорять до основанія; буде денегъ не принесутъ вскорѣ, то пожитки у всѣхъ заберутъ безсрочно, и оцѣня дешевле половины, и всѣ распродаютъ за без-

цѣнокъ. И тако тѣхъ поручиковъ разорять и межъ дворъ пустать; и отъ такого порядка многое множество народа въ нищіе пошли, и то стало быть самое царственное разореніе.

Аще и съдѣлать такъ, чтобы во всякія поруки ручались поручики по своей силѣ-мочи; и аще въ великомъ займѣ тысячномъ или многотысячномъ стануть ручаться, то всякой поручикъ ручайся по своей силѣ; буде кой можетъ тысячу рублей заплотити, тобы въ томъ и ручался, и въ рукъ своей именно бы написалъ, что онъ ручается въ тысячь рубляхъ. А кто тысячу рублей не сможетъ, то всякой бы по своей могутъ, кто и во стѣ рубляхъ, кто больше иль меньше. А буде кто больше десяти рублей заплатить повытку своего не сможетъ, то въ десяти рубляхъ подписалсябъ; и егда зайщикъ платежемъ не исправится, то больше десяти рублей съ него бы не было взятыя. И тако, всякой поручикъ, что въ рукъ своей написалъ, то и заплатитъ, и по такому регулу никогда бы поручики отъ порученія своего не разорались, и ручаться бы стали охотнѣе.

Въ старомъ Уложенъ напечатано, еже сажать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ за вину въ тюрьму годы на три, на четыре и больше, и та статья мнѣ возмилась весьма непристойна. И о чемъ посадить въ тюрьму, да морить лѣтъ пять иль шесть, то лучше приложить ему наказанія или ~~синаго~~ какова штрафу, а дней житія человеческого терять не надобно. Человѣкъ на волю будучи иной подлѣ себя и постороннихъ человѣкъ пять-шесть или больше можетъ прокормить, а въ тюрьмѣ сидячи, и себя прокормити не можетъ, но вмѣсто червя будетъ хлѣбъ ѣсть и во тлю претворить безъ прибытку.

Въ Новѣгородѣ въ прошломъ 718-мъ году пойманъ

Ямбургскихъ стеклянныхъ заводовъ того стекляннаго дѣла ученикъ Иванъ Семеновъ въ томъ, что онъ самъ себя паспортъ написалъ своею рукою, и дважды онъ въ томъ разыскиванъ, что не писывалъ ли кому иному паспортовъ или иныхъ какихъ писемъ. И кромѣ того своего паспорта не явилось, и вида, что иной вины никакой нѣтъ, то бросили его въ тюрьму; и сидѣлъ въ тюрьмѣ при Иванъ Мякининъ три годы, а рѣшить его не могъ. Знатное дѣло, что дать тому ученику было нечего; а онъ Мякининъ любилъ деньги, а даромъ онъ никому ничего не дѣлалъ. И буде кто больше принесеть, то и правъ будетъ его судейскимъ разсужденіемъ: онъ будучи въ судействѣ, не смотрѣлъ на правду, но смотрѣлъ на деньги. И такимъ судейскимъ гнилосудіемъ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и вся та пять лѣтъ погибла. А если бы онъ Мякининъ не алтыничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста два-три прибыли въ царствѣ сдѣлалъ бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ.

И ради совершеннаго таковыхъ дѣлъ исправленія, надобно у Бога всецѣдраго милости просить, чтобы онъ челоуѣколюбивый Богъ на дѣло сіе милостивно призорилъ, и возложась на Его Божию волю, надлежитъ для установленія самыя правды первѣе соорудить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшить. И такъ надобно его устроить, чтобъ никакого дѣла наизусть не вершить, но всякимъ бы дѣламъ рѣшеніе наказанія и милости ясно означено было: за что какая жесточъ, и за что какая милость, чтобы по тому расположенію и малосмысленный судья могъ прямо дѣла разсуждать.

ГЛАВА IV.

О КУПЕЧЕСТВѢ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди — купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтъ такого чина, коему бы купецкой челоуѣкъ не потребенъ былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ блости, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество

ихъ иночинные люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами помѣшательства умножали, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ Русскому купечеству свободной чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы въ торгу Рускимъ людемъ помѣшательства нимагобъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи. Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлыны будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ розночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще отъ сянклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить, и записаться въ купечество, и промышленять уже прямымъ лицомъ, а не пролазомъ, и всякіе торги весги купечески съ платежемъ пошлынь, и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлыннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшить и предъ Царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить такъ надлежитъ и слыть: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще инаго званія чловѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ, глаголя: (Матѣ. гл. 6, ст. 24): Единъ рабъ не можетъ дву господамъ служити. Тако и воину и инаго чина чловѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо кому къ купечеству прилпнутися, то въ военномъ

дѣлъ солгать будетъ. Самъ же Спаситель нашъ рекъ, глаголя: яко идже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А Святый Павелъ Апостоль глаголетъ: (гл. 2, ст. 41), яко никто воинъ обяуися куплями угоденъ будетъ воеводъ. А по простонародному реченію есть глаголь приличенъ сему, еже глаголется: одно взять— либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночнику отнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже простороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатится купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножится не отъ чего будетъ.

А аще Господь Богъ у насъ въ Россійскотъ Царствѣ устроить сиче: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, не токмо ихъ отъ обидниковъ защищать, также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатамъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлѣхъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ, а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или

какого званія ни былъ, а торгу на сто рублей имъ —
 етъ, тобы записался въ купечество. И аще и тамъ по-
 вельно будетъ имъ жить на сторонѣ, * а уже пахоть
 ему не пахать и крестьяниномъ не слѣтъ, но слѣтъ
 купеческимъ человѣкомъ, и надлежитъ уже быть подъ
 вѣденіемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлина
 платить, въ мѣлочныя сборы, или по окладу своего тор-
 гу укомомъ, то такъ тому и платить неизменно.

А дворяне ради себя паслибы своихъ крестьянъ неот-
 ложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибы
 накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не при-
 касались бы, и никогда бы даромъ ни лѣтомъ, низимою не
 гуляли, но всегдабы были въ работѣ, а къ купечеству ни
 малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и
 сами дворяне никакому торгу не касались бы. А бу-
 де кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши на-
 нималъ, да хлѣбомъ насѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ
 продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго чи-
 сла для прибыту своего не покупалъ бы; а буде ку-
 пить хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестья-
 нинъ или и тотъ, кто продалъ, придетъ въ таможеню,
 извѣститъ, то у того торговца взято будетъ штрафу
 сто осьминъ, а кто о томъ донесетъ, дать десять
 минъ. А буде кто купить для продажи десять
 четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу ты-
 сяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей.
 А буде коему крестьянину припадеть охота къ ку-
 печеству чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бѣ въ маги-
 стратѣ, и сказалъ, что могу я торговать на сто руб-
 левъ или на двѣсти или и вѣщше, то указомъ Его Им-
 ператорскаго Величества взять будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія чело-

* У Стр. на старцихъ. Впрочемъ въ обоихъ спискахъ это мѣсто не
 ясно.

вѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошліны будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вѣще.

Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имени множество провозятъ * безошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралоса, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всемъ ** торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгъ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгъ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправу чинять, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземцы, тако и Русскіе, на лице являютъ добрыя, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самыя плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрыя, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми

• У Стр. производятъ. ** У Стр. возсе.

изъянать, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправдо порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадають, и въ убожество вищее приходятъ; и тако вси отончевають.

А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда усталилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишніа бѣ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не припрасивалибѣ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибѣ, и во всемъ поступалибѣ самую правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныа въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотской; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямоль отвѣсимъ или обмѣрять, и товаръ доброй или плохой и настоящую цѣну взять.

А буде взялъ цѣну не противно настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетми, чтобъ впредъ такъ не дѣлалъ; а буде

въ другой разъ такъ же учинить, то доправить штрафу сугубо, и наказаніе учинить сугубоежъ.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то такому жесточае чинять наказаніе, и штрафъ противъ товарныхъ цѣны взять десятирично.

А буде въ такой неправости помирволить продавцу сотской или пятидесятской или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкціи съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятскими смотрѣли неоплошно, дабы они никакому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятокіе и полавкамъ досматривали, чтобы никакова товару худаго добрымъ не закрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, доброй за доброй, середній за середній, а плохой бы за плохой, и всѣми бы и мѣряли самую правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, того бы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камки и прочія парчи, мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ не пришелъ, богатъ или убогъ, аще разумень или ничего не смышляющъ, всѣмъ бы единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублей единыя копѣйки не имали и не припрашивали бы.

(Спорить нельзя—одной цѣны уставить въсь (вър. всему) товару: имя одно, да доброта не одна; цну пору да и

поплоше 1) * и самыя ради безпорочныя правды не худо бы всякимъ товарамъ въсовымъ и локотнымъ положить цѣна уставленная, чтобъ она какова была въ первой лавкѣ, такова бы и въ послѣдней.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафъ, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и принявъ штрафъ, записывалибъ въ закрѣпленную книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія командира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль деранеть пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторишно; за всякой взятой рубль по сту рублей, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи Русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземець сторгуеть какова товара Русскаго многое число или малое, то всѣмъ Русскимъ людямъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, комуждо изъ своихъ товаровъ поверстався по количеству товаровъ своихъ, ** чтобъ ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочеть товару своего для малыя продажи расчинать, и то какъ кто похочеть, въ томъ воля мочно дать.

* Слозь въ скобкахъ, впрочемъ безсвязныхъ, не достаеть у Стр.

** Такъ не ясно въ обохъ спискахъ.

И тако творя, между всеми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложить, то уже иноземцы по той цѣнѣ и нехотя возьмутъ.

А буде иноземцы похотятъ нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не станутъ, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять.

А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймутъ, то ~~выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвоеи, и впредь до указу таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ принимать не будетъ, до тѣхъ времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы.~~

И буде иноземцы восхотятъ нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не взвысить, а своихъ не снизить, оставя торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то ~~и свои они товары съ коими прѣехали повезли бъ всѣ съ собою назадъ; а въ амбары съ кораблей не сторговавшись отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать стануть, или гдѣ въ домъ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не попускать; то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ цовезутъ.~~

А въ другое лѣто буде прѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои Русскіе товары ко уставленной прошлогодней цѣнѣ приложить на рубль по гривнѣ или по четьре алтына, или какъ о томъ указъ Великаго Госу-

даря состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы въ томъ товаръ даромъ не прогуляли.

А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочать они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товаряхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умножались.

И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубли, то такову цѣну уже впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ.

И аще иноземцы упрямство свое и отложить, и стануть товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на Русскіе товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилась.

И буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ нами: мы благословеніемъ Божиимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допускать до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехота отложить: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ

прожить безъ товаровъ ихъ; а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовать предъ нами, и во всемъ упадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ прѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великаго Государя цѣнять, до чего было имъ нималаго дѣла не надлежало: имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ Великій Императоръ самъ собою владѣть, и въ своемъ государствѣ еще и копѣйку повелить за гривну имать, то такъ и можетъ правитися. Мы въ своемъ царствѣ съ воли Монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбо, то на ту цѣну не отдавай, воленъ онъ и отдать и не отдать; намъ силою у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, несторгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ корабль держи.

Время было уже имъ прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи въ купеческія дѣла не вступали, но управляли бояре. И прѣхавъ они иноземцы засунуть сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они иноземцы прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купечества ни въ личную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняютъ.

А нынѣ, слава Богу, Монархъ нашъ вся сія разсмотрѣлъ; и подлѣзть имъ уже никакъ, ежебы имъ по

прежнему своему хотѣнію оставить и на своемъ по-
ставить.

И если они иноземцы отъ упрямства своего годъ
два-три и пять-шесть торговаться съ нами не бу-
дутъ, то купечеству нашему великая и неисчислимая
прибыль будетъ, потому которые товары покупались
у насъ въ Руси по рублю, то будетъ уже въ покуп-
кѣ по полтинѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше
установленныя цѣны за иноземческое упрямство сбавить
отнодъ не можно. Потому, что такая цѣна установилась
за ихъ непокорство; они на свои товары безъ причины
наложили цѣну высокую и тѣмъ насъ весьма изнево-
жили, а имъ изнебога ме. отъ насъ, но отъ своего имъ
упрямства. Они въ причину поставили Русскія наши
деньги, до чего имъ ни малаго дѣла нѣтъ. Деньги наши
когда въ ихъ землю придуть, то хотя они нашу копѣйку
и за деньгу не возьмутъ, то въ томъ они вольны; ихъ
земля, ихъ и воля. А въ нашей землѣ нѣтъ имъ ни ма-
лыя власти, но воленъ нашъ Монархъ; а по его Монар-
шеской воли и мы имѣемъ нѣкую часть воли. А они,
пришедъ въ нашу землю, цѣны наши деньги, да вся-
кимъ своимъ товарамъ цѣну возвысили: червонные бы-
ли безъ гривны по сроку алтынъ, а нынѣ по два
рубля, ефимки были по осьмнадцати алтынъ, а нынѣ
по осьми гривенъ; мѣди пудъ былъ по три, а нынѣ
по семи и по восьми рублевъ, олово было не съ боль-
шимъ по три рубля, а нынѣ выше шести рублевъ;
горючая сѣра была по полтинѣ пудъ, а нынѣ втрое
выше продаютъ. Бумага писчая, коя была стопа по
восемь гривенъ, ту нынѣ продаютъ по два рубля; око-
нечныхъ стеколь ящикъ покупали по три рубля, а
нынѣ продаютъ по десяти рублевъ. Колико ни есть
заморскихъ товаровъ, на всѣ неможили они цѣну
двойную, да и тройную, и тѣмъ они хотятъ Россій-

ское Царство пригнать къ оскуденію, и издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ возять къ намъ разныя питья, да похваляютъ ихъ, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали, и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье выпить, да ....., а иное и выблевать; да привозять къ намъ стеклянную посуду, чтобъ намъ купивъ, разбить, да бросить. И намъ если заводовъ пять шесть построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянною посудою наполнить можемъ.

И того ради весьма надлежитъ намъ себя осмотрить: ихъ Нѣмецкихъ разказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то надсѣдаясь хвалить, чтобы мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ: и пиво наваря, да наливъ въ бутылки привозять, да продають бутылку по десяти алтынъ; а намъ мочно та бутылка наложить на алтынъ или на двѣ копейки.

И аще нашимъ товарамъ высокая цѣна уставится или и не уставится, то въ воли Монарха нашего; какъ онъ поволитъ, такъ то и будетъ неизмѣнно*.

А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію, и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбиралибъ, кои товары были прочны и самыя были добрыя, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы ни кому и малыя обиды не было.

А буде же иноземцы на тотъ отборной товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложить цѣну излишнюю, то

* Последний періодъ кажется нестати по обимъ спискамъ.

и того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбирания установилась.

А буде заупрямятся, и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ; то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы.

А наипаче такихъ товаровъ не принимать, которые купя выпить, да . . . . ., или принявъ разбить и бросить. Стеклянную посуду мочно намъ къ нимъ возить, а не имъ къ намъ; и всякіе товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя ихъ иноземческія пуговицы принимать и на полцѣны не надобно; понеже пока чловѣкъ кафтанъ носить, то обшивныя пуговицы двое или трое перемѣнить. И того ради годствуетъ принимать пуговицы мѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловяныя серебромъ посеребрены на жестяныхъ чашкахъ. Такжеде кои вмѣсто стальныхъ привозятъ визиготовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобножъ для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сдѣланы на желѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать; потому что онѣ весьма потребны, платя не дерутъ, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде стануть ушки дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ партищъ пять-шесть переносить.

А и во всякихъ товарѣхъ смотреть того накрѣпко,

чтобы былъ проченъ, и парчи всякія, кои бываютъ къ носкѣ прочны, тѣ и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цвѣтны, таковыхъ и на полдѣны принимать не надобно, и никому бы изъ такихъ парчей и платья дѣлать надлежитъ призапретить; потому что въ нихъ деньгамъ переводъ.

И не токмо шелковыхъ, но и гарусныхъ, кои неплотны и къ носкѣ непрочны; чулки и парчевыя вещи, кои скоро пропадаютъ, таковыхъ никогдажь принимать не надобно; такожде и линтовъ, кои весьма тонки и плохи, хотя самую малою цѣною не доведется жъ брать; но брать тѣ линты, кои весьма плотны, хотя и цѣною выше, только бѣ къ носкѣ были прочны; и съ мишурою битью никакихъ линтовъ не принимать; потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, токмо денежная напрасная трата.

Также и платковъ шелковыхъ Нѣмецкихъ и Персидскихъ не надлежитъ же покупать намъ; потому что и въ нихъ токмо одна денежная трата, а самыя потребности ви полу нужны нѣтъ: дать за него рубль или полтора рубля и годомъ платка два-три истеряетъ, и на другой годъ толико жъ надобно, и лѣтъ въ десятокъ иной щеголь платковъ съ пятьдесятъ; и хотя по рублю положить платокъ, то пятьдесятъ рублей истратитъ, и на всякой годъ, и въ той бездѣлицѣ изъ царства тысячь десятка по два-три пропадутъ, а на утираніе носа и на утираніе на лицѣ пота гораздо потребитъ платки льняные, нежели шелковые; и шелковые токмо одни хвасты, да иноземцамъ обогащеніе.

И если заказъ о шелковыхъ платкахъ будетъ, то никто ихъ не востребуетъ, и будутъ по прежнему по лютыными платками утираться.

Нѣмцы никогда насъ не поучатъ на то, чтобы мы бережно жили, и ничего бѣ напрасно не терали, только

то выхваляютъ, отъ чего бѣ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ ладогосятъ; надобно смотреть ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотреть прозрительнымъ * окомъ.

А кои у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оконечныя стекла, шляпы, скипидаръ, робльчи и рушки, вохра, черлень, прозелень, пульментъ, то всѣмъ тѣмъ надобно управляться намъ своимъ, а у иноземцовъ отнюдь бы никакихъ тѣхъ вещей ни на полцѣны не покупать.

А и суконъ солдатскихъ, мнитсѣ мнѣ, у иноземцовъ покупать не надобно жѣ, потому что наши Русскія сукна аще и дороже заморскихъ стануть, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдутъ. Того ради и сукнами намъ потребно пронииматься своими жѣ, что бы тѣ деньги у насъ въ Россіи были.

И правителемъ не токмо однихъ купецкихъ дѣлъ, но и градскихъ, надлежитъ смотреть того накрѣпко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего изъ-за моря и изъ-за рубежей въ Русь не покупали, но покупали бѣ такія вещи, кои прочны, и коихъ въ Россіи у насъ не обрѣтается, или безъ коихъ пробыть не мочно.

Намъ надобно не парчами себѣ украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ, и школьнымъ учещемъ, и христіанскою правдою, и между себя истинною любовію и непоколебимымъ постоянствомъ, яко къ благочестивой христіанской вѣрѣ, тако во всѣхъ дѣлахъ, и

* У Стр. прозрительнымъ.

за такое украшеніе не токмо на земли, но и на небеси будемъ славны.

А и сіе въ купецкихъ людяхъ дѣется весьма неправильно, еже аще которой человекъ проча себя и дѣтямъ своимъ построишь полаты, и аще онъ построилъ ихъ и одолажась, а сосѣды и клеветы его вси, вмѣсто ежебы его за то паче перваго любить и благодарити, что сдѣлалъ отъ бочнаго огня преграду и царственную учинилъ украсу, вознегодуютъ на него, и налягутъ на него тяжелыми податями и службами, и то стало быть дѣвальская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что онъ строя палаты изубытчился, а они вмѣсто льготы нападуть на него съ разореніемъ.

А мнится: не худо бы и Царскимъ указомъ сіе подтвердити, чтобы лѣтъ на пять-шесть или и больше построишимъ палаты въ Царскихъ поборахъ давать льготы, и въ тѣ льготныя лѣта въ службы никаковы не выбирать бы; дабы онъ поправился, и на то смотря, стали бѣ иные тцатися палаты строить

Паки и сіе мнится: не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшнѣи, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощеваютъ.

Паки мнѣ мнится—не худо бы расположить, чтобы всякой чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ ни коими дѣлами по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей; и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно.

А мнится быть то самое прямое дѣло, чтобы не то

что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть.

Первая статья купецкаго чина, кѣи выше тысячи рублей, даже до десяти тысячъ пожитки у себя имѣютъ, тѣи бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублей, а камзолы луданые и стофные и прочія шелковыя парчи, кои безъ золота, безъ атласа и безъ изпещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ свонхъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченыя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покроемъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бѣ ниже подвязки, чтобъ оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповыя, а камчатыхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя, а полъ по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьими и рассомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Соболи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кѣи выше десяти тысячъ имутъ у себя пожитку. А среднія статьи, кѣи имутъ у себя пожитки ото ста рублей даже до тысячи, то тѣи бы носили сукна Англійскія, кѣи около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребренныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго ку-

печества, а на ногахъ — сапоги. А нижняя статья, кинъ отъ десяти рублей имѣють пожитка только до ста рублей, тѣ бы носили сукна Русскія крашенныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валеныя, хотя неваленыя, только бы были крашенныя, а некрашенныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежномъ расположеніи еще и нѣмъ повидится дѣло невеликое, мнѣ же мнится — велико оно: первѣе, что чинъ отъ чина явенъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать; другое, что у всякаго чина денежныхъ истраты излишнія не будетъ; третіе, что царству наполненіе будетъ немалое.

И платенное расположеніе, я чаю, что иноземцы вельми будутъ спорить того ради, что разходу парчамъ ихъ будетъ гораздо меньше. И о всемъ семъ, какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и будетъ; и расположить бы всѣ статьи особливостно, не токмо матеріальными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрѣпко, чтобы впредъ неподвижно быти. И того ради штрафомъ подтвердить и страхъ предложить, дабы никто не дерзалъ на измененіе предѣла сего.

У кого пожитку на тысячу рублей есть, тотъ бы себя не ругалъ, но благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристойству своему.

А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣють, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у инаго и ста рублей нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тотъ бы не тщеславился, но всякъ бы свою мѣрность зналъ.

И еще у кого пожитку выше тысячи рублей, и онъ платье по своему достоинству противу своего клеркетства носить не будетъ, и кто, въдая его пожитокъ, донесетъ о немъ, то всѣ его пожитки переписи-

сать, и аще явятся тыщи на двѣ или на три, то оставитъ ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себѣ того возжелалъ, а излишнее все, аще и выше того будетъ, взять на Великаго Государя, а доносителю изъ взятаго пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смѣтѣ явится ни съ большимъ на тысячу рублевъ, тому въ пеню не ставить; аще стодругое или третіе явится излишня, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишня будетъ, то излишня пять сотъ или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублевъ или сотъ пятьшесть.

А кто выше своей мѣры платье себѣ сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинить ему наказаніе, чтобы впредь такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчили.

И аще сіе дѣло нѣ великое, а царственному обогащенію будетъ великая помога: никто излишняго тратить не будетъ.

И аще воля Великаго нашего Монарха на сіе дѣло произыдетъ, то надлежитъ закрѣпить штрафомъ великимъ и страхомъ немалымъ, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ путѣхъ ѣздили бы въ определенномъ свосѣ платьѣ.

А буде кто одѣнется не своего чина одеждою, то наказаніе чинить ему жестокое, а по людямъ смотря, надлежитъ и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хоцетъ идти на легкую работу — на разбой.

Во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобъ по верхнему платью или по исподнему, но и по

рубашкамъ всѣ бы были знатны, кто какого званія есть.

И по такому расположенію всѣ чины будутъ явны, и никто волгатись во иной чинъ не можетъ; а мнѣ видится, отъ такого порядка и азарничества поубудеть; нынѣ бо многіе поубравшись посолдатски, ходя по улицамъ, чиняты, что хотятъ, а никто пристать къ нимъ не смѣетъ: мнѣ бытъ ихъ прямыхъ солдатомъ, наипаче кѣи убираются подобіемъ Преображенскихъ или Семеновскихъ солдатъ, и тако твора, наносятъ слово на прямыхъ солдатъ недоброе. А если бы всѣ чины были расположены, то еще бы кто и поазарничалъ, то положилъ бы порокъ на своей чинъ, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничаетъ.

И не худо бы расположить какими знаками и полки всѣ яко солдатскіе, тако и драгунскіе, чтобы всякой солдатъ и драгунъ знатенъ былъ, коего онъ полку.

И еще всѣ чины повидится расположить трудно, то хотябъ то учинить, чтобы мочно было знать, кто идетъ или ѣдетъ, господинъ ли или рабъ; обаче о всемъ семъ како воля Божія и Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и можетъ быть.

И сіе вельми потребно, ежебы то учинить, чтобы никто выше мѣры своей одеждъ и всякихъ украшеній не строили.

А наипаче монахомъ шелковыя одежды носить неприлично; а сіе весьма непристойно, еже носятъ они рясы луданья, атласныя и штофныя; они бо уже міра сего отреклися, и яже суть въ мірѣ, и міру подобаетъ отъ нихъ отреченну бытъ: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а міру мертвы суть; и того ради ни малаго убранія не подобаетъ имъ не токмо во одеждахъ имѣть, но и во всякихъ вещьхъ украшати себя свѣтскими украшениями не надлежитъ, но подобаетъ имъ

украшати себя святымъ житіемъ и всякими добродѣтелями, пачеже смиреніемъ и изъ монастыря исхожденіемъ. Имъ по чину своему подобаетъ носить самое простотное одѣяніе, отъ волны сотканное, а и покрой рясамъ ихъ надлежитъ быть мѣшковатой, чтобы и въ томъ украшеніи ни малаго какого не было.

А исподы носилибъ самые смиренныя овечьи, а собольихъ, и кунныхъ, ни лисьихъ, ни бѣлыхъ, отнюдь бы не носили; ибо на худой конецъ, что дни по всей Россіи на всякой годъ тысячъ десятка по дватри въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшеніе, ни она міру увеселеніе, но токмо тщеславіе и къ б. . . . цамъ присвоеніе, и инаго ничего въ томъ украшеніи нѣсть кромѣ грѣха.

И азъ не вѣмъ, како у нихъ на сіе разсужденіе будетъ, а мое мнѣніе тако лежитъ, что отнюдь имъ не то что одѣждъ, но и опушки шелковыя не подобаетъ имъ имѣть. Чернецъ — мертвецъ. И отъ пьянственнаго питья подобаетъ имъ весьма удаляться, и между мірскими людьми не шататься, и въ деревняхъ монастырскихъ управителями не подобаетъ имъ быть, но токмо знать имъ монастырь, да святую церковь, и келій своихъ никаковымъ украшеніемъ не украшати, а не худо, чтобъ и стѣнъ не тесати, и въ келіяхъ своихъ не токмо хлопцевъ молодыхъ при себѣ держати, но и родныхъ своихъ дѣтей отнюдь при себѣ не надлежитъ имѣти.

Уинока инако всякому дѣлу подобаетъ быть: у инока ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни сродниковъ нѣтъ, кромѣ единого Бога. Имъ пища сладкая и приправная и масломъ гораздно усмаженная не весьма подобаетъ ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрѣшенія маслаца положить самую малую

часть, дабы не весьма удъ усладило; такожде и на штіе разръшити отъ самыя жъ малыя части, чтобъ шіяства въ себѣ не почувати.

Чернецу непрестанно подобаеть быть въ молитвѣ, да въ трудѣ и въ непрестанномъ богомыслии. Имъ такъ надобно жить, что онъ весь былъ въ Бозѣ, и Богъ бы въ немъ неизходно, и нетокмо ему сладостныя яствы ясти или по ліоторску мясу коснутися, но и рыбы кромѣ разръшенныхъ дней не подобаеть вкушати. Вся бо та въ міръ суть, а не въ монастырѣ, и егда на рыбу разръшено, то и рыбу не весьма усмаживать масломъ и иными приправами, но варить ее просто и кромѣ соли никакой потравы въ нее класть не весьма потребно; въ монастырѣ токмо трудъ и алканіе, а не роскошь какаа. Итого ради называется равно ангельское житіе ихъ, потому что непрестанно въ церковномъ пѣніи и въ келейномъ правилѣ и въ постѣхъ и въ молитвѣ пребываютъ и въ богомыслии.

И въ монастырѣхъ каковъ трудъ и воздержаніе всей братіи, таковъ и архимандриту, и пища какова всѣ соборнымъ и работнымъ инокомъ, такова и самому архимандриту. И въ такомъ бытіи самое будетъ братство, такожде и одежда у всѣхъ бы была безукрашная и ничѣмъ одежда отъ одежды не отмѣненная; и тако бы они въ монастырѣ трудились, чтобъ никто посторонній челоувѣкъ познать не могъ, кто какого чина есть.

Христось, дая намъ образъ будучи на землѣ, платья украшеннаго и измѣннаго не имѣлъ, и яко Самъ едину ризу имѣлъ, тако и прочимъ ученикамъ своимъ повелѣлъ единоризнымъ быти.

А и пищу Христось требовалъ простую безъ приправъ (Лук. гл. 4, зач. 54): егда бо пришедъ въ весь посѣтити Лазаревывъ сестрѣ, и Марія овла при ногу

Иисусову слышаше словесъ Его, нача про Христа припасать ядь со учреждениемъ. Господь же похвалилъ Марію, коя о пищѣ не преклася, но съдше, слышаше словесъ его Господнихъ, а Марѳа рѣкъ: Марео, Марео, печешися о мнозѣ, едино же есть на потребу. Явь есть, яко повелѣлъ ей припаси то, чѣмъ мочно челоуѣку сыту быть. Тако и инокамъ токмо припасать, чѣмъ мочно челоуѣку сыту быть, и вѣсть надобно не чрезъ сытость, чтобы не отяготить себя, и имѣнія иноку никакого не подобаетъ имѣти.

И въ такомъ житіи могутъ они слыть Евангеликамц; понеже они никакихъ утѣхъ себѣ, кромѣ Бога, не имѣютъ; всегда пребываютъ въ постѣ и въ молитвѣ, и мяса не вкушаютъ, и никакими сладкостями не услаждаютъ себя, и яко Христосъ жилъ, тако и они живутъ, и живутъ житіе безженное, а мнози въ нихъ обрѣтаются и дѣвственники; и того ради весьма имъ надлежитъ слыть Евангеликами.

А люторы, я невѣмъ, съ коего разума называются евангеликами: они живутъ... а неевангельски: мясо ѣдятъ и пр. *

И ради всенароднаго охраненія надлежитъ не однихъ иноковъ, но и купечество отъ лишняго пїянства и отъ роскошнаго житія повоздержать; наипаче надлежитъ запретить отъ заморскихъ питей, чтобы сами не пили и въ гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказнымъ людемъ и служивымъ и прочимъ всякаго чина людемъ призакрыть, чтобы и они въ заморскихъ питеяхъ не касались, и денегъ бы напрасно нетеряли. Буде кто похочеть прохладиться, то можетъ и Русскими питеи забавиться, а не тобъ что покупаючи пить, но и приносящаго никакого заморскаго питея не поваживались бы

Опускаемъ нѣсколько строкъ.

пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокія персоны, а заморскихъ питей и духу бы не было, кромъ табаку, (а табакъ не худо бы въ Русижь завести съяти и строить его позаморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились), но чемъ Богъ нашу страну наполнилъ, тѣмъ надлежитъ и честноватись.

И иноземцамъ то прилично питье свое заморское въ домѣхъ своихъ держать, и кого не похотятъ поить имъ хотя Рейнскимъ иль алканомъ, но хотя Венгерскимъ безденежно; а на деньги буде продасть много или мало, брать штрафъ сторичный—за копейку по рублю, а за рубль по ету рублевъ, а достальное питье, колико у него не същется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцевъ позоветъ къ себѣ въ гости, то подчивалибъ своими питьи, а на заморскія питья отнюдь никакого числа денегъ не тратили бы, но токмо заморскія питья покупали бы одни сенаторы, да изъ Царскаго Сигклита, кои самыя богатые люди, обаче съ разсужденіемъ же бы, чтобы деньгамъ не весьма истратно было.

Развѣ къ кому случится пришествіе Царскаго Величества, то уже тутъ нѣтъ предѣла: идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется.

Намъ отъ заморскихъ питей кромъ щеты и богатству нашему Россійскому препятія и здравію поврежденія инаго нѣсть ничего, и дадимъ мы изъ Россійскаго царства за него червонные, да ефимки и иныя потребности, безъ коихъ имъ пробыть не можно, и отъ чего они богатство себѣ приобрятають, а отъ нихъ иноземцевъ примемъ мы то, что выпити да ..... и на землю вылить, а иное и выблевать, и здравіе свое повредить, а и въку своему пресъченіе учинить.

А насъ Россіянь благословляя, благословилъ Богъ

хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія и меды у насъ преславныя варенныя, самыя чистыя, что ничѣмъ не хуже Рейнскаго, а плохаго Рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питія, каразинъ и меды красныя жъ вишневыя, малиновыя, смородинныя, костяничныя и яблочныя.

И аще заморскія питія оставитъ, а повелѣтъ строить меды разными видами, различными и скусы, и продавать ихъ изъ-австеріи; то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ.

А аще и табачныя заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобъ онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить позаморски, то такъ намъ мочно его напасти, что и кораблями за море мочно намъ его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копейки фунтъ его не станетъ, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупаютъ, а съять его мѣста у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что милліонная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ множество, мочно намъ или его съять во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, во Мченскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ, и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячѣ тысячъ пудъ наплодить его.

И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться.

И аще и табакъ въ Русѣ заведется, то кто сколько какихъ питей Русскихъ и табаку ни выпьетъ, всѣ тѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія пиятья покупать ничѣмъ же лучше то, что деньги въ воду метать.

Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги метать, нежели за море за пиятья ихъ отдавать; изъ воды колико ни есть либо кто и добудеть, а изъ-за моря данныя деньги за пиятья никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погибли.

А самага ради лучшаго царственнаго пополненія надлежитъ и прочіе заморскіе товары съ разсмотрѣніемъ покупать, ибо тѣ токмо надлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ Нѣмецкія затейки и прихоти ихъ мочно и приоставить, дабы, напрасно изъ Русѣ богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасты намъ смотреть не для чего. Намъ надлежитъ свой умъ держать, и что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои вещи намъ не къ прибыли, или кои и непрочны, то тѣхъ отнюдь у нихъ не покупалибъ.

И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургъ и въ Ригъ и въ Нарвъ и у Архангельскаго города, прїѣзжіе иноземцы товаровъ своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы не сторговавъ и пошлинь не заплатя не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары не вынимая изъ кораблей назадъ къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли ихъ.

И аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложить.

Намъ о томъ вельми крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ ихъ во смиреніе, и чтобы онѣ за нами гонялись.

И аще въ семь мы можемъ устояти, ежебы товаровъ незапроданныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то станутъ они гораздо охотнѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не станутъ.

И хорошо бы въ купечествѣ и то учинить, чтобы вси другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ Царскія бы сборныя казны изъ ратуши давали имъ изъ процента на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человѣкъ во убожество великое отъ какого своего упадка не входилъ.

И аще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣютъ, но годъ отъ года въ промыслахъ своихъ будутъ расширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе, благословляя благословить, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе.

ГЛАВА V.

О ХУДОЖЕСТВѢ.

Въ художникахъ еще не будетъ добраго надзира- теля и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими дѣлами обогатиться не возможно, ниже славы себѣ доброй получить, но до скончанія вѣка будутъ жить въ скудости и безславіи. А если бы учиненъ былъ о нихъ гражданскій указъ, ежебы имъ изъ самаго на- чала учиться постоянно жить, давшись къ мастеру въ наученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отхо- дить, и не взявъ отпускнаго письма и послѣ сроку съ двора не сходить, тобы всѣ мастера ни въ томъ без- дѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми мастерами бы были. А прежде такой порядокъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять или на шесть, и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, да и цѣну спуститъ, и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочить—ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ.

А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ о семъ гражданской указъ такой твердый, что буде

кто не доживъ до сроку хотя единого дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ челоуѣкъ не будетъ добрымъ челоуѣкомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускнаго, никто де его не приметъ въ наймиты, ни въ ученики, никто де его не возьметъ; и того ради у нихъ и мастера добры и похвальны.

А у насъ такого запрещенія гражданскаго нѣтъ, чтобы не доживъ до сроку и совершенно не научась, отъ мастеровъ ученики не отходили; и того ради и быть мастерамъ добрымъ у насъ не возможно.

Такожде, аще кто что вымыслить вновь отъ своего разума или и научась отъ кого, да начнетъ дѣлать, а прежде такого мастерства не бывало, то таковому по иноземскимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускають того мастерства дѣлать до смерти его.

И аще тако устроено будетъ у насъ въ Руси, то такожде, что у иноземцевъ, много будетъ вымышленниковъ: многіе бы острые люди и нарочно стали тшцатися, како бы что новое вымыслить, отъ чего ему поживитися.

А нынѣ у насъ за непорядочное гражданство гнѣтъ добра много. Истинно надлежитъ сему гражданской уставъ учинить, чтобы за вымысль новаго какого мастерства или промысла отнюдь инымъ не попускать, дондеже живъ тотъ вымышленникъ.

То, на таковой указъ зря, много охотниковъ будетъ; а нынѣ многіе не смѣють вымысловъ своихъ объявить; понеже вымышляя и дѣючи пробу, изубытчатся, и егда достигнетъ и лишше начнетъ дѣлать, а другіе увидя у него, да и почнутъ дѣлать тояжъ дѣла

и цѣну спустятъ ниже; и тако сами не найдуть, а у вымышленника кормъ отнимають.

И тако есмь я: * а и у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и весь мой вымыслы пропали ни за что. Вельми бо годствуеть о вымышленникахъ опредѣленія учинить гражданское, твердое; то многіе вымышленники явятся.

Такожде и о художественныхъ дѣлахъ гражданской уставъ надлежитъ учинить, и ежебы надъ всякими мастерства устроить надзирателей, а наипаче надъ иконописцами, и надъ всеми ими главнаго правителя приставить, и за всеми мастерами и надзирателями прилежно ему смотреть, и мѣсто ему дать, гдѣ тѣ дѣла ему управлять, дабы все мастера дѣла свои дѣлали самымъ тщательнымъ художествомъ безпорочно.

И во ученіи ихъ уставъ положить недвижимый: аще кто пойдетъ къ мастеру мастерства какого учиться, и аще и добръ научится, а безъ отпуску отъ мастера своего отойдетъ, то учинить ему наказаніе — отдать въ солдаты; а буде кто изъ офицеровъ или изъ иныхъ лицъ мочью своею и письмо отпускное у мастера возьметъ, а мастеръ шедъ къ командиру своему объявить, и то письмо по обличенію будетъ отставлено, а заступника по указу оштрафовать, каковъ о такихъ людѣхъ указъ состоитъ.

А буде кой ученикъ и совершенно мастерства надлежащаго какого научится, а безъ отпуску отойдетъ, ни кому его не принимать ни къ каковымъ дѣламъ, но отослать его въ солдатство.

И за таковымъ укрѣпленіемъ не доживъ до срока, и не взявъ у мастера отпускнаго письма отходить не будутъ, и мастерству уже учиться будутъ прилежны, а и мастера будутъ учить ихъ охотнѣе;

* У Ст. кто есмь я, а и пр.

и за таковымъ уставомъ и по неволѣ будутъ учиться добръ, и совершенно выучась и взявъ у мастера отпускъ высшему художественныхъ дѣлъ командиру покажетъ свое мастерство и отпускъ, то какъ ему той командиръ опредѣлитъ, щель ему доучиваться, или у иныхъ мастеровъ изъ найма работать, или уже и самому ему мочно быть мастеромъ, то такъ тому и быть.

И аще кой ученикъ уже совершенно научился и въ разумъ уже совершенномъ, и освидѣтельствовать командиру съ товарищи и съ мастерами, и аще мастерство его чисто и честно, и порока никакого не имуще, то дать ему указъ полной, чтобы ему и дѣлать было свободно, и домъ мастерской имѣть, и учениковъ учить.

И кои мастера будутъ именные, и домами мастерскими владѣть будутъ, то всѣмъ имъ, коемуждо имѣть у себя клеймо свое особенное, а и надзиратели такожде имѣли бы свои особенныя клеймы.

И егда кой мастеръ сдѣластъ своего мастерства какую вещь, то мастеръ положилъ бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будетъ въ свидѣтельствѣ предъ надзирателемъ, и буде оно добро, то бы на той вещи приклеймилъ и онъ своимъ надзирательскимъ клеймомъ.

И тѣ бы именные мастера за учениками своими, за напмниками, смотрели накрѣпко, чтобы на мастерство его похулки какой не навели; потому что тѣ дѣла будутъ за его клеймомъ, и аще какая вина въ той вещи, въ матеріи или въ мастерствѣ явится, то оштрафованъ будетъ тотъ мастеръ, чье клеймо на немъ будетъ.

А штрафъ брать кромѣ оружейныхъ дѣлъ десятирично въ десять цѣнъ проданныхъ вещи. А буде кой мастеръ оружейный сдѣластъ какую либо пищаль изъ ломкаго желѣза или изъ мягкаго, да худо проварить, и въ стрѣльбѣ ее разорветъ, то на томъ масте-

рѣ, чье клеймо, взять штрафу во сто цѣнъ тоя пицали, да ему же учинить наказаніе. А еще пицаль тверда и мастерствомъ добра, а къ стрѣльбѣ не цѣльна, то взять штрафъ десятиричной — за рубль десять рублей.

А еще кто сдѣлаетъ замокъ пицальной плохъ и неогнисть, или шпагу, или палашъ, или копіе, или какое ни есть ружье рукобитное безъ укладу, или железо положить ломкое, то взять на немъ штрафъ двадцатный — за гривну два рубля.

А за прочія всякія желѣзныя мастерства, кои дѣлаются въ домовое строеніе, буде что сдѣлано будетъ изъ ломкаго желѣза, то за тѣ дѣла брать штрафъ десятиричной — за гривну по рублю.

А буде лавочникъ купить на продажу не разсмотря пороку, и будетъ продавать за доброе, то онъ заплатитъ штрафъ надлежащій купческаго регула, каковъ положенъ будетъ за продажу худыхъ товаровъ.

И еще мастеровымъ людямъ безъ свидѣтельства и безъ гражданскаго управленія не повельно будетъ своевольно дѣлать, то всѣ художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иноземцы; иноземцы такіе же люди, что и мы, да они гражданскимъ уставомъ тверды и въ мастерствѣ добры, а егда и у насъ гражданской уставъ будетъ твердъ, то могутъ наши художники и превышати ихъ.

И тако годствуетъ учинить, чтобы безъ вѣдома художественныхъ правителей и пришлый никакой мастеръ Русской или иноземець никакого рукодѣлія не дѣлалъ бы; но егда его освидѣтельствуютъ командиры съ товарищи, и какъ ему опредѣлять, такъ и быть.

А буде кто иноземець прїѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ наученіе челоувѣкъ десятокъ-мѣста или и больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрѣпно.

И буде станеть учить съ прилежаніемъ, и буде выучить противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрѣпно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, чтобы на то воздаяніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали.

А буде кой иноземець, по древнему своему обыкновенію иноземческому, будетъ шмонить, о ученѣхъ учениковъ не радѣть, но чтобы деньги выманить за море увхаты,—и то его лукавство и правду мочно и въ полугодь узнать,—то съ чѣмъ онъ прїѣхалъ, съ тѣмъ и назадъ выслать его, нечестно, и чтобы онъ въ Руси у насъ не шатался, дабы на то зря впередъ для обману въ Русь къ намъ не прїѣзжали.

И кои ученики будутъ переимчивы, и мастерства какого совершенно научатся, еже противу заморскаго дѣлать, то учинить таковыхъ мастерами, и кормъ имъ учинить довольной, чтобъ могъ онъ обогатиться.

Въ Россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое; ибо Русскаго челоувѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хошуть, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію, но токмо учинять ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти конеекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не прокормить, а жену

и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходить, заневолю научать воровать, и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать.

И такимъ своимъ разсужденіемъ Великому Государю дѣлаютъ они великой убытокъ, а не прибытокъ; они мнятся тѣмъ учинить Великому Государю прибыль, что мастеровыхъ людей не кормятъ; а они тѣмъ великой убытокъ дѣлаютъ. А и во всякихъ делахъ правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублей пропадаютъ, то ни вочто поставляютъ, и неданіемъ полнаго кормленія у Русскихъ людей окоту и къ мастерству прилежаніе тѣмъ пресѣкаютъ, и размножитися доброму художеству не допускаютъ. А кои ученики не весьма научились, тѣхъ бы отдавать тому, кои всесовершенно научились, доучитися, дабы и тѣмъ навъкали добрымъ мастерствомъ дѣла свои дѣлать.

А наипаче всѣхъ художествъ научитися надобно иконописцамъ иконнаго мастерства, чтобы имъ всесовершенную мѣру знать всякаго возраста человеческого и чинъ надлежащій.

А надзирателямъ надъ ними надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ, и смотреть накрѣпко, чтобы не былъ въ нихъ ни одинъ человекъ жеумъющій: и кои иконописатели не весьма искусны, то работалибъ они на мастеровъ, что имъ повелятъ писать, тобы и писали, а егда навъкнутъ, тогда могутъ и они мастерами быть.

И мнится мнѣ, что надлежитъ и съ великимъ запрещеніемъ закрѣпить, чтобы несвидѣтельствованные иконники и неимѣющіе повелительнаго у себя указа, еже писать ему святыя иконы, отнюдь бы не писали.

Святое писаніе глаголетъ: яко проклятъ всякъ, творій дѣло Божіе съ небреженіемъ. А иконописное дѣ-

ло тому присутствію; понеже строятся онѣ ради Божія чести, и таѣ честь восходитъ на самого Бога.

А такъ небрежительно ихъ пишутъ, что иныя иконы страшно и видѣти: зные отъ незнанія своего пишутъ тако, что аще бы таковыя размѣреніемъ былъ кто живой человекъ, тобы онъ былъ страшнѣнцемъ.

Въ начертаніи образа Богоматери пишутъ: носъ долгой и весьма тонкой, и имену тонкую и долгую, у рукъ персты долги и весьма тонкіе, а концы у перстовъ острые, какихъ не видено ни у какого человека, и ни въ комъ человекъ не обрящени, чтобы было прямо противу сущаго человечества. И таковое начертаніе стало быть образу святому руганіе.

Обаче кто издревль и писалъ отъ незденія своего неразмѣры человеческіе, той не погрѣшилъ; и Богъ на немъ того не взыщетъ. И аще бо кой образъ написанъ по размѣру или не по размѣру, не тѣмъ онъ святъ, еже добръ написанъ или недобръ, но всякой образъ святится именемъ Господнимъ. Обаче намъ надлежитъ съ великимъ опасствомъ святія иконы писати, дабы въ семь не погрѣшити. И аще святаго коего либо образъ написанъ, то надлежитъ на немъ и Спасителевъ образъ написать, дабы отъ имени Иисусъ Христова той образъ святъ былъ.

И аще у насъ многіе люди знаютъ размѣреніе человеческое, обаче надлежитъ сдѣлать азбуку Русскую, и написать ее Русскимъ манеромъ, а не Нѣмецкимъ, чтобы она всякому человеку поемна была, и написать ее надлежитъ сицевымъ манеромъ: на первомъ листу написать человека въ совершенномъ возрастѣ, стояща прямо, и руки разпростерты пряможе; и длани и персты прямо ноги (?) суща, и отъ ниты положить линію до темени; другую линію, рещи, черту, положить по-

перегъ правыя руки отъ средняго перста до средняго же перста, и на тѣхъ чертахъ размѣръ положить вершками, или по мѣрѣ головы человѣческя, или какъ надлежитъ. И на прочихъ листахъ начать азбуку: на первомъ листу написать младенца новорожденнаго, на второмъ—однолѣтнаго, на третьемъ—двулѣтнаго, и тако погодно написать до двадцати лѣтъ, а отъ двадцати до тридцатаго года прибавлять по два года, а отъ тридцати до девяносты лѣтъ прибавлять по пяти лѣтъ, и всю тое азбуку написать нагими тѣлесы, а потомъ другую азбуку написать въ платьѣ стоящихъ и сѣдящихъ, и всякими разными видами, и состроая ее вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ, и напечатать ихъ тысячу-мѣста, и во всѣ города разослать, и повелѣть всѣмъ иконникамъ нисать противо тое азбуки, и сдѣлать ее во всю дестъ.

А деревенскимъ мужикамъ и безграмотнымъ съ великимъ запрещеніемъ надлежитъ запретить, дабы отъ нынѣшняго времени не токмо деревенскіе, но и градскіе не взявъ о себѣ повелительнаго письма, отнюдь бы не писали. И какъ у насъ въ Россіи въ деревняхъ такіе мастера есть, что въ алтынъ и въ грошъ и въ копейку икону продають, и такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ, да голова; а гдѣ надлежало голову, глаза, да уста написать, то тутъ однѣ точки наткнуты, да то и образъ сталъ. И сего ради паче иныхъ художествъ надлежитъ надъ ними твердое смотрѣніе учинить.

О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлать тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то есть, трипы, бумази, рубки, миды, камордки и норусинья полотна и прочія дѣла, и изъ Русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно,

еже кои матеріалы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили.

Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или второе дешевле ставиться стануть, а люди бы Россійскіе богателись.

И ради размноженія таковыхъ дѣлъ учинить бы указъ, чтобъ нищихъ, по улицамъ скатающихся, и молодыхъ и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказъ имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робять мужскаго полу и женска научить прять, а подрослыхъ — ткать, а иныхъ — бѣлить и лощить; тобы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя дома мастерскіе, науча тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ мочно ими много дѣлъ управить. Чѣмъ къ намъ возить полотна изъ нашихъ матеріаловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна.

И аще первые годы повидится оно и неприбыльно, и заморскихъ аще и дороже ставиться будетъ, и того страшитися не для чего, но поступать въ дѣла далѣе; и аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навькнуть дѣлать, то и о томъ сумнитися не надобно; потому что егда всѣхъ тѣхъ дѣлъ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупятся.

За моремъ хлѣбъ нашего дороже, а харчъ и наипаче дороже, а ленъ и пеньку отъ насъ покупають цѣною высокою, да страхъ морской платять, да двои пошлины и провозы многіе даютъ; обаче не лѣнятся, дѣлають изъ того льну и пеньки, аще и высокою цѣною тотъ ленъ и пеньку покупають, и пищу себѣ отъ того рукоденія приобрьтають, ибо сдѣлавъ полотна, паки къ намъ ихъ привозять и продають цѣною высокою; за триць берутъ по двадцати алтынъ и

больше за аршинъ, рубки продають алтынъ по со-
року и по полтора рубли, а камордку — по двадцати
алтынъ и по рублю аршинъ.

А у насъ въ Руси, я чаю, что рубокъ и въ двад-
цать алтынъ не станеть, и камордка аршинъ, чаю,
что выше десяти алтынъ не станеть, и всякія дѣла,
кои дѣлаются изо льну и изъ пеньки, ниже половой
цѣны ставиться будутъ; потому что хлѣбъ и харчъ у
насъ тамешняго гораздо дешевле, а ленъ и пенька го-
раздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить
мочно.

И егда тыи дѣла у насъ въ Руси уставятся, то
чѣмъ имъ ленъ да пеньку продавать, лучше намъ про-
давать имъ готовые полотна парусныя и канаты и
камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ
полотна ефимки и иныя потребныя намъ вещи.

Я чаю, что мочно намъ на всю Европу поло-
тень наготовить, и предъ ихъ нынѣшнюю цѣною го-
раздо уступяще продавать имъ мочно; и чѣмъ имъ отъ
нашихъ матеріаловъ богатиться, то лучше намъ Рос-
сіяномъ отъ своихъ вещей питаться и богатиться.

Токмо трудно намъ тѣ заводы завести, да устано-
вити тѣ дѣла; а егда Русскіе научатся, и дѣла сіе ус-
тавовятся, то нельзя не вполнѣ имъ ставиться.

И ради царственнаго обогащенія надлежитъ на та-
кія дѣла въ началѣ соорудить дома изъ Царскія каз-
ны на пространныхъ мѣстѣхъ въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ
хлѣбъ и харчъ дешевле, въ Заюцкихъ мѣстѣхъ, или гдѣ
что пристойно дѣлать, и наложить на нихъ оброкъ,
чтобы люди богатились, а Царская казна множилась.
Такожде и въ прочихъ мастерствахъ, которыя цар-
ству полезны, а мастера маломочны, и собою имъ
великихъ заводовъ завести нечѣмъ, то и таковыиъ
надлежитъ на созиданіе мастерскихъ домовъ давать.

деньги изъ ратуши, или откуда Его Императорское Величество повелитъ, дабы всякія дѣла разширились; и не токмо на строеніе, но и на всякіе къ тѣмъ дѣламъ на надлежащіе инструменты и на всякіе припасы, чтобы въ удобное время всякихъ припасовъ припасали безъ оскуденія. И земскимъ бургомистрамъ за ними присматривать, чтобы напрасныя траты деньгамъ не чинили и не бражничалибъ, но употребляли бы въ сущее дѣло, и тѣ даинныя деньги и прибыльныя по изложенію или по разсмотрѣнію исправленія ихъ погоднобъ брать. Такжеже надлежитъ достать и такихъ мастеровъ, кои могутъ дѣлать волоченное желѣзо мельницами, и жечь и кровельныя доски желѣзныя; и аще и съ трудомъ, а вельми ихъ надобно добыти, и отослать ихъ на Сибирскіе заводы, и чтобъ тому мастерству и нашихъ Русскихъ людей научили.

Такжеже надлежитъ добыть мастеровъ, кои умѣютъ гладкіе и травчатые трипы дѣлать, такжеже и бумазейныхъ мастеровъ, и завести бы и такіе дворы, и учениковъ имъ дать, чтобы къ тому мастерству научить человекъ десятковъ-другой.

А буде кто изъ своей охоты заведетъ какія дѣла, царству потребныя изъ своего иждивенія, и тѣмъ людямъ также указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робять мужеска пола и женска имать и учить, и науча, владѣти ими вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти имъ тутъ вѣчно.

И сицевымъ порядкомъ нищие, бродяги и тунеядцы, всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся, и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатиться и славою разширяться.

Да хорошо бы добыть и красочныхъ мастеровъ,

кои умѣютъ дѣлать крутикъ и лавру, и киноваръ и голубецъ, и баканъ Венецейской и простой, и ярь Венецейскую и простую, и шишгиль и прочія краски, иже дѣлаются отъ составленія матеріи изъ потошу, изъ малчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры, изъ мѣлу и изъ прочихъ и изъ иныхъ вещей, въ Руси обрѣтающихся.

А кои краски натуральныя, и тѣхъ надлежитъ съ великимъ прилежаніемъ искать Русскимъ охотникамъ и иноземцамъ, кои въ тамошнихъ своихъ краяхъ видали, въ каковыхъ мѣстахъ какія краски и потребныя матеріи, кои пригодны къ лекарственнымъ дѣламъ и къ красочнымъ и ко инымъ вещамъ, и обшчатъ имъ плату хорошую за всякое обрѣтеніе.

И надлежитъ Его Императорскому Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои Ему Величеству Государю радѣтельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей, кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ, а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтять не возможно, — отъ Кольскаго острова если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изѣхать, — а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося.

Я и не большое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и незнаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна камению янтарию, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую Гумъ сфальтумъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и

нефти сыскалъ я многое число; вохры и червени, хотя и по тысячь тутъ можно добывати; и пументъ есть же у меня въ пріискъ; и я не знаю, чего бы у насъ въ Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается, не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить.

Я, истинно, отъ всего усердія своего радѣлъ, да нечего мнѣ стало дѣлать: за сѣрной пріискъ, истинно не лгу, обѣщаль Князь Борисъ Алексѣевичъ такое великое учинить награжденіе: ни дѣтямъ де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ; а сошлось мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублей.

А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлалъ прибыль многотысячную, и въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее за собою, тобы я рублей тысячу и другую ухватилъ. Вѣдаю я, что далъ бы мнѣ Князь Борисъ Алексѣевичъ по десяти рублей за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить: и если бы годы два-три поудержалъ ее за собою, то бы я великіе пожитки отъ нея нажилъ. И я оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то, что фунтами, но гдѣ золотниковъ и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дѣло. А егда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и Князь Борису Алексѣевичу отдалъ, и иноземцы пріѣхавъ къ нему, взяли по куску, и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы видя, что удержаніемъ сѣры военнаго дѣла не остановить, повезли по прежнему къ намъ. И за помощію Божіею аще я за такое дѣло великое и ни чѣмъ и не взыскавъ, обаче, слава Богу, что военное дѣло управилось.

ГЛАВА VI.

О РАЗБОЙНИКАХЪ.

О истребленіи разбойниковъ много взысканія чинится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали: якоже Артемій Огибаловъ, Евсигней Нееловъ, и прочіе подобныя тѣмъ. Обаче тѣмъ ничтоже успѣша; но всегда ихъ множество, и кромѣ Поморскихъ и Зоонежскихъ странъ во всѣхъ странахъ многіе разбои чинятъ, многія деревни и села великія разбиваютъ, и людей до смерти запытываютъ; и никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ, аще нынѣшняго судейскаго правленія не измѣнятъ, и отъ чего они родятся, если не пресѣчь.

Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси, а все отъ того, что тамъ потачки имъ ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ; когда кого поймаютъ, тогда ему и указъ учинятъ; и того ради тамъ не смѣютъ и воровать много.

А у насъ, поймавъ вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстаться: посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ

лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣннѣ много ихъ уходить, а ушедъ, уже пуще стараго воровать стануть; и такого ради порядка надежно уже и воруютъ.

И сыщикамъ, колико бы ихъ ни было, не истребить ихъ, аще не измѣнить о нихъ регула. Мое же мнѣніе объ истребленіи всеконечномъ воровъ и разбойниковъ лежить сице: буде Великій нашъ Государь повелить во всю свою державу послать указы написавъ сицевымъ подобіемъ.

Ежебы во всѣхъ городѣхъ и во всѣхъ слободахъ дворянскихъ, и у приказныхъ людей, и въ солдатскихъ, и посадскихъ, и въ ямскихъ, и въ иноземскихъ слободахъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ, великихъ и малыхъ, Государевыхъ, и архіерейскихъ, и мнѣнскихъ, и помѣщичьихъ, и прочихъ, всякаго званія людей, яко у самѣхъ ихъ, тако и у людей ихъ и у крестьянъ, учинить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и чтобы тыи десятскіе за своими десятками смотрѣли накрѣпко, чтобы никто и изъ высокихъ персонъ безъ вѣдома своихъ сошскихъ или пятидесятскихъ никуда не отъѣзжали, и куда кому случится ѣхать, чтобы у сотскихъ или у пятидесятскихъ своихъ брали за ихъ печатями отпускмыя письма, и въ тѣхъ письмахъ описывали именно, куды кто поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и на какое время поѣхалъ, и людей съ собою колико взялъ и кого имени.

Такожде и у бояръ во всѣхъ домѣхъ учинить сотскихъ, десятскихъ же и пятидесятскихъ и сотскихъ, надъ людьми изъ людей боярскихъ, а надъ господами изъ господъ же. И не то, что десятскіе, но и сами бы господа и люди между собою другъ за другомъ смотрѣли бы накрѣпко, чтобы отнюдь безъ вѣдома своихъ пятидесятскихъ никуда никто не ѣздили, и ночью порою изъ домовъ своихъ не сходили бы. И аще и съ вѣдо-

ма куда пойдутъ, или съ отпускомъ куда поѣдутъ, то тыи сотскіе и пятидесятекіе и десятскіе и рядовые крѣпко бы за ними смотрили, туды ли они поѣхали, куды просились; а буде поѣхали не туды, то надлежить ихъ вернуть назадъ и отослать къ суду; потому что аще кто явится на какомъ воровствѣ или на разбоѣ, и какая казнь будетъ вору, такая жъ казнь будетъ и сосѣдямъ, кои вѣдали, да молчали. А буде изъ большаго дому изъ боярскаго кто своруетъ что, то того дому всѣмъ дворовымъ, кои вѣдали да молчали, такая жъ казнь, и кои и не вѣдали, а того жъ дому, и тѣхъ кнутомъ бить, колико указано будетъ.

А буде кой сотской или пятидесятской, увѣдавъ за кѣмъ воровство, да умолчить, то горше вора приметъ муку и казнь лютейшую; а буде десятчики, какого званія ни буди, сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ будутъ непослушны, и на таковыхъ подавать имъ вышнимъ судьямъ извѣстіе, что чинятся имъ сильны: ходятъ и ѣздятъ по прежнему самовольно безъ ихъ вѣдома и судьямъ по таковыхъ ослушниковъ посылать солдатъ и приведа допрашивать накрѣпко, чево ради они сильны чинятся. И буде по свидѣтельству ослушаніе ихъ явится и не ради какого воровства, обаче за ослушаніе Государева указа, чинить имъ наказаніе, какъ о томъ уложено будетъ, чтобъ впредъ такъ не дѣлали; а буде въ другой рядъ такожде учинятся ослушны, то уже разыскивать и въ застѣнкѣ. Изъ розыску аще явится, что они учинили не ради какого воровства, но отъ застарѣлаго своего своевольства или отъ гордости своей, ничтожа тѣхъ своихъ смотрителей, и за ту вину противу прежняго наказанія чинить сугубо, и для явнаго ихъ свидѣтельства по персту отсѣчь на рукѣ, или вмѣсто отсѣченія перстнаго наложить на рукѣ знакъ, чтобы значилъ сугубую ихъ вину. А буде кто явится въ таковой же

винъ въ третіе, то уже по трегубомъ наказаніи казнить его рукосъченіемъ или и ващше, какъ о томъ уложено будетъ.

А будеже ослушаніе чье явится ради какого воровства, то въ первой винъ казнить его смертию, или какое жесточайшее наказаніе чинить, съ запятнаніемъ на лицъ и на рукахъ, дабы на то смотря всъ впредь были Великаго Государя указу страшны.

А буде сотскаго или пятидесятскаго или и десятскаго своего чъмъ обругаетъ рукодерзіемъ или и словеснымъ руганіемъ непристойнымъ, то въ десять мѣръ безчестіе имъ да заплатятъ, увѣче же въ двадцать мѣръ.

И таковыя указы съ нарочными посъльщики разослать во всъ городы, указовъ ста по два-три или больше или меньше, смотря по количеству сель и деревень, чтобы всякому сотскому и пятидесятскому указъ былъ данъ печатный, и чтобы тѣ посъльные люди въ городѣхъ воеводамъ, или кому надлежитъ отдать (отдали?) тѣ указы именно съ росписками.

А городовымъ правителямъ тѣ присланные указы разослать немедленно во весь того города уѣздъ, чтобы тѣ посъльные люди всъ села и деревни объѣхали подлинно, и пріѣхавъ въ село или деревню, изчислибы мужескъ полъ по головамъ, и изо всякаго бы десятка мужеска пола выбралибъ по десятскому, а изъ пяти десятковъ — по пятидесятскому, а изъ десяти десятковъ — по сотскому, и выбирали бы тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ не по дворовому числу, но по исчисленію головъ мужескаго пола. Аще и въ одномъ дворѣ будетъ мужеска пола десять человекъ, то выбирать изъ нихъ одного десятскаго; а буде въ коемъ дворѣ будетъ мужеска полу двадцать человекъ, то выбирать въ томъ дворѣ десятскихъ два человека; а въ коемъ дворѣ останется за десятниковъ человекъ

или два или больше, то причислять ихъ къ другимъ десяткамъ, и набравъ десятскихъ, выбрать изъ нихъ, кои по просужбе, двухъ человекъ въ пятидесятскіе, а одного изъ нихъ же записать въ сотскіе. И выбравъ тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и записавъ ихъ имена въ книгу, наказать имъ накрепко, чтобы по тѣмъ Великаго Государя указомъ чинили неизмѣнно и неоплошно, не опасаясь никого; и тотъ Великаго Государя указъ созвавъ всю сотню и всѣмъ имъ прочесть въ слухъ дважды или трижды; дабы всѣмъ онъ былъ вѣдомъ и памятенъ, и никто бы невѣденіемъ не отгымался, и при всѣхъ людѣхъ тѣ печатные указы отдать сотскому, а пятидесятскіе пятидесятскимъ обѣимъ по указу.

И отдавъ указы у старость тѣхъ жителей взять сказки съ великимъ подкрѣпленіемъ, что нѣтъ ли въ ихъ старощенъ какихъ воровъ или разбойниковъ или коневодовъ или татей или бѣглыхъ какихъ людей. А буде и небѣглые, да пришлецы зарубежскіе или вольные какіе люди, а нестаринные тутошніе жители, и аще изъ давнихъ лѣтъ живутъ, то всѣхъ бы тѣхъ объявляли и ни единого бы не таили; потому за ложную сказку великое и жестокое наказаніе со штрафомъ учинено будутъ; такожде и во иныхъ старощеніяхъ, не вѣдаютъ ли таковыхъ людей, или не держитъ ли кто у себя на дворѣ разбойнича стана—о всемъ бы именно объявили безъ утайки. А буде кто вѣдая о разбойникахъ, да утантъ, тому будетъ смертная казнь.

И того ради сказывали бы не опасаясь ихъ воровъ или помѣщиковъ ихъ. А буде кто кого прикроетъ, и послѣди увѣдомится чрезъ выборныхъ, сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, что они вѣдали про ихъ воровство, а не сказали, то тѣ сами постраждутъ, и казнь имъ будетъ такая же, какова ворами. А буде

сотскіе съ товарищи своими тѣхъ прежнихъ воровъ вѣдая не объявятъ, и объявить кто посторонній чело-вѣкъ, и нововыборнымъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ, тожь будетъ, что и старостамъ за утайку.

И о семъ съ великимъ притуженіемъ спрашивать ихъ, чтобы паче огня боялись таковыхъ прикрывать, како-выхъ указъ требуетъ. Буде и за помѣщикомъ своимъ и за прикащикомъ вѣдаютъ какое воровство, или кто пото-енно у себя держитъ пришлыхъ какихъ людей, то и о таковыхъ отнюдь бы не тайли и ихъ бы не опасались; потому что имъ уже конецъ будетъ, а свободы по прежнему уже не будетъ имъ, но что пональ, то и прональ. И буде кто и потаитъ, и тому конецъ невозвратной же будетъ. И аще и свой братъ скажетъ про сосѣда своего, что онъ вѣдалъ, а не сказалъ, то тому, кто скажетъ, будетъ пожалованъ, а кто потаитъ, тому неотложная смерть. А буде кой староста или изъ рядовыхъ крестьянъ скажетъ про себя, что былъ съ помѣщикомъ своимъ или съ прикащикомъ на разбоѣ или на иномъ како-мъ воровствѣ, то онъ въ винѣ той прощенъ будетъ; токмо на лице его пятно положить, чтобы онъ впредъ былъ знатенъ, а помѣщика или прикащика казнить смертію.

А буде на кого въ дву или въ трехъ деревняхъ ска-жутъ согласно, что разбои онъ держалъ, и выѣхавъ изъ тѣхъ деревень прѣхавъ въ инья деревни, такожде сперва спроситъ у старосты, нѣтъ ли какихъ при-чинныхъ людей? и окончивъ его допросъ о его вѣдом-ствѣ такожде спроситъ: не вѣдаетъ ли кого и во иныхъ старощеньяхъ; и буде скажетъ про кого или и не про кого не скажетъ, обаче спроситъ про того именно, котораго прежде его облиховали, и хотя чуть при-значитъ, что слухъ есть про такого чело-вѣка, а под-линно не знаетъ, и то такъ и записать.

И прїѣхавъ въ городъ тѣ сказки объявить воеводѣ, и воеводамъ по обличованныхъ людей посылать посылка большая, и прїѣхавъ посыльщику у обличованныхъ людей въ домъ ихъ обыскать накрепко: нѣтъ ли какого излишняго ружья или платья, кое имъ неприлично, такожде, и иной всякой борошень пересмотрить, и нѣтъ ли какого потаеннаго мѣста, и нѣтъ ли тамъ какой потаенной похоронки. И буде у кого сыщется какое неприличное, то и безъ розыску будетъ онъ явенъ, что онъ таковской. Обаче въ канцелярію приведь распросить его съ великимъ истязаніемъ. И буде не запрется, то по винъ смотря и рѣшеніе учинить немедленно.

А буде станеть запираеться, то пытать его жестоко, и спрашивать про товарищей его, и воруя, гдѣ онъ приставаля, и гдѣ станъ имѣли, и кто про воровство его въдаеть, сказалъ бы именно? Такожде и о иныхъ артеляхъ спрашивать. И буде въдаеть, то сказали бы, гдѣ ихъ сыскать. И распрося, хотя кои во убійствѣ себя не оговорить, и разбойныя вины на себя не скажетъ, а окольные сосѣды съ подкрѣпленіемъ скажутъ, что онъ виненъ, то казнить ихъ по изложенію, чего будутъ достойны. А буде кто и самый въдомый и знатный разбойникъ, видя такой жестокой и твердый указъ, своею волею явить себя и принесеть повинную, то аще и челоуѣкоубійца былъ и разбойничьи станы у себя держалъ, или и атаманомъ былъ, а обѣщается впредь того не дѣлать, и товарищей своихъ всѣхъ скажетъ и укажетъ, то такого челоуѣка не пытать, и отъ наказанія учинить свободна, а товарищей его всѣхъ казнить по изложенію; а у него только на щекъ или на рукъ положить знаки, чтобы всякъ могъ его знать, еже былъ самый явный воръ и покался, и пустить его свободна. А буде станеть онъ впредь Ве-

ликому Государю радѣть и воровъ провѣдывать, и его радѣніемъ аще будутъ сысканы какіе разбойники и иныхъ артелей, то надлежитъ ему дать и жалованье.

А буде же тотъ воръ по показаніи своемъ да паки на тотъ же свой воровской промыслъ обратится, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесованная или ребро повѣшаніемъ.

И приказать всемъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ и сосѣдямъ, чтобы всѣ смотрѣли, аще къ кому пріѣдутъ ночевать или и обѣдать, а возовъ съ ними торговыхъ нѣтъ, то сошедшися, спрашивать бы у нихъ, кто они таковыя, и откуда, и куды ихъ путь? И буде скажутъ, откуда ихъ путь и куды, то спросить у нихъ отпуску отъ ихъ сотскихъ и пятидесятскихъ; и буде отпускъ безспорно покажутъ, и съ словами ихъ отпускъ будетъ сходенъ, то по та и дѣло ихъ; а буде отпускъ съ словами ихъ будетъ не сходенъ, или признаютъ что онъ не правой, а наипаче аще стануть въ словахъ мяться или будутъ гордо говорить, то взявъ ихъ и связавъ отвозили къ суду; а буде не стануть даваться, то и за боемъ ихъ имать, и аще на той поимкѣ и до смерти кого убьютъ, и за то поимщикамъ никаковы бѣды не будетъ.

А буде гораздо ихъ людно, и назначится, что они люди причинные, то повѣстить окольнымъ деревнямъ, чтобы пришли и помогли ихъ перехватать. А буде коя деревня по повѣсткѣ на поимку не поидеть, и старосту того или сотскаго, кой на поимку не пошелъ, казнить по указу, а рядовыхъ всѣхъ бить кнутомъ. А буде староста и сотской и десятскіе наряжали, и рядовые не послушали ихъ, и на поимку не пошли, то староста съ товарищи свободны, а рядовыхъ за послушаніе ихъ всѣхъ казнить неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. А буде кои люди и добрые, и отпускъ у

нихъ есть правой за печатью сотскаго или пятидесятскаго, а ради своей гордости отпуску своего не покажутъ, и сошедшимся крестьяномъ будутъ противиться, и таковыхъ людей имать къ суду, и передъ судьейю буде во упорствѣ своемъ повинятся, и скажутъ, что ничтожа крестьянъ, отпуску своего не явили, и за то скинувъ рубаху, выстѣчь ихъ батоги, да на нихъ же доправить штрафу, почему уложено будетъ.

И ради таковыхъ упорныхъ людей указъ сказать сотскимъ, чтобы и окольныхъ мѣсть сотскіе поведѣльно присылали изъ своихъ сотенъ челоуѣка по три или по четыре въ тѣ деревни, кои стоятъ на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; и ради озарниковъ и въ малыхъ деревняхъ, кои на большихъ дорогахъ, держатъ изъ разныхъ сотенъ челоуѣкъ по десятку, а въ большихъ челоуѣкъ и по двадцати или больше, смотря по проѣзду, чтобъ свидѣтелями были на сильныхъ азарниковъ и на упорныхъ людей, а на разбойниковъ ради поимки.

• И противъ вышеявленнаго предложенія аще тако состоится, то, я чаю, разбой однимъ годомъ потухнуть, а другимъ, чаю, что и слуху про нихъ не будетъ. Токмо надобно судьямъ положеніе то хранить, чтобъ ничего изъ него не изронить. А аще не нарушится тотъ указъ, то чаю, что во вѣки разбоевъ у насъ въ Руси не будетъ.

Воровъ и разбойниковъ и нынѣ не вельми бы много было, аще бы имъ отъ судей потачки не было: тѣ бо егда увѣдаютъ, что пойманъ воръ или разбойникъ, то и спросятъ, чей онъ крестьянинъ? и егда услышатъ, что онъ сильнаго лица или не-сильнаго, да ябетоватаго или свойственнаго себѣ, или хлѣбосольца, то, догожая помѣщикамъ тѣмъ, отпускаютъ и безо мзды на волю; и тѣ крестьяне или

дворовые люди, надбючись на тѣхъ своихъ помѣщиковъ, смѣло воруютъ.

А у коихъ разбойниковъ денегъ довольно, то тѣ деньгами откупаются. Въ прошломъ 719 году былъ я въ приказъ провинціального суда: при сидѣньѣ Ивана Мякинина приведенъ былъ нѣкто дворянинъ Скрыплевъ, и собою онъ человекъ, а на шеѣ у него цѣпь, а на ногахъ желѣза, и я видя его спросилъ: въ какомъ дѣлѣ сидитъ? И сказали про него: дѣло де до него великое, и живу де ему не чаемъ быть. Ажно и ничего ему не доспѣлось, молитва денежная помогла ему. Господинъ судья сдѣлалъ его права и здрава. И вду-чи я къ себѣ на заводъ на Держковъ волоку спросилъ про того Скрыплева; и тамошніе жители сказали про него, что великой де азарникъ и губитель: человекъ де пять-шесть пошло отъ его рукъ; однако судьи милостивые помиловали его.

И сицевыя ради причины мнѣ такъ, еже бы паче воровъ и разбойниковъ дать страхъ судьямъ и подьячимъ; егда бо и подьячіе не стануть ворами потакать и беречь ихъ не будутъ, то и судбѣ трудно будетъ судѣть безъ подьяческаго письма, достойнаго смерти на волю свободить. Мнѣ мнѣтся: лучше ради всеконечнаго разбойнича истребленія древніе указы многоплодные всѣ отставить, и учинить указъ новый, краткостной. Прошлаго 719 году въ Юстицъ Коллегіи указъ о истребленіи разбойниковъ аще и съ новою поправою сочиненъ, и печатные листы напечатаны съ великимъ подкрѣпленіемъ, и по городамъ разо-сланы, обаче нѣсть въ немъ ни малыя пользы: ибо по старому вездѣ разбой чинятся, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, и крестьянъ жгутъ; понеже въ томъ указѣ всѣ древніе указы собраны, и не весь онъ новый сочиненъ. А въ древнихъ указахъ уставлено

было, что поймавъ разбойника, пытать трижды, и на очныхъ ставкахъ съ товарищи паки пытать. И бываетъ инымъ ворама застѣнковъ по десяти и по двадцати; и въ таковыхъ многихъ пыткахъ держали ихъ многіе годы; и сидя въ тюрьмѣ, токмо пакости однѣ отъ нихъ чинятся.

А аще бы поймавъ вора и разбойника, привесть въ приказъ, распросить его дробненько и умненько, то онъ и въ распросѣ означится, прямой ли онъ воръ или не прямой. И аще будетъ мяться и чистой правды не скажетъ, то мочно и страхъ ему задать, чтобы онъ допросъ свой очистилъ прямо; и егда повинится, то неторопясь надлежитъ его спросить: давно ли онъ воруетъ, и гдѣ воровалъ, и гдѣ приставалъ, и куды краденой животь дѣвалъ, или на сбережъ къ кому положилъ, и до воровства чѣмъ кормился, и чего ради настоящій свой промыслъ покинулъ, и помѣщикъ его или прикащикъ или сосѣды вѣдалили про то его воровство, и староста и сотскіе съ товарищами своими вѣдалили? Кто изъ нихъ и буде въ дробныхъ допросѣхъ будетъ запирается, а прямо очищать не будетъ, то аще и поздно, а до завтра отнюдь бы не откладывать, и тогожь часу и пытать его, чтобы онъ ни съ кѣмъ съ прежними ворами не видался. И аще старыхъ сидѣльцовъ въ тюрьмѣ и не будетъ, единаче пытки до утра не отлагать, чтобы онъ не надумался. И аще изъ пытки ясно не скажетъ, то на иное утро паки пытать и огнемъ жечь. И буде и съ огня ясно про воровство свое не скажетъ, а доводъ на него будетъ явной, то не отлагая вдаль, отдалить вершить его, какъ о томъ изложеніе будетъ повелѣвати.

А буде кой воръ въ первомъ распросѣ безъ пытки повинится во всемъ своемъ воровствѣ ясно, и о всемъ своемъ бытіи противъ вышеписаннаго скажетъ, то,

мнѣ мнится, такового не для чего и пытатъ, но готовить его къ рѣшенію. А буде помѣщикъ его или прикащикъ про воровство его, или и иной какой командиръ, вѣдалъ, то по розыску чинить имъ тоже, что и вору, или еще жесточайшую казнь, дабы на то смотря иные наказались, и никто бы впредь, воровъ, вѣдая, не прикрывалъ; такожь и сосѣды его буде вѣдали за нимъ такое воровство, а не объявляли, то и имъ чинить указъ по изложенію. А буде у кого въ дому воры приставали, и изъ его дому ѣздили разбивать, и съ нимъ дѣлились, то тотъ становщикъ съ ними жъ да осужденъ будетъ безъ всякаго отлагательства, казненъ по указу, а домъ его весь до снованія разорить, и нѣсколько лѣтъ тому мѣсту лежать пусто, дабы всѣмъ людемъ было явно и памятно, что въ томъ дому былъ ворами станъ, и по такой признакъ и малые ребята будутъ памятовать.

Аще кой воръ съ розыску или безъ розыска скажетъ про своихъ товарищей, кои съ нимъ воровали, и дома ихъ объявить, то аще въ близости дома ихъ, послать по нихъ не медля, дондеже *» тотъ воръ не свершенъ, а буде верстахъ во стѣ или далѣе, то ево вершить, а по нихъ послать послѣ, дабы въ дальнихъ откладахъ дѣло не медлилось.

Слухъ есть про иноземцевъ, что они воровъ долго не держатъ, что лише сыщутъ вину ево, то тотъ часъ и казнятъ, и не токмо за разбой великой и душегубной, но и за кражу вѣшаютъ, и того ради и воровать не смѣютъ.

А у насъ древніе указы на воровъ вельми учинены милостиво ворами, а кого ограбятъ, тѣмъ уже весьма

* Слѣдующее между — добавлено изъ списка Стр.; въ моемъ пропускѣ.

не милостиво: не точію за малую кражу повѣснть, но и за тысячу рублевъ не повѣсать, и того ради и поимки не весьма боятся.

А если бы и у насъ въ Русіи воровъ и разбойниковъ вскорѣ вершили, и по пноземски и за старыя вины смерти предавали безъ спуска и безъ отлагательства, то весьма бы страшно было воровать.

Нынѣ такъ дьяволъ ихъ умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорять, и допытывался денегъ многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышать и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ, и ворами даютъ волю.

И ради охраненія отъ такового гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ оковыхъ селъ и деревень, и дворяне изъ своихъ усадебъ, аще услышатъ шумъ или повѣстку, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдей бить кнутомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ по болѣе, да на нихъ же всѣхъ доправить того грабленнаго крестьянина убытокъ, колико тѣ воры взяли, сугубо, и отдать грабленному. И сіе новое о всеконечномъ * воровъ и разбойниковъ и бѣглыхъ людей изложеніе трудно токмо сперва будетъ, что безъ письменнаго отпуску изъ дому своего дальѣ десяти верстѣ отнюдь не ѣздить, и въ ночи и въ другую деревню, хотя въ верстѣ, не исходить, а въ городѣхъ ночьюю и въ другую слободу отнюдь не исходитъ. И аще сіе установленіе годъ мѣста и помнется, а егда обикнуть, тогда и легко бу-

* Существительное пропущено въ обоихъ спискахъ.

деть. А письменными отпусками весьма разбой останавливаются; потому что разбойники не изъ воды выходятъ, но изъ тѣхъ же селъ и деревень, и сосѣду про сосѣда никими дѣлы не вѣдать не мочно, чѣмъ кто промышляетъ и куды кто ѣздитъ.

А и скопляются они не на воздухѣ, но въ тѣхъ же деревняхъ, и ни коими дѣлы не возможно имъ отъ сосѣдей своихъ весьма утаиться; того ради и сосѣдамъ тая жъ казнь чинить что и вору, понеже они всѣ вѣдаютъ, кто воруетъ или кто торгуетъ, а не извѣщаютъ.

Аще бы сосѣды видя за сосѣдомъ своимъ худой промыслъ не молчали, то никакъ бы деревенскимъ мужикамъ на разбой ходить, а и дворяномъ трудно у крестьянъ своихъ утаиться; и за сицевымъ уставомъ никими дѣлы разбойникамъ будетъ плодиться нельзя. И егда лѣтъ десятокъ мѣста въ таковой крѣпости побудутъ, то уже и безъ писемъ ходить и ѣздить будетъ мочно; только бы судьи въ дѣлахъ своихъ были бы крѣпки, и Его Императорскаго Величества новаго изложенія не нарушили; понеже всякое дѣло крѣпко постоянствомъ. Намъ нечего дивиться иноземцамъ, что у нихъ воровства мало; себо у насъ въ Россіи и самыя безхлѣбныя мѣста и Поморскія и Заонежье, и у тамошнихъ жителей ни разбоевъ, ни татей нѣтъ: буде кто въ лѣсъ пойдетъ, буде станеть ему тепло, то онъ шубу или кафтанъ верхній снявъ съ себя повѣситъ на дерево, и назадъ идучи и возьметъ; паки лошадей молодыхъ спустятъ въ лѣсъ весною, а сыскиваютъ уже послѣ Покрова по заморозью. Чегожь ради такъ тамъ дѣется? явъ есть всемъ, что потаенія ворами нѣтъ. Буде кто въ воровствѣ явится, то вмѣсто тюрьмы посадятъ его въ воду; и того ради и крѣпко у нихъ, и никто чужаго ина лѣсу лежащаго взять не смѣетъ.

* Сотскимъ и пятидесятскимъ надлежитъ отпуски давать сице: аще кому ѣхать на иной городъ на долгое время, то давать имъ отпуски на цѣлыхъ листахъ или на полулистѣ, и въ тѣхъ отпускахъ писать именно, куда онъ поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и къ тѣмъ отпускамъ, буде сотскій отпускъ далъ одинъ, то и печать ево бы была; а буде пятидесятской отпустить, то и печать бы была пятидесятскаго; а буде оба вмѣстѣ отпустили, то и печати бы обонхъ были, которыя будутъ присланы имъ отъ воеводы; и прикладывать тѣ печати вмѣсто руки у всякаго отпуска при концѣ письма вмѣсто закрѣпы.

Всякому сотскому сдѣлать книга записная, и пятидесятскому такожде своюжъ, и тѣ отпуски записывать имъ въ тѣ книги именно, куда онъ отпущенъ. И егда съ тѣмъ отпускомъ прибудеть въ уреченное мѣсто, то тогожъ числа явиться ему тутошнему сотскому или пятидесятскому, и чтобы сотской прїѣздъ его записалъ въ книгу, и на отпускъ подписалъ коего числа объявился. **

А егда тотъ проѣзжій человекъ дѣло свое управитъ, то на томъ же его отпускъ подписать тутошнему сотскому именно, колико дней или недѣль прожилъ, а оттуда, куда онъ поѣхалъ, и къ тое подпискѣ приложилъ бы свою печать, а сколько времени онъ тутъ былъ именно, записалъ бы бытїе его у себя въ книгу. И куды онъ съ тѣмъ паспортомъ ни прїѣдетъ, и колико дней гдѣ пребудеть, всѣмъ тѣ сотскіе и пятидесятскіе бытїе его подписывали, хотя гдѣ и одинъ день пребудеть, всебы по вышеписанному чинили, а безъ записки отнюдь бы не отпускали.

* У Стр. слѣдующее подъ заглавіемъ: о отпускныхъ писмахъ.

** У Стр. одинъ левися.

А которые люди поѣдутъ или пойдутъ на малое время только побывать за чѣмъ въ другую волость, то, отпуски писать на четвертинкѣ листа или на осьмушкѣ, и написавъ такожде конецъ письма печать прикладывать, а тѣ малые отпуски, кто поидеть или поѣдетъ дня на три или начетыре, записывать въ записную книгу недля чего.

А буде кто поѣдетъ на недѣлю или на двѣ, то такихъ отпусковъ нельзя въ книгу не записать; потому что въ долгое время не явился бы въ какой причинѣ. А буде гдѣ кто явится безъ такого отпуску, то тѣхъ людей ловить и отсылать къ суду.

Тakoжде аще кто и отпускъ явить, да печать не того сотскаго, откуда онъ отпущенъ, или иная какая посторонняя печать, то такожде и тѣхъ имать и къ суду отсылать. А прѣхавъ домой, тѣ паспорта отдавать сотскимъ назадъ, а дома ихъ не держать. И аще сперва повидится сіе дѣло и трудновато, а егда обикнеть, то и тягости никакой не будетъ.

И за такимъ укрѣпленіемъ, я невѣмъ, какъ бы разбойникамъ собиратися, и станы имѣть по деревнямъ, и на разбои по прежнему ѣздить? И аще и въ лѣсу соберутся, да въ деревнѣ нигдѣ явиться имъ безъ таковыхъ отпускныхъ писемъ не можно.

А бѣглымъ солдатомъ и крестьяномъ вельми будетъ трудно проходить и одною головою, а съ женами и съ дѣтьми и съ мѣста своего тронутися будетъ никакъ: всѣ пути имъ будутъ заперты.

Токмо надлежитъ указъ жестокой сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ предложить, чтобъ они ни рядовые крестьяне, ни по коему образу никакого челоуѣка, ни бѣльца, ни чернца, ни нищаго, безъ такоуго отпуску на дворъ не токмо ночевать, но и погрѣть-

ся отнюдь не пускали; а кто вонхалится, то тѣхъ бы хватали, да къ суду отсылали.

Такожде, буде какіе люди будутъ около деревни обходить, или по проселочнымъ дорогамъ прониматься, то такожде хватать и къ суду отсылать не мотчавъ.

И ради печатанія тѣхъ отпускныхъ писемъ всякой воевода изчислилъ бы, колико въ уѣздѣ его сотскихъ и пятидесятскихъ; и колико въ коемъ урочищѣ ихъ будетъ, велель бы *... добрымъ мастерамъ на всякаго сотскаго и пятидесятскаго по печати, чтобъ всякая печать значила, коего уѣзду и коего урочища, и чтобъ и печать съ печатью сходна не была.

И тѣ печати разослать къ тѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ. И егда кой сотской напишетъ отпускъ, то и печать свою, коя ему дана, въ концѣ того письма припечатать. А буде пятидесятской отпускъ напишетъ, то онъ бы и свою печать приложилъ. И егда признаются, то всѣ будутъ знать тѣ печати, и никто обманомъ пройти не можетъ; потому что хотя сотскіе погодно будутъ перемѣняться, а печати всегда однѣ будутъ.

* Глагола недостаетъ въбонихъ спискахъ.

ГЛАВА VII.

О КРЕСТЬЯНСТВѢ.

Крестьянское житіе скудно ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ.

Аще бы Царскаго Величества поборы были расположены по владѣнію земли ихъ, колико кой крестьянинъ на себя пашеть, и поборы собирали бы съ нихъ въ удобное время, а помѣщики ихъ излишняго ничего съ нихъ неимали, и работы бы излишнія не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владѣнію земли ихъ, и смотрѣли бы за крестьянами своими, чтобъ они кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бѣ были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежобочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во иныя воровства.

Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати что надле-

жить про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить.

А буде при дворѣ своемъ ни какой работы пожиточной нѣтъ, то шелъ бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянинъ не оскудѣетъ.

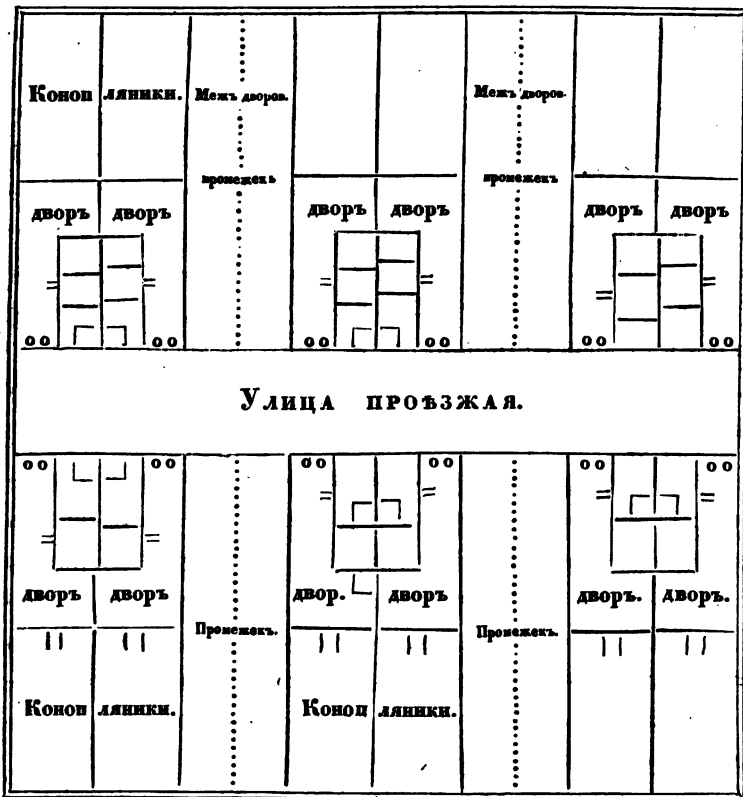
И къ такому крестьянскаго житія охраненію надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ еще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда и одного двора не останется. И такъ погараютъ, что у инаго ни хлѣба, ни скота, не останется. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Еще бы селитьбою ихъ не тѣснили, тобы гибели имъ такой не было.

И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ велѣть строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы дѣлать широкія на пространныхъ мѣстахъ сажень по тридцати шириною, а и гдѣ и тѣсно мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати сажень улицъ не дѣлать: того ради, еще у кого загорится, то всѣ бы сосѣды бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободныя, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе сгорѣть не дадутъ; потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никоими дѣлами во время запыленія сосѣдамъ помощи подать не можно; понеже всѣ мечутся за своими уборы; обаче не вся убраться могутъ, но у всѣхъ не безъ погубленія бываетъ. И тако

вси погибають, и отъ того въ самую нищету приходятъ.

И аще Великій нашъ Государь сожалѣя о крестьянствѣ повелитъ дворы крестьянскіе въ селѣхъ и въ деревняхъ построи гнѣздами, то надлежитъ всѣмъ помѣщикамъ указъ сказать, чтобы они какъ мочно, хотя не вдругъ, но помаленьку, а всѣ бы дворы перестроили, по два двора вмѣстѣ, да два промежка межъ дворами порозжіе сичевымъ манеромъ:

И аще тако построено будетъ, то отнимать во время пожара со всей стороны свободно будетъ, и ни какому двору вовсе сгорѣти не дадутъ.

А егда отправлены будутъ валовые писцы или мезещики. и тогда однимъ разомъ всѣ дворы перестроить, и землю имъ разверстать надлежитъ крестьянину на цѣлый дворъ, и колико на полдвора и на четверть двора, и по той землѣ расположить имъ подати, надлежащія въ казну Царскаго Величества, и прочіе поборы по расположенію, дабы всякому крестьянину сносно было, и обиды бы убогому передъ богатымъ не было, но всѣмъ бы уравненіе было опредѣленное по владѣнію ихъ.

Паки крестьянству чинится великое разореніе отъ разбойниковъ; ибо еще въ коей деревнѣ десятка два-три или и гораздо больше, а разбойниковъ еще и не великое число придетъ къ кому на дворъ, и стануть его мучить, и огнемъ жечи, и пожитки его явно на возы класть, а сосѣды все слышать и видать, а изъ дворовъ своихъ не выдутъ, и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ. И такого ради порядка разбойники по своей волѣ чинять, и многихъ крѣстьянъ и до смерти замучиваютъ: и того ради не можно никакому крестьянину богатому быть.

И ради охраненія отъ таковаго ихъ разоренія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ указъ сказать крѣпкой, что если къ кому пріѣдутъ разбойники, а сосѣды того села или деревни на выручку сосѣда своего и на поимку разбойниковъ не пойдутъ, то всѣхъ тѣхъ сосѣдей бить кнутомъ; а что пограбятъ разбойники за ихъ невыручкою, то править на нихъ сосѣдяхъ сугубо.

А буде разбойниковъ пріѣдетъ много, и имъ своею деревнею не удержатъ ихъ, то тѣмъ сосѣдамъ добывать въ окольные деревни, и повѣстить, чтобы всѣ шли поголовно мужики срослые съ ружьемъ и съ

крючемъ и съ дубьемъ на поимку тѣхъ разбойниковъ. А буде изъ коей деревни не пойдуть, то и тѣхъ бить кнутомъ, и пограбленный пожитокъ въ платежъ той деревнѣ, въ коей разбой былъ, помогать.

А буде за ихъ невыручкою до смерти кого замучать, то за голову пятьдесятъ рублей, или и больше, колико уложено будетъ, доправить на всѣхъ тѣхъ, кои на выручку не пошли.

Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было. ежебы ихъ нагло прѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно, и другъ другу обидъ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житіе ихъ святое.

Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго челоуѣка ни единаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не прѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрять, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу прѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ.

И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолять, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и неже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты, и науча грамотъ и учили бы ихъ писать. Я чаю, не худобы было

такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго челоуѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на три или на четыре.

А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научать, такжеже кои робята и впредь подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе.

А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и въ пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ, и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ.

А чаю, не худо указъ послать и въ низовые города, чтобы и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слюбится; потому что къ нимъ паче Русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подъячій, овогда съ указомъ, овогдажъ и безъ указа, и чинять, что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой ихъ изобижаетъ, и чего никогда въ указъ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ, и правежемъ правятъ.

А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ у нихъ владѣтелями, и по прежнему въ обиду ихъ уже не дадутъ, и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать.

А иные, выучась грамотѣ, познають святую христіанскую вѣру, возжелаютъ и креститься, то тѣ грамотники мало по малу иныхъ свою братью къ христіанской вѣрѣ приводятъ будутъ.

И кой Мордва иль Чувашъ или Черемиса крестится, то тѣхъ уже воеводомъ и всякимъ правителямъ и приказнымъ людямъ надлежитъ почитать, и вслчески ихъ утѣшать, и беречь ихъ паче некрещенныхъ, и во всемъ отъ некрещенныхъ чинить имъ милостивую отмѣну, чтобы некрещенные крещенымъ завидывали.

Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ Великаго Государя сказать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили.

А и при степныхъ мѣстахъ молодаго лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а въ строеніе хоромное непригодное, и кои деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростеть и будетъ толстиною въ заборину, то тогда бы рубили на всякія домовыя потребности.

А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засядетъ лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть вкругъ того лѣса по всякъ годы окашивали, чтобъ вешнею порою степной пожаръ къ нему не дошелъ, и не выжегъ бы.

Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, иные въ челоуѣка вышиною, а иные сажени и въ двѣ были, да всѣ погорѣли и пропали. Ащебъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстѣхъ лѣсабъ великіе были.

Паки былъ я на Черни и во Мценскѣ, и видѣлъ тамъ, что рубять на дрова самой молодой лѣсъ толстиною въ гороховую тычину, и въ одинъ возъ срубятъ деревъ сто и больше; а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежитъ и стоячія деревье есть такое, что изъ одного дерева будетъ возовъ 10 и больше. И пока старой лѣсъ былобъ подбирать, а тотъ бы

молодежникъ подростъ, и имъ же бы всѣмъ пригодился.

А кая стень гораздо гола, и лѣса удалъли, то тамошніе жители всякой бы къ своей деревнѣ занялъ десятинь десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметаль бы сѣмень—лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго, и вязоваго, и орховъ спѣлыхъ сырыхъ четверикъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣяный лѣсъ взойдетъ, отъ пожара бы берегли. И первой годъ надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть или въ семь съ плодомъ придуть, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатяють; на добрыхъ земляхъ вельми они плодовиы будутъ.

И такобы всякъ у своей деревни такъ устроилъ, то бы и лѣсомъ и орѣхами всѣ довольны были; хотя сперва и скучно покажется завести, а послѣ самимъ слюбится.

И о орѣхахъ не худо бы учинить и заповѣдь, чтобы никто прежде Семенова дни ихъ не щипаль, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и аще гдѣ на угревинѣ, и прежде Семена дня наполнятся ядромъ, обаче прежде Семенова дни никто бы не дерзалъ ихъ щипать, но и щипали бы послѣди Семенова дни въ то время, егда они будутъ сыпаться, и щипали бы согласясь и съ совѣту своего сотскаго, что бы какъ семейнымъ, такъ и безсемейнымъ безобидно было.

И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щипаютъ ихъ захватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживають; потому что было взять

спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возьметъ, и тѣмъ Царскаго Величества интересу чинять уронъ: понеже спѣлыхъ четверикъ гривны по четыре и выше продають, а зеленыхъ и за четверть того не дають. И гдѣ было за спѣлые орѣхи пошрины взять рубль, а съ зеленыхъ и гривны не придетъ; а кто и скупить, не обрящетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ ѣды, ни въ нихъ масла. Только купя орѣховники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; закрасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ пріемлютъ.

Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибыльца; понеже идутъ они во инья земли, въ Персиду да въ Шведы и во инья мѣста, а неспѣлые не за что гинуть.

Того ради вельми надлежитъ отъ ранняго щипанія орѣхи блюсти, дабы никто ни гдѣ прежде Семена дни щипать ихъ не дерзалъ, а и послѣ Семена дни безъ воли сотской и безъ общаго совѣту отнюдь бы не начинали ихъ щипать. А буде кто учинится тому изложенію противенъ, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублей, да его же высѣчь батогами.

А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на Государя; а кто ихъ привезъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде гораздо зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи высыпать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубь.

А буде кто поймаетъ кого прежде Семена дни въ лѣсу или и на дорогѣ или и въ деревнѣ со свѣжими

щипаными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егожъ высѣчь батогами, дабы впредь такъ не дѣлали.

А буде прикащикъ или староста или сотской понаровить тому, кто пойманъ, и штрафу съ него не возьметъ, или и возьметъ, а наказанія по указу не учинить, или того поимщика станетъ чѣмъ тѣснить хотя и послѣ того времени, то на томъ прикащикъ или старостъ или на сотскомъ взято будетъ за нарушеніе Его Императорскаго Величества указу штрафъ опредѣленной по новому изложенію, и наказаніе чинить великое, каково и прочимъ нарушителемъ учинено будетъ.

Подобнѣ и рыбной ловлѣ надлежитъ учинить, чтобъ крестьяна отъ неразумнія своего Царскому интересу тщеты не чинили; ибо въ коихъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мѣлкія рыбы не годствуесть ловить. А крестьяне не разумѣя снятоваго рода, вмѣсто снятковъ ловятъ молодую рыбу—щученокъ, языковъ и плотичекъ, а наипаче ловятъ недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣста переогодовать, но и самыя зародышки рыбныя ловятъ, еже меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводятъ.

Будучи я на Устрикѣ, зачерпнулъ на ложку тѣхъ рыбеночковъ и счелъ, ихъ было числомъ 88, а если бы зачерпнулъ погуще, то бы ста два-три зачерпнулъ.

Аще бы та маленькая рыба переогодовала, то изъ одной той ложки было бы 20 варъ. Чтожъ бы отъ тѣхъ двулѣтнихъ рыбокъ въ два годы приплоду было? И тѣхъ рыбныхъ зародышковъ налова и высуша, за четверикъ возьметъ гривны двѣ; а если бы вырос-

ла, въ два года было бы воевъ 10 или и больше изъ того четверика, и вмѣсто дву гривенъ взялъ бы 20 или и больше, а пошлыны бы съ нея сошло больше рубля. И въ такомъ несмыслии крестьянскомъ не токмо Царской интересъ пропадаетъ, но и у ловцовъ тѣхъ прямая покормка пропадаетъ.

И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголя: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того невыразумбють: ни отъ чего инаго плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловить, то не съ чего и большой быть.

Если и въ скотѣ телятъ прѣвсть молодыхъ, то ни быковъ, ни коровъ не будетъ; такожде и у курицы аще цыплятъ всѣхъ поѣсть года два-три, то и куры всѣ переведутся. И рыба ни чѣмъ же отъ того разнствуетъ; всегда большая рыба вырастаетъ изъ малыя. И аще и малую выловить, то большой не откуда взяться будетъ. И по моему мнѣнію, гдѣ и снятовой родъ есть, то и тамъ надлежитъ запретить, чтобъ самыхъ мѣлкихъ рыбныхъ и снятовыхъ зародышевъ не ловили, а ловили бѣ перегодные, чтобы отъ той несмысленной ловли Великаго Государя интересу не пропадать напрасно, а и ловцы бы безпутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще Его Императорскому Величеству порадѣть и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто кромѣ самородныхъ снятковъ недорослой рыбы не ловили, то вельми рыбы во озеряхъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить сяце: буде кто мѣлкихъ щученковъ или лещиковъ или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снятовъ, привезъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на Го-

сударя и отдать солдатоу или нищиму по богадальнамъ; а кто привезъ, на томъ взять штрафъ за каждой четверикъ, по чему уложено будетъ; то однимъ годомъ сія статья утвердится, и ни кто недорослой рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прежде во всь города послать указы, чтобъ отнюдь недорослой рыбы не ловили и неводовъ частыхъ кромъ снятовыхъ не дѣлали; а на другое лѣто всѣхъ штрафовать за презрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недорослой рыбы про себя еще и малое число, и еще кто съ тою рыбою поймаетъ и приведетъ къ суду, то доправить на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій по изложенію; изъ того штрафа четвертую долю вынявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу ему жъ отдать: и за такимъ штрафомъ и про себя ловить не будутъ.

И въ такомъ установленіи годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою насытится. И еще тотъ уставъ и впредь не нарушится, то во вѣки вѣковъ не оскудѣетъ.

И еще она при нынѣшней цѣнѣ вдвое или втрое дешевле будетъ, обаче въ пошлинномъ сборѣ будетъ десятирицею больше; потому что въ продажѣ рыбы будетъ великое множество.

А и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагають бремена, неудобъ носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единого дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряють у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излише-

ствомъ крестьянство въ нищету пригоняють; и который крестьянинъ станетъ мало мало посылать быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обирають, что у инаго и козы не оставляють. Отъ таковыя нужды дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные — и въ зарубежныя; тако чужія страны населяють, а свою пусту оставляють. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублевъ была, только бы не воровалъ, и безъ явочно не торговалъ; что крестьяне богаты, тобы и честь помѣщику.

Крестьяномъ помѣщики невѣковыя владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣють временно.

И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство Царственное.

И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было Государеву подати и помѣщику заплачивать, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смот-

рить, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили.

И о семъ яко высокимъ господамъ, тако и мѣлкимъ дворяномъ, надлежитъ между собою посовѣтовать о всякихъ крестьянскихъ поборѣхъ помѣщичьихъ и о сдѣлѣ, какъ бы ихъ обложить съ общаго совѣта и съ докладу Его Императорскаго Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно, по чему съ цѣлаго двора и почему съ полу-двора или съ четверти или съ осьмыя доли двора имать денегъ и столовыхъ запасовъ, и поколику съ цѣлаго и не съ цѣлаго двора пашни на помѣщика своего вспахать и хлѣбомъ засѣять и сжавъ обмолотить; такожде и подводы расположить по расположенію дворовому, чтобы всѣмъ по владѣнію земли было никому ни передъ кѣмъ необходимо, и чтобъ и Государевы поборы сносно имъ было платить сполна безъ доимки. И како о семъ съ общаго совѣта изложится и указомъ Его Императорскаго Величества утвердится, и тако аще нерушимо будетъ стоять, то крестьянство всѣ будутъ сыты, а иные изъ нихъ и обогатятся.

Я, истинно, о семъ много размышлялъ, какобы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ кой владѣетъ, и коликко онъ на той своей землѣ хлѣба высѣетъ про себя.

Я не вѣмъ, чего господа дворяне смотрять: крестьянами владѣють, а что то именовать крестьянина не знаютъ, и почему числить дворъ крестьянской ничего того не разумѣють, но токмо ворота, да

городьбу числять; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаюжъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ не постижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячь десятка два три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни во что; ибо поборъ ссей несостоятеленъ, а въ чесомъ надлежитъ прямо неподвижной прибыли искать, и о томъ во главѣ 9-й речется.

А о крестьянѣхъ, мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ни чѣмъ бы таковыхъ не тѣснилъ токмо смотреть за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно къ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ такового порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить.

А буде кой крестьянинъ хлѣба напахавъ, да станетъ гулять, и впредь ничего не станетъ запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы отъ лѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы, ни въ пѣянство, не уклонялись. Крестьяномъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямого у нихъ нѣтъ: кои сильные помѣщики, тѣ пишутъ дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, то тѣмъ легко и жить; а кои средніе

могуты, тѣ дворы по два и по три вмѣстѣ сваливають, а одними воротами ходять, а прочія ворота заборомъ забирають, то и тѣмъ крестьяномъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ таковаго порядка тыи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходять; а богатые и сильные бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ а о прочихъ не пекутся.

И ради основанія правды надлежить первѣе установить въ крестьянствѣ, что то именовать дворъ и что поддвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что въ Россійскомъ царствѣ премное множество помѣщиковъ богатыхъ и судействомъ владѣющихъ, а того не могутъ сдѣлать, чтобы собравшись посовѣтовать и уложить, что тотъ крестьянской дворъ именовать или поддвора или четверть двора, и почему бы разумѣть цѣлой дворъ или безъ четверти или съ четвертью дворъ?

Въ Москвѣ въ посадскихъ слободахъ аще и мужики живутъ, обаче у нихъ разумно учинено: кто на цѣломъ дворѣ живеть, тотъ съ цѣлаго двора и платить, а кто на полдворѣ или на четверти, то съ того и тягло платить.

А у крестьянъ писцы и перепищики ворота числятъ дворомъ, хотя одна изба на дворѣ, хотя и съ пятьшесть или и съ десять, а пишуть дворомъ же. И то стало быть не разумъ, но самое безумство и всеовершенная неправда, и убогимъ и маломочнымъ обида и разореніе.

По здравому разсужденію надлежить крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по

дымамъ избивимъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи.

По моему мнѣнію аще у коего крестьянина цѣлой дворъ, то надобно ему земли дать мѣрою толикою, чтобы ему мочно было на всякой годъ высѣять ржи четыре четверти, а яроваго осемь четвертей, а сѣна накосить ему про себя двадцать копенъ.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣетъ, то того двора не надлежитъ написать, но развѣ шестою долею двора; и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежитъ.

А будежъ кой крестьянинъ могученъ, а земли ему отъ помѣщика отведено малое число, и онъ мочно своею найметъ земли у инаго помѣщика, и на той наемной землѣ высѣетъ хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли къ дворовому числу не причитать, и Государевой подати никакой съ той наемной земли не платить; потому что съ тоя наемныя земли будетъ платить помѣщикъ, который тою землею владѣетъ; такожъ помѣщику своему ничегожъ съ тоя пашни не платить же, а платить тому помѣщику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанялъ.

А буде кой помѣщикъ вида коего крестьянина семьяниста и лошадиста, дастъ ему земли со удовольствомъ что высѣвать, а онъ будетъ четвертей по десяти на лѣто ржи, а яроваго по двадцати, а сѣнокосу отведетъ ему на пятьдесятъ копенъ, то съ такого крестьянина мочно брать какъ Его Императорскаго Величества, такъ и помѣщику съ полутретья двора. И тако всѣ дворы расположить не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ.

И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить.

И ради охраненія крестьянскаго отъ помѣщиковъ ихъ надлежитъ и въ помѣщичьихъ поборахъ учинить по землѣ же, и чтобъ большѣ положеннаго оклада отнюдь на крестьянъ своихъ не накладывали. И тако яко въ Государевыхъ поборѣхъ, тако и въ помѣщичьихъ, будетъ имъ сносно. И по такому расположенію и помѣщикамъ дворовъ крестьянъ своихъ таить по прежнему будетъ не для чего; потому, буде кто дворы свои цѣлые полудворами или четвертьми или осьмушками напишетъ, то и самъ помѣщикъ не можетъ уже съ нихъ больше того взять; ибо всякой крестьянинъ на чемъ будетъ жить и чѣмъ будетъ владѣть, съ того будетъ и платить какъ Царю, такъ и помѣщикомъ своимъ. И буде кой помѣщикъ напишетъ дворы цѣлые полудворами или и меньше полудворовъ, и Царскіе поборы будетъ платить противъ письма, а себѣ станетъ съ нихъ имать съ цѣлыхъ дворовъ, и кто про то. увѣдомится посторонній человекъ, и донесетъ о такой его неправдѣ судьямъ, то тѣ дворы и со крестьяны отдать тому, кто извѣстилъ. А буде крестьяна непохотя лишняго помѣщикамъ своимъ платить и донесутъ судьямъ, то того крестьянина, кой доведетъ, дать волю, да за доводъ—пятьдесятъ рублей денегъ. А которые крестьяна вѣдали, что помѣщикъ ихъ беретъ съ нихъ излишніе поборы, а умолчатъ, то тѣхъ крестьянъ бить кнутомъ, колико ударовъ уложено будетъ.

И аще кой помѣщикъ на цѣлый дворъ или на полдвора или на четверть двора посадить двороваго че-

ловѣка или дѣловаго или бобыля или полонника,* то кто бы онъ ни былъ, а плату дворовую имать съ него по владѣнію земли неизмѣнно.

И тако какъ крестьяне, тамъ и дворовые люди, будутъ Великому Государю данники, и платежъ имъ тягостенъ не будетъ, потому что платежъ ихъ будетъ по владѣнію земли, определенной при дворѣ. И такимъ порядкомъ интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множитися.

И аще по всей Россіи тако устроится, и поборы съ двороваго числа легкостнѣ будутъ; а по древнему порядку отъ побору иные въ конецъ разоряются, а иные даромъ живутъ.

По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская оскуднѣніе царственное.

И того ради Царю яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лица будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить.

И у коего крестьянина дворъ цѣлой и меньше или больше двора, обаче въ селитьбѣ строили бы по два двора гнѣздами, и между ними по два огорода, якоже о томъ во осьмой главѣ изъясится. И аще тако устроены будутъ деревни, то во время огненнаго запаленія никакая деревня вся не выгорить.

* У Стр. *полоненника*.

А буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать, и наложить сверхъ указаннаго числа, или излишнюю работу наложить, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на Государя и землю; то на то смотря и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя, и крестьянъ разорять не станетъ.

А буде кой судья по доношенію крестьянскому о виновности помѣщиковой сыскивать не станетъ, и отошлетъ ихъ къ старому ихъ помѣщику, или и сыскивать станетъ, да будетъ во всемъ помѣщику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до вѣшняго суда, и вину на помѣщика своего изъявятъ, и судейскую вину предложить, то тотъ судья не токмо пожитковъ, но и живота своего лишится.

И тако злый злѣ погибнетъ, а праведный судья за праведный свой судъ настоящихъ благъ насладится, и грядущихъ не лишится во вѣки вѣковъ. Аминь!

ГЛАВА VIII.

О ДВОРЯНАХЪ, О КРЕСТЬЯНАХЪ И О ЗЕМЛЯНЫХЪ ДѢЛАХЪ. *

Сіе мнится мнѣ не токмо правильно, но и безгрѣшно, еже дворяне послѣ умершихъ своихъ сродниковъ земли жилия и пустыя дѣлять на дробныя части, ибо однѣ пустоши раздѣляютъ на многія разныя владѣнія. И по таковому раздѣлу бывають у одной пустоши владѣльцовъ по десяти и гораздо больше; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется десять четвертей, инымъ же четверти по двѣ-три, а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую пахотную полосу худу и добрую, все паюють; и кто изъ нихъ самъ у себя, то тотъ всѣмъ жеребьемъ и владѣть, а кто безмочень, тотъ ничѣмъ владѣть не можетъ, и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустыють и деривють и лѣсомъ поростають. И въ томъ запустѣніи Царской интересъ малится, потому что отъ пустой земли ** никакого дохода не бываетъ.

А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ нанавоживаетъ; и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, такожде и сѣнные по-

* У Стр. заглавіе: о земляныхъ дѣлахъ. ** У Стр. слуста.

косы раскашивают; и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается.

И тыи дворяне не токмо пустыя земли тако дѣлятъ, но и жилыя села и деревни на многія доли дѣлятъ. Есть въ Новгородскомъ уездѣ погость, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцовъ. И въ таковыхъ разновладѣльцахъ нельзя быть безъ вражды и другу отъ друга безъ обиды.

И мнѣ мнится: ради охраненія отъ обидъ и послѣ умершихъ лучше дробныя (?) оставить и дѣлить земля пустая и жилая цѣлыми пустошами и деревнями по урочищамъ.

А буде многихъ пайщиковъ раздѣлить цѣлыми не можно, то тѣ земли и деревни положить въ цѣну, и буде кто изъ тѣхъ же родственниковъ деньги въ дѣль положить, а землю жилую или и пустую возьметъ всю за себя, то и добро такъ. А буде всѣ родственники скудны, то продать ее и постороннему человѣку, и деньги по надлежащимъ жеребьямъ раздѣлить, то не то что уголовщинѣ быть, но и браниться будетъ не о чемъ; потому что на деньгахъ и малыя дробинки раздѣляютъ часто.

А и сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ,* и колико въ коемъ урочищѣ четверныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же, и пишучи, не тобъ, чтобъ ее смѣрять, но и глазами не выдавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей 50 въ поле, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣтъ.

* Такъ у Стр. а у меня, кажется, неправильно, не пишутъ.

А въ иной пустоши, видѣль я, написано 6 четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакъ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамаъ совершеннаго не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову свою положиа дернину, да отводятъ землю, и въ такомъ отводѣ смертне грѣшатъ; и много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ.

А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жилищамъ землямаъ и пустошамъ учинить межи недвижима, а буде съ кѣмъ нераздѣлила ни рѣка, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотритъ какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было; а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижимая признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полноу каменя большаго, и накласть бугромъ, чтобъ матерья земли выше было, и на то каменье насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ въковыи утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки; и подъ ту вервь поставитъ мореходной компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки сажень, то такъ и записать.

И буде у поворотки признаки никакой недвижимои

нѣтъ, то выкопать яма глубиною аршина въ полтора или въ два, и шириною такожде аршина въ два, и накласть въ нее каменя или уголья, и насыпать надъ нею холмъ аршина въ три, и утоптавъ, накласть дерномъ, и на томъ холму посадить деревецъ молодыхъ пять-шесть, кои бѣ были годковъ трехъ или четырехъ. И колико около той земли не будетъ холмовъ, на всѣхъ садить одного рода деревьевъ; каково на первомъ холму, тако и на послѣднемъ.

А егда стануть другую землю мѣрять, то по холмамъ другаго рода и деревье садить; около коей земли сажаны березки, то березыбъ тутъ и были, а около коей земли сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около тоя земли одни бы они и были.

А съ коею землею та будетъ смежна, и прикнется* она къ обмежеванной землѣ, а на той межѣ по холмамъ сажено не того рода деревье, то тѣ готовые холмы именно записать, колько ихъ къ той землѣ пришло, и деревье, кое и на нихъ сажено, такъ и записать, а другаго рода къ тѣмъ дерсвьямъ не присаживать.

И егда тоя сумежныя земли межа отворотится, то буде согодится отъ холма, то такъ и записать; а буде отворотить она межѣ холмовъ, то подлѣ старыя межи учинить холмъ не на самой межѣ, но сажень-мѣста уступа отъ межи, чтобъ старой межѣ поврежденія не было, и деревца посадить на немъ такое, какое около всея тоя земли начали садить.

И буде кое деревье посаженное подсохнетъ, то паки посадить такоежъ, и егда деревцы примутся, и годы два-три или пять-шесть перемешкавъ, паки всякому межеванію межевщику межѣ своихъ всѣхъ осматривать, нѣтъ ли межамъ какого поврежденія. И буде гдѣ и мало осмотритъ между попорчену, то сыскать

* У Стр. кажется неправильно прикнется.

того, кто попортилъ, и учинить ему наказаніе жестокое, какъ о томъ уложено будетъ; и деревья по холмамъ осмотрить, и кое изъ нихъ принялось, и бѣжко почало рости, то то дерево и оставить, а прочія подсычь. А буде на коемъ холму дерева два или три бѣжко почали рости, по рассмотрѣнію оставить и два и три деревца, только бы они одного рода. А излишнія всѣ подсычь и приказать накрѣпко, чтобы тѣхъ деревецъ оставленныхъ берегли накрѣпко, и ни въ чемъ бы имъ не вредили. И буде на томъ же холму какое дерево и новаго роду соббою израстетъ, и таковое подсычь, и рости имъ не давать, чтобы они признаки не повредили.

И во время межеванія въ какую сторону отъ ути-ну вервь * натянется, то подъ ту вервь ставить вышешепомнутаю компасъ, и по компасу смотря писать именно, на какую сторону протянулася вервь, и коея четверти на который градусъ, и колико градусовъ поступило отъ востока къ полудни, или отъ полудни къ востоку, и прочая.

А межа отъ признаки до признака, или отъ поворотки до поворотки, и колико коея прямизны будетъ мѣрою, сажени писать именно, и въ кую сторону она поворотила направо или налево, и на колико градусовъ она поворотилась, такъ именно и писать.

А буде гдѣ придетъ межа излучиною, и буде сосѣдъ сосѣду не уступить, то протянуть вервь отъ холма на холмъ прямо, и смѣрять по верви, колико мѣры межъ тѣми холмами будетъ, и отъ тоя верви смѣрять поперегъ, что тоя излучины будетъ, и записать именно. И гдѣ старая межа по рѣкѣжъ или къ ручью,

* У Стр. почти вездѣ *верфи*; въ моемъ спискѣ часто ошибкою *вѣтръ*, а въ некоторыхъ мѣстахъ правильно *вервь*.

и та старая межею и да будетъ. Обаче вервь надлежитъ натянуть прямо и записать именно, колико тоя прямизны отъ холма до холма, и гдѣ старыя межи излучинами, такъ имъ и быть; а куды вервь была ради смѣтку земли, сохою тутъ не проѣзжать, но токмо то писать, на кой градусъ та вервь была протянута. А кромѣ излучинъ, куда вервь ни протянется, съ обѣ стороны проѣхать сохою раза по два-три, и свалить къ верви вмѣсто (?), и та межа, съ коими землями дѣлится межу, писать именно, чья она есть, и какъ она нарицается. И буде чрезъ межу случится какая рѣка иль ручей или вражекъ или сухой доль или болото, все то писать именно, на коей верви случилась, и въ какихъ саженьяхъ отъ коего холма. И буде дорога чрезъ нее лежитъ, то откуду, куда, и при какой признакъ та земля, при рѣкѣль великой, или при малой, или при озерѣ великомъ, или маломъ, или при болотѣ какомъ. И всякая межа писать съ подлинною очисткою, чтобъ она во вѣки неподвижна была, «и проку бы» (?) * въ ней ни малаго не было.

Аще и съ трудностію потрудиться о семь, обаче въ роды родовъ безсорнобъ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершитъ, то мнится мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ (?) сотницу другую и по городамъ разослать. И аще гдѣ пожаръ учинится, то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевалной трудъ не погибнетъ, и смятенія о землѣ нигдѣ и ни у кого не будетъ: она будто въ зеркаль всѣмъ зрима.

И обмежевывать кѣждо землю сице: отъ утину до того пошла межа прямо на востокъ или на полдень, или свортила на право иль на лѣво отъ коея четверти, и многоль градусовъ вправо иль влѣво

* Слово между запятыми, впрочемъ непонятныхъ, въ моемъ спискѣ нѣтъ. Не ошибка ли вмѣсто *и пороку бы*.

поступило, и отъ утину до перваго холма земля того-то села или деревни или пустоши какой, съ правыя стороны а съ лѣвыя стороны такожде такая то именуемая земля, и съ коликими землями та пустошь, кою междуть, ни сошлася, все писать именно. То уже той межъ измѣниться не можно будетъ, ни въ какія лѣта она не смѣшается; ибо по недвижнымъ признакамъ, и по компасу, и по мѣрѣ отъ поворотки до поворотки, и отъ холма до холма, всякую между разобратъ будетъ мочно.

И когда кое урочище все вкругъ обмежуется, и послѣдняя вервь егда придетъ къ утину, съ коего утину началъ между вести, написать именно по компасу, на которую четверть и на который градусъ той четверти утину пришла.

А буде о коей межъ споръ будетъ, то тѣ земли вымѣрять первѣе по писцовымъ книгамъ, четвертную мѣру, и съюкосныя угодыя такожде, и около той земли межа повести выщеписаннымъ же порядкомъ, и межа положить около нея недвижимая.

И егда кою всю землю обмежуютъ, то посреди той земли вдоль протянуть вервь отъ писменны и недвижимыя признаки на недвижимую жь признаку, и смѣрять по ней, что тоя земли длиннику будетъ; такожде протянуть и поперегъ, взявъ начало отъ коего холму, и тянуть вервь на назначной же холмъ, или на недвижимую какую признаку, чрезъ длинную вервь, и на перехрестье подложить квадратъ, и куды то перекрестье покосилось, такъ именно и писать, и какъ длинникъ, такъ и поперечникъ смѣрять, что его будетъ, и на томъ же перекресть поставитъ компасъ, и куды того компаса сѣверная стрѣлка укажетъ, такъ и записать, и на чертежъ стрѣлка означить.

И на цѣломъ листѣ сдѣлать той обмежеванной зем-

лъ чертежъ по размѣру; какъ межа ведена, такъ именно и написать, и по колику отъ холма до холма, и отъ поворотки мѣры, такожде и отъ иныхъ признаковъ до признаковъ, цыфирными словами всякую мѣру особливо подписать; и около нея какія земли прилегли, всѣ именно подписать, и коликою мѣрою коя земля приткнулась; и на срединѣ того чертежа означить длинникъ и поперечникъ точками на тѣхъ признаки, на которыя вервь была протянута, и подлѣ точекъ написать мѣра длиннику и поперечнику, колико сажень. И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣръ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ, колико въ ней десятинъ и коликія четвертные пашни.

И того ради всякой межевщикъ, колико какихъ земель не отмежуетъ, написалъ бы именно всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бѣ была на особливомъ листу; и на тѣхъ же чертежахъ надобно написать, колико по писцовымъ книгамъ написано въ ней четвертей въ полѣ и колико съна копень. И егда кой межевщикъ свою долю всю измежуетъ, то тѣ чертежи переплести въ книгу, и положить ее въ помѣстномъ приказѣ въ сохранное мѣсто впредь для утвержденія правды.

И аще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоятся всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, аще убогъ, и аще кто и ябедовать и нахаловать, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все; и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣлъ.

И буде кто и покусится между заровнять, или

холмъ на чужую землю перенести, то всякой человекъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человеку; и того ради будетъ славно и явно. И буде бы кто и сдѣлалъ, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги всѣ пропадутъ, то тогда мочно обидачинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москвѣ, а другую въ Санктпетербургѣ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна.

И такъ надобно твердо заказать подѣ великимъ штрафомъ, чтобы той межи хотя у кого въ одномъ владѣннн будетъ, а тѣхъ межъ отнюдь бы не перенаживали, и ни межи, ни холма, съ мѣста на мѣсто не переносили бы, но всякая межа была бы въ роды родовъ на своемъ мѣстѣ нерушима.

А и въ степныхъ мѣстѣхъ также надлежитъ учинить недвижныя межъ, отмѣрить по дачѣ вымѣривъ десятинами, и намѣривъ всю чью дачу вышписаннымъ же образомъ, сдѣлать утинъ, и отъ утину протянуть вервь прямо, аще и верста мѣсто будетъ до поворотки или и больше, и пока прямизна идетъ, по та считать лишше сажени, а на повороткѣ сдѣлать холмъ по вышписанному жъ, и поворотки писать по компасу, и чертежи дѣлать по вышписанному жъ.

И буде близко лѣсъ есть, то по вышписанному жъ садить на холмахъ деревцы жъ, а буде лѣсу молодого добытъ гдѣ немочно, то набрать дубовыхъ желудей, и по десятку мѣста на холму посадить, а на иномъ урочищѣ наметать сѣмянъ вязовыхъ, и на иномъ березовыхъ или кленовыхъ или иныхъ какихъ. Токмо ка-

кїа сѣмена на коихъ холмахъ пометаны будутъ, такъ и въ книги записать, и всю межу устроя по вышенисанному жъ протянуть вервь съ угла на уголь, потому что въ степныкъ мѣстахъ будутъ многїа земли межеваться четверугольно, и, кромѣ угловыхъ, холмовъ не будетъ; и на чертежѣ на срединѣ написать стрѣлка сѣверная, и на томъ чертежѣ и мѣра, какъ межѣ, такъ и срединѣ, личба (?) написать.

И тако всѣхъ господъ, великихъ и мѣлкихъ дворянъ, дачи обмѣрить подлинною правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобы ни лишку и ни недомѣру противъ дачъ не было.

Вельми надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да еще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душевредства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому, обиды не было.

А въ прежнихъ глазомѣрныхъ мѣрахъ у инаго написано пять четвертей, а владѣть на пятьдесятъ четвертей, а у инаго написано двадцать четвертей, и пять не высѣть; а егда мѣра прямая будетъ во всѣхъ земляхъ положена, то никому обиды не будетъ.

И межи учина, такъ надлежитъ твердо блюсти, чтобы ни каковой обмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши, не токмо по прежнему на многїа части, но и на двое не дѣлить бы, но кому случится продать, или заложить, или и кому и отдать, то отдавать бы и продать всю, какова коя земля есть по обмежеванїю безъ раздѣлу.

И сїцевое межеванїе аще и не скоро окончится, да уже прочно оно будетъ, и помѣщикомъ всѣмъ покой великой учинитъ. И того межеванья межи такъ надле-

жить хранить, чтобы не то, что межа повредить, но и прозванія стараго отнюдь бы не измѣнять, но какъ кое урочище изстари названо, такъ бы оно и слыло до окончанія вѣка. И буде чье владѣніе случится по смерти или и по иному какому въ раздѣль или въ раздачу по указу, то дѣлить бы цѣлыми пустошами и урочищами по межевымъ книгамъ, а всѣхъ бы тѣхъ межъ ни прибавливали бы, ни убавливали.

А буде кто не токмо между испортить, но аще и имя коей пустоши или урочищу какому измѣнить, то обложить его штрафомъ; а буде чрезъ кую землю лежить дорога, то объѣхать дорогу съ обѣ стороны сохою, такожде какъ и пограничную между; и учинить ее шириною, буде проселочная тележная, то пустить ее трехъ сажень, а буде проѣзжая дорога городовая, то пустить ее шести сажень; а буде дорога Московская, то надлежитъ пустить двѣнадцати сажень или больше.

И тѣ дороги въ десятины и въ четвертное число не числить, но изъ настоящія мѣры и изъ владѣнія вычислить вонъ; понеже на чьей землѣ дорога ни бываетъ, слыветъ она Государева, а не помѣщичья; того ради тоя земли и въ окладъ ни кому не класть, и хлѣба на ней никакого не съять.

И аще Великій нашъ Императоръ въ сіе дѣло совершенно вступить, и Богъ свѣше призритъ, и помощь свою святую низпошлетъ на ней, то мочно всему сему дѣлу состоятися и совершитися не весьма многими лѣты.

И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россій-

скія, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подь пашню ихъ и подь сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будеть къ крестьянскимъ дворамъ, съ тоя земли будуть платить крестьяне по дворовому своему окладу, яко же въ седьмой главѣ речеса; и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ.

И буде положить мѣра десятииъ длиннику 80 сажень, а поперечнику 40 сажень, и съ такой десятины, мнит-ся мнѣ, что мочно съ пахотныя земли по осьми копеекъ взять на годъ, а съ сѣнокосной по шти копеекъ, а съ лѣсныя по четыре копейки, а съ болотныя по двѣ копейки. И я чаю, что на каждой годъ денежнаго сбору тысячь ста по два-три рублевъ будеть приходитъ, или и гораздо больше, и тотъ земляной сборъ будеть прочень, и никогда онъ не умалится, токмо годъ отъ году прибывать будетъ.

Буде кто лѣса расчиститъ и пахотными полями устроить, то у того дачи прибудеть, а буде кто лѣсь вырубя, да хлѣбъ снявъ паки запуститъ, и на ту землю прибавлявать дачи не для чего; потому что она паки подь лѣснымъ угодемъ будетъ.

И аще кто и болото обсушитъ и устроить сѣнокосъ, то и тамо прибудеть же сбору. И того ради земскимъ комиссарамъ на всякой годъ надлежитъ осматривать, буде кто прибавитъ пашни или сѣнокосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить.

И по такому расположенію никто даромъ землю владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики.

А нынѣ есть много таковыхъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ

нустоши отдають подь нахоту и подь сънокось изъ найма, и на кійждо годь десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не дасть онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить десятинами, то, я чаю, десятинь миллионъвъ десятка два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячъ сотъ пять-шесть будетъ того сбора, и того платежа никому потаить или въ платежъ похитрить будетъ не возможно; потому что ни единыя десятины утаить будетъ не возможно.

Землю сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоить недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ.

И аще Богъ на ней призритъ и помощь свою низпошлетъ, то можетъ оно не весьма долгимъ временамъ состроитися. Трудно только первой годъ потрудиться; а егда навькнутъ, какъ межевать по компасу, и какъ мѣру полагать, и чертежи скоро навькнутъ по размѣру рисовать.

И первый годъ еще и по одному человѣку смѣшленному послать то дѣло управлять въ куюждо жубернію, а на другой годъ мочно и по десяти послать, а на третій годъ хотя и по сту человѣкъ то мочно послать; потому что лихо сперва обстановить, какъ то межеванье отправлять, то и однимъ мѣсяцемъ многимъ мочно научиться.

Ибо поспѣшность сего дѣла въ руцѣ суть Царстей: аще онъ восхоцетъ, то немногими лѣты можетъ тое дѣло управить, и того землянаго сбора, чаю, что бу-

детъ со всякія губерніи тысячь по сту. Только чаю, сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей воли жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять.

Я чаю, что и дворовому расположенію какъ ни есть, а будутъ препятіе чинить, а если Великій Государь переломитъ ихъ древнее упрямство, то я чаю что вполье будутъ дворовыя поборы; нынѣ съ двора сходить рублевъ по осьми или малымъ чѣмъ меньше, а тогда, чаю, что и по четыре рубли не сойдетъ.

И аще по земленому владѣнію всѣ крестьянскіе платежи, такожде и съ дворянъ по владѣнію жъ земленому установить, то тверже онъ подушнаго сбора будетъ, и вельми онъ постояненъ и прибыденъ будетъ.

Земля трудно токмо управити еже ее всю по вышеписанному размежевать, и измѣрять въ десятины положить право, то послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ.

И тако надлежитъ въ земномъ дѣлѣ потрудиться, чтобъ не токмо едина земля пахотная и сѣнокосная и лѣсныя угодья измѣрять, но и болоты всѣ бы великія и малыя измѣрять, и описать ихъ именно, въ коихъ они урочищахъ, и къ чьимъ землямъ прилегли, и большимъ болотамъ чертежи нарисовать особливые; и спроситъ сумежныхъ помѣщиковъ, кому кое болото во владѣніе угодно, на немъ его и записать.

А буде сумежные помѣщики отъ болотъ откажутъ, то отписать ихъ за Государемъ, и отдавать ихъ изъ Приказу на оброкъ охочимъ людямъ; а кои болота малыя земли чьяя (?) случатся, и тѣ болота писать за ними, въ чьей они землѣ прилучились. И отъ коего болота помѣщики откажутъ, то тѣ болота подобіемъ пустошнымъ вкругъ всего межею обвести, и на повороткахъ

ставить холмы такожде, какъ и кругомъ пустошей, и вкругъ всего болота объѣхать сохою, и сдѣлать валъ; а гдѣ придутъ иныхъ земель межи помѣщичьи, то такъ и записать. И кои люди отъ тѣхъ болотъ откажутся, то уже ни на какую потребу въ нихъ не ходилибъ, и скота своего не пушчалибъ, но владѣль бы тотъ, кому оно отдано или продано будетъ.

Такожде и дворы всѣ яко крестьянскіе, тако и дворянскіе и всякихъ чиновъ у людей, и въ городѣхъ у купецкихъ людей, и прочихъ у градскихъ жителей, и у приказныхъ канцеляристовъ, и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей, дворы измѣрять и платежомъ обложить; дабы на земль Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ.

Я чаю подъ державою Его Императорскаго Величества подъ всѣми жителями, кромѣ дикихъ полъ и глухихъ лѣсовъ, которые ни къ кому во владѣніе не отданы, будетъ добрыхъ верстъ милліона два-три и больше, и толикое величество земли и исчислить въ конецъ не возможно, а платежу съ нея Государю ея нейдетъ ни малаго числа: помѣщики, кои участками своими отдаютъ въ наймы, и берутъ за нее деньги многія, а Великому Государю не платятъ ни малаго числа.

А во всякой круглой верстѣ пятисотной будетъ сороковыхъ десятинъ 78 съ осью долею десятины.

И аще кругомъ съ пахатныя и съ сѣнокосныя и съ болотныя земли положить по грошу съ десятины имать на годъ, то того поземельнаго недвижимаго сбора будетъ милліонъ-мѣста другой во всякой годъ, и тотъ сборъ никогда не оскудѣетъ, но токмо мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполниться.

И если сіе Богъ состроить, еже Великій нашъ Мо-

нархъ обложить со владѣнія имать платежь, то никто но нынѣшнему тунежителемъ не будетъ, но всѣ будутъ платежники по количеству владѣнія своего.

И дворамъ крестьянскимъ надлежитъ положить мѣра подлинная, и неизмѣнная; аще на коемъ крестьянинѣ дворъ тяглый, то прямой бы уже и былъ дворъ.

И мнится мнѣ: надлежитъ крестьянскому двору быть мѣрою въ долготу и съ гуменикомъ пятьдесятъ сажень или штидесять, а шириною цѣлому двору быть двѣнадцать сажень, а полудвору восемь сажень, а четверть двору шесть сажень, а осьмушечному четыре сажени, а длина всѣмъ единоравная. Чтобы овины у всѣхъ въ далекости отъ двороваго строения были.

И платежь, мнится мнѣ, мочно положить съ цѣлаго крестьянскаго двора во всѣ поборы въ годъ рубля по три или по четыре, или какъ удобнѣе будетъ по прямому разсмотрѣнiю, а съ полудвора вполѣ, и съ четверти двора четвертая доля изъ платежа, и прочіе платежи по мѣрѣ дворовъ располагать; то ничему будетъ не обидно и всѣмъ будетъ легко.

И на цѣлой дворъ надлежитъ, по моему мнѣнiю, дать пахатной земли четыре четверти въ полѣ, а въ дву-потому же, а пол двора — двѣ четверти, а кто на четверти двора будетъ жить, тому одна четверть земли въ полѣ, а и въ другихъ поляхъ по толику же числу, чтобъ ему по вся годы по цѣлой четверти ржи высѣвать, а яроваго по двѣ четверти. И аще кто будетъ жить на шестой долѣ двора или на осьмой, то по тому и земли имъ отводить неизмѣнно. А буде кто похочетъ на себя тягла прибавить, толико и земли ему подъ пашню и сѣнокосу прибавить; и по такому расположенiю все чинить неизмѣнно.

Такожде и помѣщикамъ брать съ нихъ всякіе свои поборы по томужъ расчисленію, такожде и въ работѣ по землѣ расчисленіе чинить, то всякая и работа будетъ имъ сносна. И сверхъ бы того расположенія никакой помѣщикъ излишняго ничего бѣ не накладывали, чтобъ отъ излишнихъ поборовъ крестьянство во оскудвнїе не приходило. И аще тако расположено и устроено будетъ, то помѣщики душѣвредить не станутъ, ежебы по три и по два двора въ мѣсто спаливати (?) И ради лучшаго отъ неправды помѣщичьей удаленія и ради отъ огненнаго запаленія охраненія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ дворы строить гнѣздами, а несплошь по прежнему, но токмо по двѣ селитьбы крестьянскія, якоже въ седьмой главѣ назначено, семо же пространство изъяснится съ размѣреніемъ длинника и поперечника.

И аще тако устроено будетъ, то никоими дѣлы по прежнему спалить трехъ или четырехъ дворовъ въ одинъ дворъ не возможно будетъ, да и не для чего тако чинить.

И крестьянскіе дворы управа надлежитъ и градскіе дворы измѣрять, и такожде обложить платежемъ земли дворовые, колико подъ кѣмъ есть.

И мнится мнѣ: съ дворовыя земли яко съ купецкихъ, тако и съ приказныхъ людей, и съ бѣломѣсцовъ всякаго званія, съ сильныхъ и съ безсильныхъ лицъ, у коихъ въ городѣхъ и на посадѣхъ дворы есть, кромѣ духовнаго чина и причетниковъ церковныхъ, съ дробныя сажени кажется можно по полушкѣ на годъ имать или по полуполушкѣ.

А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и съютъ, и сады загородныя разведены, такожде измѣрять въ дробныя сажени,

и мнится, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти сажень по копейкѣ можно имать.

И съ тѣхъ огородныхъ овощей на одногородномъ торгу пошлина имать, кажется, не надлежитъ; токмо развѣ куда на иной городъ повезуть, то отвозная пошлина надлежитъ взять; а егда состоится новая пошлина, то тогда такъ будетъ и управлятися.

И ради таковаго великаго землянаго дѣла надлежитъ, чаю, особная и канцелярїя учинить, понеже всѣмъ дѣла много будетъ, и сборъ въ ней будетъ миллионный и самой основательный. И сей земляный сборъ трудно токмо его основати, а егда оснуется и утвердится, то онъ яко рѣка имать пищи неизмѣнно. Земля сотворена отъ Бога недвижима, тако и сборъ земляный аще Богъ его совершитъ и утвердитъ, то будетъ онъ неподвиженъ во вѣки. Аминь.

ГЛАВА IX.

О ЦАРСКОМЪ ИНТЕРЕСѢ.

Въ собраніи Царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирать, чтобъ никакихъ обиды ни на кого не навести; казна бы Царская собирать, а Царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ аще кто казну Царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто Государю своему тщится служить, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и споро и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гнуло. Охраненіе доброй товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирать.

Якобо утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ.

Азь бо въ 710 году будучи въ Новгородѣ, видѣль: на гостинномъ дворѣ двѣ палаты накладки были конской сбруи и иныхъ полковыхъ припасовъ, и что тамъ ни было, все то сгнило и пропало, и весь тотъ припасъ вырыли изъ палаты лопатами, и на колико сотъ рублевъ того было, Богъ вѣсть.

И по такому небреженію чаять, что и во всѣхъ городѣхъ и во арміяхъ отъ такого жъ комиссарскаго недозрѣнія въ припасѣхъ и въ хлѣбныхъ запасѣхъ казны много съ сего свѣта погибаетъ.

На что сего ближе и страшнѣе, еже въ Санктпетербургѣ на корабельныя дѣла готовить лѣса дубовые, да и тутъ пакости великія чинятся. Въ прошломъ 717 году ѣхалъ я Ладожскимъ озеромъ, и видѣлъ по берегамъ и по островамъ лежить дубовыхъ лѣсовъ множество, и въ томъ числѣ есть такое брусье великое, что, чаю, иной брусъ рублевъ по сту и сталь, и иное брусье уже и замыло пескомъ, иное чуть и видѣть изъ песка.

И чаять то и по инымъ берегамъ и островамъ не безъ того, и аще оно до-днесь лежить, то много чаять и погнило, и по такому небреженію Богъ вѣсть колико отъ такого небреженія казны погибаетъ напрасно.

И тое небреженіе, аще зрится, и велико, обаче не таково яко отъ лѣсныхъ припасателей шкоды содѣвается; ибо лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинятъ кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатые; и аще и одинъ брусъ въ коемъ кораблѣ въ причинномъ мѣстѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубить; а если въ коемъ кораблѣ брусевъ десятокъ - другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ тропореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостинаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче егда военные люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ дряблага дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятели всѣхъ погубить.

На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самой добрый и здоровый зеленецъ, а кое дерево, видится аще и здорово, а отъ древности оно покраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ класть того ради что и оно непрочно; а которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, никуда негодно.

А видѣль я въ Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо неумѣть, но ломится кусьемъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое; и такого дерева ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить.

И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ бояться; потому что корабль со всѣмъ уборомъ станеть, чаю, тысячь въ сотницу, а отъ небольшихъ трапорѣховатыхъ деревъ пропадетъ, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужь еще и людей въ себѣ множество погубить.

Въ корабельное дѣло дубъ надлежитъ выбирать самый добрый зеленецъ за добрымъ свидѣтельствомъ, и видомъ бы онъ просинь а не красенъ былъ. И аще изъ такого дуба корабль будетъ сдѣланъ, го онъ угодобится желъзному: ибо и пуля фузейная не весьма его возьметъ; егда бо такой дубъ засохнетъ, то пуля и полувершка не провстъ; а въ красной дубъ пуля далече уйдетъ, а трапореховой и того глубочае пробьетъ.

И того ради который корабль изъ такого здороваго дуба сдѣланъ будетъ, то онъ трапореховатыхъ лучше двадцати кораблей; понеже онъ, первое, что пули не весьма боится; второе, что отъ трясенія

волнъ не трутится, третье, что онъ не гниётъ, но паче отъ воды жесточааетъ, и можетъ онъ жить лѣтъ пятьдесятъ или больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа и казна вся въ немъ посоренная даромъ пропадетъ.

И мнѣ ся мнить, лучше корабли дѣлать изъ здороваго сосноваго лѣса, нежели изъ дряблага дуба: дряблѣй дубъ въ сырѣмъ мѣстѣ и пяти лѣтъ не переживетъ, но весь изотмѣетъ и пропадетъ.

Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежныя, въ коихъ деньги и монеты печатаются въ большихъ стулахъ дубовыхъ, и были они только по половинѣ стула вкопаны въ землю, и тѣ стулы въ три годы всѣ пропали, и я по двѣ дубины здоровыя сплотилъ, и станы въ нихъ поставилъ, то и донинѣ стоятъ не вредны.

И вышеобъявленная въ дубовыхъ припасѣхъ дѣется пакость и отъ недознанія лѣсныхъ управителей; а иноземцы аще и видятъ, что лѣсъ худой, да они о томъ не пекутся, но токмо о томъ пекутся, чтобы имъ дѣлать, мастерскія деньги взять за работу со удовольствомъ; а добрый человекъ не сталъ бы изъ худаго лѣса и дѣлать.

Они какъ художники, такъ и служивые, ничимъ же разиствуютъ и торговые, паче пекутся о своеземцахъ, нежели объ насъ. Я чаю, что и всѣ Европскіе жители нерады нашимъ коряблямъ: имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли бѣ, а мы бѣ отъ нихъ изъ рукъ глядѣли.

И о семъ моемъ изъявленіи, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдають о мнѣ, что не на похвалбу имъ написалъ, всячески будутъ тѣтисся, како бѣ меня опроверщи.

Я ихъ множицею видалъ, что они самолюбы, а намъ во всякомъ дѣлѣ лестять, деньги манять, а насъ всякими вымыслами пригоняють къ скудости и безславію.

Егда Царскаго Величества состоялся указъ, еже дѣлать круглыя деньги мѣдныя, то никто ни изъ Русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ, не сыскался такой человекъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу соорудить; только иноземецъ Юрья Фробусъ имался, что добыть таковыхъ мастеровъ изъ за моря.

И я, видя въ томъ дѣлѣ протяжность великую, вступилъ въ то дикое время, и все то денежное дѣло установилъ, и я имъ иноземцамъ въ томъ еще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкеры никакой не было, а нынѣ нельзя ихъ не опасаться, понеже ихъ множество, и за поносное на нихъ слово не учинили бы мнѣ какой пакости.

И о непотребномъ лѣсу, къ корабельнымъ дѣламъ привозимомъ, исправить невозможно, аще нынѣшняго порядка въ припасеніи лѣсномъ неизмѣнить, и штрафа на припасателей и на отправителей не наложить.

И по моему мнѣнію видится, надлежитъ учинить, аще которые люди готовятъ тотъ припасъ въ лѣсу, то повелѣть бы съкачамъ, вошедъ въ лѣсъ, первое осмотрѣть дерево, на корнѣ стоящее, здорово ли оно есть, и буде стоитъ оно весело, и признаки въ немъ къ хворости и къ старости никакой нѣтъ, то отъ земли саженьхъ въ двухъ или выше вырубятъ иверень, и тотъ иверень высуша, освидѣтельствовать; и буде дерево здорово и зелено, и къ рубленью жестоко, и къ тесанью влзко, то свалить его съ корня и тесать по образцу, и вытесавъ, осмотреть его, все ли оно здорово, и буде нѣтъ въ немъ ни зяблины, ни иной никакой признаки хворостной, то заклеить его тому

сѣкачу. А кто у него приметъ, тому такожде осмотрить его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ какого пороку; и буде во всемъ оно здорово, то и тому пріемщику положить на немъ свое клеймо, а безъ клейма никакого дерева, ни доски, къ кораблямъ не отпускать.

А буде кое дерево съ корня свалить, и стануть его тесать, и тогда аще означится въ немъ зяблина, или дряблина, или къ тесанію будетъ кропко, и такія дерева отдавать на бочки и на иныя потребности, кромѣ корабельнаго дѣла, или тѣ лѣса жечь на смальчугу. А буде на какую потребу такой выметной лѣсъ къ корабельному украшенію, кромѣ основательныхъ дѣлъ, годенъ будетъ, то тотъ лѣсъ отпускать безъ клейма.

Подкрѣпленіе же о отправленіи корабельныхъ лѣсовъ учинить бы сице: буде кое дерево корабельное великое или малое явится у корабельнаго дѣла въ привозѣ нездоровое, и то дерево бросить не въ чотку, а чье на немъ клеймо, тому такое жъ дерево одно, или два за одно, у корабельнаго дѣла на своихъ проторяхъ поставить, а сѣкачей, кои тесали и заклеяма отдали пріемщику негодное, высѣчь батоги или и кнутомъ, дабы впрредъ такихъ негодныхъ деревъ не рубили и не тесали.

И за такимъ штрафомъ впрредъ уже такихъ негодныхъ ни рубить и ни тесать не будутъ, и къ корабельнымъ дѣламъ отпускать не стануть. А буде зеленаго дуба на корабельное дѣло набрать будетъ невозможно, то, мнѣ мнится, не почто и тратить казна въ дубовые лѣса; потому что плохой дубъ ни малымъ чѣмъ не лучше сосны, а казны въ нихъ превзвѣщающе идетъ много. Я чаю, что тою казною, колико изойдетъ на корабль дубу, сосновыхъ мочно три или четыре сдѣлать, а служить лишне бы онъ не лучше дубоваго сталъ. Дубъ трапореховой егда напьется воды, то онъ подобенъ

будеть глинь, и на ходу вельми будеть онъ тягостень; а сосновый и словый гораздо будеть легче, а и отъ трясенія волнь лучше дряблага дуба устоять.

Я чаю, что многіе люди будутъ о семъ спорить глаголя: никогда де соснѣ не быть крѣвостію противъ дуба, то и я того не пререкую, что добрый и здоровый дубъ зеленецъ пять и десять лучше сосны, а красный едва будетъ ли лучше, а которой истрепоршилъ, то тотъ хуже и ели.

Страшенъ ми сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. * Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что не полезно, умолчати. И что во изъявленіи моемъ явится неимовѣрно, то можетъ свидѣтельствомъ или пробюю разръшиться во всѣхъ девяти главахъ; паче же всѣхъ свидѣтельствъ правдолюбивое сердце да разсудитъ вся.

Еще же будучи въ Новѣгородѣ въ 710 году видѣлъ я: къ тѣмъ кораблямъ вьютъ канаты, и вьютъ ихъ изъ такой скѣредной пеньки, что коя уже никуды не годится, и свивъ, смолою засмолять, возять въ Санктпетербургъ, и отдають на корабли, и въ такихъ канатѣхъ вящшая погибель, а не надежда.

И ради таковыя пакости, мнится мнѣ: лучше во адмиралтейство принимать канаты несмоленные, то несмоленого осмотрѣть, какова въ немъ пенька, и колико въ ней кострики, и здороваяль она или гнилая, развить все то, что мочно познать, а въ смоленомъ ничего того

* Въ моемъ спискѣ этого слова нѣтъ.

не знать, и смолить бы ихъ уже освидѣтельствовать; то такіе канаты будутъ надежны.

Канаты корабельные, становые, дѣло великое и страшное: дѣлать ихъ надлежитъ изъ самой доброй и здоровой пеньки, потому еще канатъ надеженъ, то кораблю спасеніе; а еще канатъ худъ, то кораблю и людямъ въ немъ сущимъ явная погибель.

И буде нынѣ канаты изъ такой же плохой пеньки дѣлаютъ, то не по что якорей и метать въ воду, но лучше пускаться по вѣтру.

Еще же надлежитъ ми донести и изъяснить о посошной работѣ: которые присылаются съ городовъ въ Санктпетербургъ на тримѣсячную работу, такожде и во инья мѣста пришедъ, работаютъ по три мѣсяца, а работы ихъ видѣть нечего, и смотрѣть ихъ на ту работу маркатно; потому что гонять день къ вечеру, а не работу къ отдылкъ.

И еще бы и то исправить и сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно, и смѣтитъ колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъяснить, и неколикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: еще тодичное число сдѣдаете хотя въ одинъ мѣсяць, то и отпущены съ тримѣсячныя работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на Государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ дома свои.

И тѣмъ управителемъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы еще и въ одинъ мѣсяць ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дѣла,

и отпускъ бы имъ чинили. И аще такъ уставица, то крѣпко можно надѣяться, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяць обрабатывать.

И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца, а отпуска давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускъ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, стануть на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ.

И буде и не весь коего города работники, но отберутся артелью трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлають, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть весь три мѣсяцы работають; и аще тако устроится, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться.

И буде впроки тако устоятъ, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать.

И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же.

А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить, и давать по задѣлю коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлаться.

Видѣлъ я въ оружейной палатѣ при сидѣньѣ Алексѣя Александровича Курбатова: иноземецъ принесъ фузею, къ которой онъ дѣлалъ деревянное ложе гладкое, ни рѣзей, ни костей въ него не сажено, а дѣлалъ онъ тое ложе четьре мѣсяца, и на всякой мѣсяць шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублевъ на мѣсяць. А если-

бы отдать тое ложе съ договоромъ, взяли бы отъ него рубля полтора или бы сорокъ алтынкъ, и сдѣлали бы дня въ два или въ три, а не въ четыре мѣсяца; и Алексѣй Александровичъ вельми на него кричалъ и говорилъ: ложе де больше двухъ рублей не стоитъ, а пришло де оно близъ шти-десяти рублей.

Иноземцы всѣ не пекутся, чтобъ ему по скорое сдѣлать, но паче о томъ пекутся, како бы имъ по доле протянуть. Иноземцы всѣ ни о чемъ такъ не пекутся, какъ о мѣсячныхъ деньгахъ.

А и въ сборъ царскаго интереса не весьма право дѣется: ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинной правдѣ не могутъ и единья кожи цѣлыя содрати, и елико имъ нудится, токмо лоскуты содирають, и въ томъ Царскаго Величества интересу поврежденіе чинится великое; понеже хотятъ излишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою истеряли.

Ибо по торговому уставу въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повельно съ крестьянъ пошлинъ брать по пяти копеекъ съ рубля; а кто собираетъ, то съ тѣхъ вельно лозочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; итого станеть по гривнѣ съ рубля; и куды тотъ товаръ отвезутъ и продадутъ, то паки съ продажи берутъ по пяти копеекъ съ рубля; итого станеть по пятнадцати копеекъ съ рубля. Нынѣ амьсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ ни по деньгъ съ рубля не сойдется; потому что многие покупають у себя на дому, а иные покупають отъѣхавъ.

И тако первая пять копеекъ, кое было надлежало взять съ крестьянина, и пропадаеть, а тотъ купецъ продаеть тайно же, то и другая пять копеекъ пропадаеть, и тотъ вторый купецъ привезши въ свой

городъ тайно, въ свою лавку или и по инымъ раскладеть. И тако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копеекъ пропадетъ.

А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выпись на свое имя, и кто у него купить, и тотъ по той чужой выписи повесть, и буде удастся продать безошлинно, то тое выпись назадъ отвозить, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выпись о земь. И того ради многіе отпускныхъ выписей и въ книги не записываютъ.

А буде кто тайно товару своего продать не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копеекъ съ продажи, а та вся пропала; а буде кто и тайно избудеть, а откуда тотъ товаръ поднять нельзя платежной выписи не явивъ, то возьметъ платежную выпись гдѣ въ маломъ городѣ или въ сель, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копейки, а съ правдивыя продажи едва и по копейки съ рубля сойдется ли.

И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошлинь пятикопеечныхъ никому одной пятикопеечной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копейкъ съ рубля. Итого ради нельзя и быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ.

И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы посполнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольные, съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборами: «обаче ни тѣмъ поторжанными сборами» *

* У Стр. слова между злитыми пропущени.

наполниться казна можетъ, токмо людемъ трубащия великая: мѣлочной сборъ мѣлокъ онъ и есть.

Еще же къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому Великому Монарху, и на весь свѣтъ славному, и Великому Императору, собирають ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгъ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнію противенъ; понеже Царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ Государь подобенъ Богу, еже восхощетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснутися его не можетъ.

По моему мнѣнію вышепомянутые древняго устава пошлинныя многоплодныя сборы и нововымышленныя мѣлочные сборы отставить, да оставитъ единый самый Государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія уставленный, т. е. десятинный еже имать пошлыны по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынѣ.

И учинитъ бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товара взять пошлыны единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда нигдѣ не имать.

Аще кой товаръ того года и не продается, но продается въ другой годъ и въ третій, то уже съ того товара другаго платежа съ той цѣны, съ коея прежде заплачено, никогда бы ничего не имати.

И аще такъ Богъ устроитъ, то людемъ будетъ покойно, а Царскому Величеству собранія пошлиннаго, не могу надежно реши втрое, а вдвое гораздо настоящагобору будетъ больше.

Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ во оскудѣніе; потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми жъ Государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и не споры, а люди всѣ тонбуютъ: ово отъ множества служебъ, ово же за преступленіе крестнаго цѣлованія и чрезъ присягу дѣлаютъ нетвердо, деньги сборныя крадутъ, тѣмъ себя и питаютъ, и ради клятвопреступленія не спорятся имъ.

А егда службу свою отслужать, то приказные люди стануть ихъ считать, да щипать, а въ томъ отчетъ годъ или два проволочать, и тою волокитою и до конца разоряютъ ихъ.

И мнѣ мнится: лучше всякимъ служителемъ учинить указное опредѣленіе, чѣмъ имъ питаться, дабы имъ въ клятву не впадати, и питатися бы благословеннымъ кусомъ; такожде и приказнымъ людямъ надлежитъ указъ учинить, почему съ какого служителя имать, дабы всякой человекъ своимъ благословеннымъ кусомъ питался.

Сіе моему мнѣнію вельми прикро (?) что бурмистровъ и цѣловальниковъ выбрать въ службу, да ко кресту принуждають и клятвами великими заклинають, чтобъ не малому чему Государеву не коснулся, а выбираютъ въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ,* то какъ ему правда дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба добыть ему негдѣ. И тако вси въ грѣхъ впадаютъ, тѣ служители отъ нужды касаются кражъ, а другіе вѣдаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ, а ко кресту принуждають. А егда увидятъ чье похищеніе,

* У Стр. *лбедниковъ*.

то пытаются и кнутомъ бьютъ, и дома ихъ разоряютъ, и за преступленіе клятвы и на томъ свѣтъ будеть мучиться.

По моему мнѣнію: буде за всѣми служителями смотритъ и наказаніе чинить имъ, то лучше клятва оставить, а буде клятвы оставить не мочно, то наказаніе оставить, и дать его на Божій судъ.

И буде крестнаго цѣлованія не отставитъ, то надлежитъ у крестнаго цѣлованія спросить его съ запискою, чѣмъ онъ у того двѣа будучи будеть питаться, можетъ ли онъ своимъ прокормиться. И буде скажетъ, что прокормится ему нечѣмъ; то опредѣлить его кормомъ, чтобы ему было чѣмъ питатися. И буде кто за опредѣленнымъ питаніемъ сборнымъ деньгамъ коснется, то уже жестоко надлежитъ его наказать. И того ради весьма потребнѣе крестное цѣлованіе и всю клятву уставленную оставить, и учинить яко бурминтрамъ тако и цѣловальникамъ указное хлѣбопитаніе.

И по всему сему лучше мнится крестное цѣлованіе и клятву всю оставить и учинить одно наказаніе; ибо полно ему и того, что за вину свою на сѣмъ свѣтъ отлучится, а на ономъ свѣтъ будеть уже отъ тамошняго мученія свободенъ.

А въ пошлинныхъ, * видится, вельми пристойнѣе съ продаемаго товара имать единожды, ибо и съ вола едина кожа содирается; подобне и наказаніе человеку за вину надлежитъ учинить единожь, либо челоуѣче, либо Божіе.

А и о соляной продажѣ мнится мнѣ быти не весьма дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ Царскаго Величества, но вельми пристойнѣе быти ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто продажныя прибыли поло-

* У Стр. Въ *пошлинныхъ*.

жить на всякой пудъ, коя пойдетъ въ продажу, пошрины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ, и гдѣ въ какову цѣну ни купится, хотя гдѣ въ алтынъ или въ грошъ пудъ, обаче имать съ нее по гривнѣ съ пуда или больше или меньше, по колику Его Императорское Величество новолить имать съ пуда. И братъ бы ту пошрина на кормлю,* откуда она въ развозку пойдетъ. То со всякія ладьи (?) сойдетъ пошрины по десяти тысячъ рублевъ или больше, такожде и съ бузуну и съ поморки. И гдѣ бы былъ ея пудъ по копейкѣ, а пошрину единаче имать съ пуда по опредѣленію уставленному, и всякому купцу давать изъ таможни ярлыки свободные, чтобъ ему не токмо въ городѣхъ, но и въ деревняхъ Рускихъ, и иноземскихъ, и въ зарубежныхъ, продавать свободно, и пошрины съ нея нигдѣ никакой не имать. Тотъ сборъ всегда будетъ цѣль: ни вода его не потопитъ, ни огонь пакости тому сбору не учинитъ; и буде гдѣ соль потонетъ или сторитъ, а Царской казнѣ ни малаго помѣшательства не учинитъ.

И аще соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людей будутъ отъ нея кормиться благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ; понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питатися. И аще соль нынѣшняго и дешевле будетъ; обаче многіе люди и разбогачьютъ отъ нея; люди отъ бессолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ.

А нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцынжаютъ и умираютъ; и отъ задержанія соли во иныхъ мѣстѣхъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой бессолицы напрасно люди помираютъ.

* У Стр. вместо этого слова пробыль. Я думаю надо на тореню.

Аще бы она не занерта была, и былъ бы торгъ ей свободный, то нигдѣ бы безъ соли не было, а въ казну бы Его Императорскаго Величества деньги бы шли чистыя съ тысячи пудъ по сту рублей, а ни бурмистровъ, ни цѣловальниковъ, ни надзирателей къ той соли не надобныбы были, ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якоря, ни иные какіе припасы, «и подвѣды подѣе ненадобны бы были, но одна бы таможня управила, и то токмо въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль, купцы рознимать будутъ.

А гдѣ ее купцы въ рознавѣску продавать будутъ, то тамъ нималаго збору не надлежитъ съ нее имать и записки уже никакой ей ненадобно кромѣ тое, откуда она поднята и въ розвозъ повезена.

А наипаче тамъ ее надлежитъ записывать на кореню, гдѣ она сварена; тамо надлежитъ двѣ записки имѣть, едина выварная а другая развозная — и о самосадкѣ тожъ чинить.

И торговые промышленники, купя се, куды похотятъ, туды и повезутъ, и хотя гдѣ какая и шкода ей будетъ, то все ихъ, а Государевъ зборъ всегда будетъ цѣль. А люди по нынѣшнему отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ, потому что торговые люди по деревнямъ сами возятъ, и не токмо на деньги продаютъ, но и на хлѣбъ и на скотину и на всячину мѣняють, и въ долгъ отдають.

А Государевы купчины и бурмистры безъ денегъ ни на одну копейку не дадутъ, а се не вездѣ ее и продають, и кому купить ее ѣхать верстъ сто иль другое иль и больша, и того ради крестьянъ, кои маломочны всѣ пропадають, и аще и многіе отъ безсолицы помирають, да никто о томъ Великому Государю не доносить,

а судьбы хотя и вѣдаютъ, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были.

И въ тѣхъ соляныхъ зборѣхъ въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ, и въ управителяхъ, и въ работникахъ, и въ надзирателяхъ, тысячь пять шесть или больше есть, а вси они будто черви точатъ тое жъ соль, и пищу себѣ приобрѣтають отъ тояжъ соли.

А если бъ та соль въ свободномъ торгу была, тобъ всѣ тѣ люди были промышленниками, и питались бы отъ своихъ трудовъ.

И о семъ мочно и сличиться, колико отъ соляной продажи приходитъ прибыли, и колико на всякія расходы расходится, и за всѣми расходы, колико чистыхъ денегъ прибыльныхъ останется, и колико пудъ въсомъ въ годъ ее въ продажу исходить; и если со всей продажи обложить* по гривнѣ съ пуда имать пошлыны, то по исчисленію пудовъ явно будетъ, колико тѣхъ гривенныхъ денегъ будетъ. Я чаю, что не меньше продажныя прибыли будетъ, а встани гораздо меньше будетъ, а люди сытѣе будутъ.

И вышеявленной съ соли пошлинный сборъ и съ прочихъ товаровъ по вышепредложенному регулу надлежитъ оставить уже недвижимымъ.

Ежебы брать пошлина всякая по вышеписанному на кореню, то всѣ тѣ сборы управить одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станетъ поднимать, и по чему онъ будетъ тутъ на торгу купленъ, или на дому у себя, или въ деревню отѣхавъ, обаче по прежнему уже пошлины утаить нельзя будетъ; почему онъ ни купить, а пошлину дастъ полную по гривнѣ съ рубля; и уже ни коими дѣлы и отбыть отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежныя выписи нельзя ему никогда того

* Все мѣсто между ← в моемъ спискѣ пропущено.

товару повезти. Того ради что аще безъ платежныя выписи куды ни поѣдетъ, то взятъ будетъ тотъ товаръ на Великаго Государя безповоротно. А буде кто и кромѣ таможенныхъ бурмистромъ и цѣловальниковъ кой не есть человекъ увидѣтъ, что везетъ кто товаръ какой безъ пошлинныхъ выписи, и поймасть его, то ему изъ того товару за поимку надлежитъ десятая доля. И такого ради страхованія никто, не объявля своего товара, ни куды не повезеть.

И егда кто товаръ будетъ ладить ко отпуску, то гдѣбъ онъ ни былъ купленъ, то объявить его тутошнему бурмистру, и бурмистру тотъ товаръ осмотрить именно; и весь тотъ товаръ вѣсомъ и счетомъ и съ цѣною написать въ выпись подлинно, такожде и у себя въ закрѣпленную тетрадь записать подлинножъ, колько коего товару, и на сколько цѣною, и колико числомъ денегъ пошлинныхъ съ него взято. Такожде и въ выписи писать именножъ, колико пошлинныхъ денегъ взято. А по прежнему отнюдь не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и деньга взятая писать именно, чтобъ всякому взятыю прямое извѣстіе было.

А буде у коего купца въ то время пошлины заплатить нечѣмъ, то въ платежъ взять порука добрая и знатная, и вмѣсто записи руки поручникамъ прикладывать въ закрѣпленной книгѣ. И кто выпись возьметъ подъ запискою, расписывались бы иманцы именно, а безъ записки и безъ росписки отнюдь бы не давали выписей.

И буде кой купецъ у подъему своего товару пошлинныхъ товаровъ и не заплатитъ, обаче въ выписяхъ того долгу недоимокъ не писать, но писать, что пошлина, толико то числомъ, взята, а долги и доимки и поручиковъ въ платежъ писать у себя имъ въ таможенныхъ книгахъ; или и закладъ брать для того

чтобъ по прежнему пошлинныхъ денегъ на переводъ не переводили.

И отпуская товаръ, кой можно пятнать, то весь тотъ товаръ перепятнать таможеннымъ пятномъ. А буде кто собереть скова быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бодрѣ выжигать цыфирными словами число рублямъ, колико за кую скотину дано рублевъ, а колико за рублями копеекъ лишку, то тѣмъ же цыфирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копейками, и выжигать такожде на правой лопаткѣ.

И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бодрѣ, а копейки на правой лопаткѣ.

И за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единая скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнанной, ни продать, ни купить; и отпуская ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно колько какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годы писать и примѣты.

А буде кто накупя скота, погонить не запятнавъ, то аще и съ выписью погонить, взять всю та скотина на Государя. И гдѣ тое скотину запятнанную на городъ или въ деревнѣ продасть, и что возьметъ сверхъ помянутой покупной цѣны, и съ того перекупу взять пошлины съ рубля по гривнѣ, а съ покупной цѣны отнюдь не имать ничего. И буде кто и купить, и купя продасть иному, хотя вскорѣ или годъ два-три спустя, то брать пошлина съ перекупки жъ, а съ первыя плаченныя цѣны отнюдь никогда не брать ничего.

И съ тѣмъ товаромъ или скотомъ въ кой городъ прїѣдутъ, и платежную выпись объявлять, и тѣмъ бурмистрамъ ту выпись вписать въ закрѣпленную книгу подлинникомъ, и товаръ осмотрить, и буде сходенъ

вельтъ продавать, и что возьметъ сверхъ покупной цѣны лишку, и съ того перекупу брать пошлны по гривнѣ съ рубля; и буде по той же цѣнѣ продасть, по чему онъ самъ купилъ, или меньше покупной цѣны продасть, то не имать съ него ничего, токмо подъячему отъ записки дать копейку.

А буде явится у вѣсчаго товару у ста пудъ лишка пуда два-три, то съ того излишняго товара взять пошлина по указу гривенная. Такожде и въ мѣрѣ, буде у ста мѣрѣ явится примѣру мѣры двѣ или три или меньше, и съ того товара излишняго взять по гривнѣжъ съ рубля.

А буде привѣсу или примѣру или причету явится больше тѣхъ мѣрѣ, то взять на Государя. А буде кто купить что тайнымъ обычаемъ безошлинно, то у купца товаръ, у продавца деньги, кои онъ взялъ за неявственной товаръ, взять на Государя, да скиня рубаху, бить ихъ обоихъ батоги нещадно, и вину ихъ, за что биты, записать въ книгу. А буде кто изъ нихъ въ другой рядъ явится въ такой же винѣ, то взять у купца товаръ, да штрафу толикоежъ число, колико за товаръ дано, а у продавца сугубо взять, да обоихъ кнудомъ бить, по сколько ударовъ уложено будетъ.

А буде продавецъ, продавъ безошлинно да принесть свою вину, и объявить, что купецъ купилъ у него безошлинно вѣдая, то продавецъ свободень будетъ отъ вины, а у купца взять тотъ товаръ на Великаго Государя со штрафомъ.

А буде же купецъ о такомъ дѣлѣ на продавца извѣститъ, то у продавца взять взятыя деньги со штрафомъ, а купецъ свободень.

А буде ни купецъ, ни продавецъ, не объявятъ, что у нихъ торгъ состоялся тайно, а со стороны кто доведеть на нихъ, то потомужъ взять деньги и товаръ

со штрафомъ, а доводчику дать изъ того товару десятая дола, а продавцу и купцу наказанье чинить выше объявленное, да на нихъ же доправить тѣ деньги, что доводчику даны будутъ.

А буде кто закупя товаръ, или и свой домашній повезеть на продажу не записавъ въ таможнѣ, и выписи не взявъ, и пошлины не запламя, или пошлину заплатилъ и выпись взята, а товаръ не запятнаной, или и запятнаной, да не весь, то запятнанный продавать, а незапятнанный взять весь на Государя.

И гдѣ на городѣ или въ селѣ таможенные цѣловальники спросятъ выписи, а у него выписи нѣтъ, или и есть, да товаръ или скоть не запятнаны, то тотъ товаръ кой не записанъ, или не запятнанъ, взять на Великаго Государя безповоротню, и колико его будетъ, записавъ, продать охочимъ людямъ, а деньги записать въ таможенный сборъ.

А буде кои бурмистры или цѣловальники, видя товаръ какой или хлѣбъ какой везуть безъ выписи или незапятнанный, а онъ не возьметъ того товара на Государя, то на тѣхъ бурмистрахъ или на цѣловальникахъ взять штрафъ сугубый, и наказаніе чинить сугубое жъ.

А которые товары собираются къ отпуску за море и въ Китай и во иныя зарубежныя страны, то и съ тѣхъ товаровъ такожде пошлина брать по гривнѣ съ рубля, на кореню жъ, откуда тому товару отпускъ будетъ, и та пошлина брать вся же сполна, а выписи давать имъ платежныя жъ, чтобъ и на порубежныхъ торгахъ съ той цѣны, съ каковыя платилъ на кореню, не брать бы ничего жъ.

А егда кой товаръ сторгуютъ иноземцы въ отвозъ за море или не за море, да за рубежъ, то вмѣсто всякихъ поборовъ взять пошлина отпускная съ кора-

белыхъ мачтъ по прежнему городскому окладу: по десяти рублевъ съ дерева, съ пеньки трепаной и со льну съ берковца по три рубли, смолы и сала по четыре рубли, съ юхоти съ берковца жъ по пяти рублевъ, или по чему мочно положить, а съ хлѣба по рублю или по полтинѣ съ берковца жъ. Такжеже и на прочіе товары, что ни будетъ разныхъ матеріаловъ, по рассмотрѣнію наложить за всякіе мѣлочныя поборы особливая отпускная пошлина, кромѣ той, что при подъемѣ того товару на кореню платили съ покупныя цѣны, а съ желѣза связнаго, кромѣ настоящія пошлины, накладныя не накладывать.

И по чему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всѣмъ купецкимъ людемъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы прикладывалибъ ту накладную пошлину къ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъину не было. А буде кто продасть товаръ свой безъ приставки тоя накладныя пошлины, то та пошлина направлена будетъ на продавцѣ сполна.

Такжеже кои товары прежде сего иноземцы покупали въ городѣхъ, или токмо съ тамошними жителями о цѣнѣ смолвились, и съ тѣхъ товаровъ по уставу брать настоящая пошлина — съ рубля по гривнѣ при отпускѣ жъ на кореню сполна.

А съ отпуску за море и за прочіе рубежи накладная пошлина имать со всѣхъ товаровъ сполна жъ по окладу безъ уятія неизмѣнно жъ. А буде кто Русской человекъ или иноземець, какимъ вымысломъ привезетъ изъ Русскихъ городовъ какой нибудь товаръ безъ платежныя выписи, то тотъ товаръ безъ всякія отговорки взять на него Великаго Государя безповоротно, и продать охочимъ людемъ, а на немъ за вину

взять протаможное на толкое жъ число, чего тотъ товаръ стоитъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде у кого отъ зарубежныя продажи останется какого товара, и похочетъ онъ тотъ товаръ продать Русскимъ людемъ, то взять съ того товару токмо съ перекупу, а накладныя пошлины уже не брать. А буде кто купивъ про себя, продасть иноземцамъ въ отпускъ за рубежи, то неотложно взять накладная пошлина по указу сполна сверхъ настоящія гривенныя пошлины съ продавца того, кой купл, продаль за рубежъ.

А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой-либо товаръ везти за рубежъ сами, то и съ тѣхъ товаровъ такожде брать пошлина накладная неизмѣнно сполна.

А и питейный сборъ, по моему мнѣнію, весьма неисправно дѣется, и отъ того Царскаго интересу много тратится: первое, что бурмистры живутъ въ тѣхъ службахъ непрочныя, но на каждый годъ переменныя; другое, что уборъ питейныхъ покосовъ плохъ, и питья держать самыя плохія; третіе, что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продають разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣеть; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство.

Нашъ Царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелить быть, тако и подобаеть тому быть неизмѣнно, и нимало ни на право, ни на льво неподвижно; яко Богъ всемъ свѣтомъ владѣеть, такъ и Царь въ своей державѣ имѣеть власть, и по Его Царской власти надлежитъ всякой власти вѣщше быть постоянной и похвальной, и чтобы, яко мѣры вездѣ равныя, и цѣнь подобаеть быти равной, никогда

не будетъ вину никакой расточки, и принимать будетъ поспѣшно и неработно: однимъ днемъ мочно бочекъ сто принять, и отдатчику будетъ спорѣе; потому что ни чановъ, ни ушатовъ, ни ковшей мазать виномъ не станеть, и никакой расточки не будетъ.

А и продажная вину цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскаго Величества. Древній обычай былъ вельми неправиленъ, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быти уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противенъ Царскаго Величества самовластію.

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единоравной и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину будетъ одина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ; потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не стануть; но куда прїѣдетъ, тутъ и купить будетъ.

А по самодержавной власти Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ сельхъ и деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко какова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ. А буде у Черкасъ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дво-

лишніе приборы по гривнѣ съ рубля вычитать имъ изъ своихъ сборовъ, и тотъ свой сборъ именно записывать бы въ книгу; и что кому выидеть гривенныхъ денегъ, записывать бы прямо. Такожде буде и цѣловальникъ кой у отъбряннаго ему на продажу питья сверхъ продажныя цѣны принесетъ излишнее, и изъ того лишняго числа давать имъ за ихъ радѣніе половина, и тѣ излишнія примѣрныя деньги въ настоящей книгѣ записывать подлинно, и что изъ нихъ дано цѣловальникамъ, тутъ же подъ статьею записывать неотложно.

И бурмистрамъ настоящее свое жалованье, кому каково обложено будетъ, имать бы имъ по вся годы самимъ изъ своихъ сборовъ, и записывать въ расходную книгу именно.

А буде имъ за жалованьемъ своимъ ходить за судьями и за расходчиками по нынѣшнему, то уже правдѣ быть нельзя: для излишнихъ расходовъ будутъ лгать.

И въ такомъ управленіи вельми питейные сборы будутъ споры, потому что и ни у чего передачи не будетъ, и истери пзлишнія никакой не будетъ же, и ничего онъ не прямо дѣлать не будетъ. И что имъ въ жалованье дастся возвратится съ лихвою; я чаю, что изъ одного припѣну выберутъ свое жалованье, а настояція питейныя деньги всѣ будутъ цѣлы, и всякое дѣло будетъ у нихъ споро и прочно.

Паки и отъ сего интереса Царскаго Величества гніеть много, что помѣщики сбору казны Его Императорскаго Величества не помогаютъ, но еще и препятіе чинять: въ коихъ пристойныхъ мѣстѣхъ по Его Императорскаго Величества указу повельно кабаки построить, и собирать бурмистрамъ и цѣловальникамъ питейную прибыль, и гдѣ уже построены были, помѣ-

щики разорили и сборы остановили. Василий Дмитриевич Корчминъ, аще добрый человекъ и Великому Государю вѣрный слуга, обаче и онъ въ сіемъ вельми погрѣшилъ: ибо въ Болонецкомъ погостѣ до его владѣнія была питейная стойка построена, и рублевъ по сту и больше на каждой годъ на ней собиралось, а нынѣ приказной его человекъ съ питьемъ въ ту стойку не пускаетъ, и въ Государевъ погребъ ставить свое питье. И отъ того у Великаго Государя рублевъ по сту и больше пропадаетъ. А нынѣ помѣщики и такіе есть, что и цѣловальниковъ бьютъ, и питья отымаютъ, и посуду разбиваютъ, и по такому ихъ озарничеству стали они быть Государю своему противники, а не слуги. Чѣмъ было имъ Государю своему радѣть, и въ собраніи казны чинить вспоможеніе, а не остановку, то они бѣдные (?) забыли, что самая истинная земля, коя и подъ нимъ самимъ, не его, но Великаго Государя, а и самъ онъ не свой, а его жъ Величества, а страха на себѣ ни малаго не имѣютъ. И такое препятствіе чинится въ мѣлкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего! Тѣ и ногою на ту землю, коя подъ временнымъ его владѣніемъ, съ питьемъ Государевымъ не пускаютъ. И въ большихъ своихъ вотчинахъ построены у нихъ свои кабаки, и называютъ ихъ кваснями, а подъ именемъ квасня продаютъ явно пиво, а вино потаенно. А питейная прибыль самый древній интересъ Царскаго Величества, а не помѣщичій. И аще все совершенно у всѣхъ помѣщиковъ самовольство ихъ отнять, и во всѣхъ вотчинахъ по пристойнымъ мѣстамъ построить кабаки, то прибыли питейныя тысячъ по сотницѣ или больше въ годъ прибудеть.

А буде же по прежнему Его Императорскаго Величества указу вино дворянамъ курить запретить, и клейменные кубы и котлы оставить, то, чаю, что по

двѣсти или по триста тысячъ рублей на каждый годъ прибудеть у питейной продажи.

А буде кто самый сильный человекъ просить будеть, чтобы квасни ихъ не разорять, и торговать бы по прежнему пивомъ имъ на себя, то повелѣтъ года на два-три посадить за питье мъ вѣрныхъ цѣловальниковъ или бурмистровъ. И что они соберутъ, то впредь мочно изъ наддачи и имъ на откупъ отдать, и брать съ нихъ откупныя деньги по договору съ торгу, а чтобы по прежнему самовольствомъ имъ своимъ владѣть отнюдь не давать; понеже подъ всѣми ими земля вѣковая Царева, а помѣщикамъ дается ради пропитанія на время. Того ради Царю и воля въ ней большая и вѣковая, а имъ меньшая и временная, и не токмо имъ питейной продажею самовольно владѣть, но и землю безъ платы не можно имъ владѣть. А буде кто похочетъ питье мъ владѣть, то тотъ да даетъ съ питейныя продажи окупъ съ вольнаго торгу, понеже прибыли суть Царскаго интереса, и того ради никому вступатись въ нее не надлежитъ. А дворяне и мѣлкя статьи многя накуря вина, въ деревняхъ своихъ продають, а иные и въ города привозять, продають, и тѣмъ питейный сборъ вельми повреждають. А если клейменье оставлено будетъ, то и продажи дворянъ винной не будетъ.

А чаю, что не худо бы и таможенныхъ бурмистровъ жалованныхъ же учинить, то чаю, что и у нихъ прибыльные сборы будуть; и всякое попеченіе положить уже на нихъ, да на магистратовъ и на земскихъ бурмистровъ; и чтобъ земскіе бурмистры надъ тѣми сборы надзирали, по окончаніи года оныхъ таможенныхъ и питейныхъ бурмистровъ, цѣловальниковъ, и считали, и расходы бы ихъ всѣ сличали, чтобы тѣмъ вѣко-

не будетъ вину никакой расточки, и принимать будетъ поспѣшно и неработно: однимъ днемъ мочно бочекъ сто принять, и отдатчику будетъ спорѣе; потому что ни чановъ, ни ушатовъ, ни ковшей мазать виномъ не станеть, и никакой расточки не будетъ.

А и продажная вина цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскаго Величества. Древній обычай былъ вельми несправильнень, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быти уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противень Царскаго Величества самовластію.

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единоравной и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину будетъ одина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ; потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не стануть; но куда прїѣдетъ, туть и купить будетъ.

А по самодержавной власти Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко какова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ. А буде у Черкасъ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дво-

колико на лице; только три статьи нужно въ ведомостяхъ писать.

И въ нынѣшнихъ ведомостяхъ бурмистры паче сбора пекутся о ведомостяхъ, да и нельзя имъ не такъ дѣлать; потому что приказные люди при-ступленіемъ на нихъ съ того спрашиваютъ, чтобы въ ведомостяхъ писали именно, колико въ недѣлю како-го питья продано, и колико какого питья въ другую недѣлю осталось, и на сколько цѣною? А егда мѣсяць пройдетъ, то паки всѣ водки сличаютъ, и въ таковыхъ ведомостяхъ бурмистры оставя дѣло, да за ведомостями трудятся. Такія ведомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не по недѣлю. Надобно то писать, въ чемъ Ему Великому Государю прибыль умножалась, а собранная казна даромъ бы не тратилась.

А буде кой бурмистръ не противъ данныя ему инструкціи учинить что, и то учинити ему штрафованіе великое и съ наказаніемъ и съ запятнаніемъ, какъ о томъ уложено будетъ.

Буде же учинитъ похищеніе Государевы казны, то аще и не смерть, а по наказанію положить ему на лице клеймо, еже быть ему при арміи вѣчно въ черной работѣ.

А и земскимъ бурмистрамъ нельзя быть безъ штрафа, дабы впредъ таковыхъ не выбирали.

А кои люди въ купечествѣ богатые, тѣхъ бы къ сборамъ въ бурмистры отнюдь не выбирали бы; но надлежитъ имъ торговать, и съ торговъ своихъ пошлины платить.

А буде у коихъ людей есть промыслы большіе, а деньгами недовольны, и ради расширенія того своего промысла востребуютъ денегъ взять изъ прибыли, то

смотря по промыслу давать сотъ по пяти-шти и по тысячъ и больше, чтобъ промыслы купецкихъ людей расширялись, и промышленники богателись.

И о такихъ дачахъ послать во всѣ города указы, чтобы торговымъ людямъ, у коихъ заводы промышленные есть, земскіе бурмистры изъ ратушь своего городныхъ людямъ на промыслъ давали бы деньги, по промыслу ихъ, смотря ста по два-три.

А буде у коихъ людей заведены заводы большіе суконные или полотняные или бумажные или стеклянные или желѣзные или иные, подобные симъ, то такимъ, буде они люди добрые, а не замоты, и промышленники прямые усердные, то для расширения промысловъ давать и по тысячъ рублевъ и больше.

И въ тѣхъ дачахъ крѣпостей у крѣпостныхъ дѣлъ не писалибъ, но записывалибъ въ закрѣпленную книгу, чтобъ никакогобъ излишняго расхода емлющимъ деньги не было, потому что онъ на деньги дастъ на всякой годъ процентъ по опредѣленію установленному; и въ тѣхъ деньгахъ иманецъ бы росписался, и подъ его рукою подписались бы поручики.

А буде дадутъ безъ разсмотрѣнія того иманца, и взятыя деньги онъ изгубить, то гибель тѣхъ денегъ взыщется не токмо на поручикахъ, но и на всемъ городѣ.

И мнится, съ большихъ промысловъ больше шести рублевъ на годъ не надлежитъ имать; потому что у большаго промыслу множество людей питатися будетъ, и то станетъ быти пополненіе царственное.

А буде кто похочетъ взять на перехватку для покупки товара на мѣсяцъ или на два или на три, то надлежитъ имать со ста рублевъ и по рублю на мѣсяцъ.

И тѣхъ прибыльныхъ денегъ ни куды бы не отсылать, только отсылатъ вѣдомости, въ коемъ году въ

которомъ городъ колико тѣхъ денегъ собрано будетъ, и тѣхъ прибыльныхъ денегъ безъ подлиннаго указу изъ камеръ коллегіи присланнаго, никуда не отдавать, но токмо отдавать ихъ на перехватку на малые мѣсяцы.

И аще изволеніе Царскаго Величества произыдетъ, что бурмистромъ быть жалованнымъ, то надлежитъ выбирать ихъ изъ среднія статьи; богатому аще дать на годъ и пять сотъ рублей, то онъ такъ не услужитъ, какъ молотчій и изо ста рублей.

Богатый аще и у сбору какого будетъ, то онъ больше попеченія будетъ имѣть о своихъ собственныхъ промыслахъ. А у кого большихъ промысловъ нѣтъ, то онъ весь тутъ будетъ, и о иномъ не будетъ много мыслить, но токмо то у него и на умъ будетъ, како бы ему управить врученное ему дѣло.

А о снисканіи питейныхъ прибылей мое мнѣніе тако жъ, ежебы во всѣхъ порядкахъ новостно учинить. Подрядчикамъ велѣть вино ставить во всѣ города неизмѣнно самое доброе, чтобы изъ трехъ золотниковъ выгоралъ цѣлый золотникъ, а просто молвить, чтобъ въ отвѣсъ третья доля выгорала а двѣ доли въ вѣскѣ оставались; а жечь однимъ запаломъ изъ вѣсовой чашки не выливая; и чтобы то вино было самое чистое, чтобъ въ хрустальномъ сосудѣ свѣлости не замутило, и запаху бѣ пригарнаго въ немъ не было.

А и винное ведро лучше поправить и сдѣлать его пространнѣе, чтобъ вина добраго входило въ него тридцать фунтовъ. И егда подрядчики къ отдачѣ вино привезутъ, и коя бочка по пробѣ будетъ годна, то прикинуть ее на вѣсъ, и послѣ порожую бочку вывѣсить, и за вывѣскою явно будетъ, колико въ коей бочкѣ вина было, и въ такомъ порядкѣ у отдачи

не будетъ вину никакой расточки, и принимать будетъ поспѣшно и неработно: однимъ днемъ мочно бочекъ сто принять, и отдатчику будетъ спорѣе; потому что ни чановъ, ни ушатовъ, ни ковшей мазать виномъ не станеть, и никакой расточки не будетъ.

А и продажная вину цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскаго Величества. Древній обычай былъ вельми несправилень, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быти уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противень Царскаго Величества самовластно.

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единоравной и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину будетъ одина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибылень; потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не стануть; но куда прїѣдетъ, тутъ и купить будетъ.

А по самодержавной власти Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко какова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ. А буде у Черкасъ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дво-

рянь и офицеровъ отнюдь, купя у нихъ вина и табаку, безъ указа въ Великороссійскіе города, ни въ села, ни въ деревни не провозили; и буде кто повезетъ вина больше ведра съ собою, то тѣхъ штрафовать великимъ штрафомъ и съ наказаніемъ.

А буде какой бурмистръ или цѣловальникъ испортитъ продажное вино, и учинить его ниже уставленныя пробы, или у подрядчика ниже пробы приметъ, то оштрафовать его великимъ штрафомъ и жестокимъ наказаніемъ.

И аще тако уставится, и нерушимо будетъ стояти, то никто ни куда вина возить съ собою не будутъ, потому что вездѣ будетъ вино равно и цѣна одна; и того ради и сборы питейныя во всѣхъ городѣхъ вельми угобзятся, и людемъ провознаго расхода будетъ меньше.

А о продажной цѣнѣ вину какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тому никто не извѣстенъ; а мнится, простаго вина ведру цѣну мочно положить, ежебы въ продажѣ быть ему по три рубля, а въ разницу по четыре алтына фунтъ; и аще гдѣ будетъ подрядъ и по полтинѣ ведру, а въ продажѣ отнюдь цѣны не сбавливать.

А для совершенныя вѣрности въ винѣ, чтобы воды не примѣшивали, у самыхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ во всѣхъ стойкахъ учинить маленькіе вѣсочки на желѣзныхъ цѣпочкахъ, чтобъ мочно было въ нихъ вина или водки, одинъ золотникъ отвѣся, выжечь, да у нихъ же бы были Ямбургскаго дѣлу хрустальныя фунтовыя или полуфунтовыя сткляночки, самыя чистыя, одна съ пробою за камерскою печатью, а другая такая жъ простая. И буде коему купцу повидится вино или водка плоха, то влѣтъ спорное вино въ по-

рожною стеклянку, и поставитъ ихъ съ тою запечатанною стеклянкою, и къ свѣту посмотреть. И буде съ тою пробною стеклянкою будетъ сходно, то нѣтъ въ ней примѣсу; а буде свѣтъ съ пробною стеклянкою не сходенъ, то примѣсь есть.

И буде тою пробю невѣрно купцу или цѣловальнику явится, то для совершеннаго вѣроятія въ вышепомянутые вѣсочки влить того спорнаго питья вѣсомъ противъ трехъ пробъ, и буде у вина выгоритъ одна проба, то нѣтъ примѣсу; а у водки буде выгоритъ двѣ пробы, а отъ выгару останется одна проба, то въ водкѣ той примѣсу нѣтъ же; а буде вѣсъ такъ не придетъ, то есть въ немъ порча.

И тако освидѣтельствованное вино или водку запечатавъ, отнести къ камериру, и за тотъ примѣсь чинить наказаніе жестокое, какое о томъ уложено будетъ. И за такимъ порядкомъ никакими дѣлы ни въ вино, ни водку воды или чего инаго будетъ не возможно примѣсить.

И аще тако устроено будетъ, то, я чаю, что тысячь ста по два-три и больше въ годъ при нынѣшнихъ сборахъ излишнія прибыли будутъ, и тоя прибыль и въ первомъ году означится, а впредъ, чаю, что и гораздо больше будетъ. А люди трезвѣе будутъ.

Я знаю, * что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле, и чтобъ пили больше, а того не рассудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ и во всякихъ дѣлахъ всякаго исправленія больше, а у промышленныхъ промыслы гораздо будутъ больше, а пьяныхъ людей и у при казныхъ все неспорно, а у мастеровыхъ людей и спрашивать нечего: токмо отъ питья люди, а наипаче отъ заморскаго, въ великое оскудѣніе приходятъ, и Царь-

* У Стр. я не знаю, т. е. я не понимаю, для чего и проч.

скому интересу препятіе немалое отъ излишняго пиянства чинится.

А что сдѣлали дворяне, еже бы имъ котлы клеймить и пошлина съ нихъ брать съ четьреведернаго котла по рублю на годъ, и донесли Его Царскому Величеству, будто отъ того приходу будетъ сбору пополненіе въ казнъ, и тѣмъ они Государя своего обогнали. Сіе мочно и всякому разумѣть, что тутъ будетъ прибыли больше, если имъ вина некурить, и судовъ винокурныхъ не было бы у нихъ и слѣду.

И тѣмъ клейменьемъ оныя дворяне вмѣсто прибыли сдѣлали Ему Великому Государю убытку тысячъ по десятку въ годъ и больше, а себѣ къ свободному винному куренію ворота отворили; ибо кто изъ нихъ заклеививъ котель дастъ съ него въ годъ рубль, а годомъ выкурить вина ведръ ста три или четьре, и буде продасть, то возьметъ за него четьре ста рублей, и тою продажею Великому Государю учинить за тотъ данный съ котла рубль убытку въ питейной продажѣ рублей сто или больше въ годъ.

И за тѣмъ клейменіемъ свободно стало быть и не заклеяенными котлами курить вино. Въ Устрицкомъ стану дворянъ сотня-мѣсто, чаю, есть; а слышалъ я отъ Устрицкаго комиссара, что въ вѣдомствѣ его клейменныхъ только три котла, а вино всѣ рядомъ курятъ по лѣсамъ, да по доламъ; а иные и по домамъ за именемъ клейменныхъ котловъ курятъ, ничего опасаясь; и отъ тоя свободности питейные сборы весьма стали быть плохи.

А если клейменье отставить, и всякому воеводѣ послать изъ города подъячаго съ солдаты и расходчика съ деньгами, и велѣть у всѣхъ дворянъ котлы и трубы обратъ на Государя, и по настоящей цѣнѣ за мѣдъ деньги заплачивать, а олово и свинець и всякую грязь

на огнь выжечь, чтобъ Великому Государю въ томъ изъяну напраснаго не было.

И взять у всѣхъ дворянъ сказки съ подкрѣпленіемъ, чтобы имъ впредь посуды винокуренной у себя отнюдь не имѣть, и созвавъ людей и крестьянъ сказать имъ явно, чтобъ люди ихъ и крестьяне всѣ вѣдали. А еже аще послѣ отбору у кого явится винокуренный кубъ или труба, то та посуда взята будетъ на Государя, да на немъ же доправлено будетъ штрафу двадцать пять рублевъ или что уложено будетъ, а на дворовыхъ его людяхъ, колико въ домъ его ни есть, за неизвѣтъ взято будетъ по пяти рублевъ на челоуѣка, а на крестьянѣхъ по два рубля съ полтиною на каждомъ челоуѣкѣ.

А буде коего дворянина дворовый челоуѣкъ или крестьянинъ, увидя у помѣщика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да шедъ извѣститъ, то дано ему будетъ дворовому челоуѣку пять рублевъ, а крестьянину полтретья рубля, да отъ помѣщика—свобода.

А для нуждъ ихъ дворянскихъ надлежитъ имъ учинить указъ, ежебы имъ брать вина ведра по два или по три на годъ, смотря по пожиткамъ или по чинамъ, по подрядной цѣнѣ, а для утечки и усышки приложить на ведро къ подрядной цѣнѣ по гривнѣ или какъ о томъ уложено будетъ.

Аще бо у дворянъ вина своего не будетъ, то и пить будутъ меньше, и по городамъ и по корчамъ развозить не стануть, и приказнымъ людямъ или мастеровымъ за работу виномъ давать не будутъ.

Я не знаю, что въ томъ благодати или что добра, что много пить или до пьяна и людей поить? По моему мнѣнію, ради здравія тѣлеснаго полно челоуѣку чарки по три или по четыре на день пить, то онъ

будетъ добръ и здоровъ, а буде ради веселія, мочно и еще толикое жъ число приложить.

А безмѣрное питіе ничего добраго не приносить, но токмо приноситъ ума порушеніе и здравіа поврежденіе, пожитковъ лишеніе и безвременную смерть. А аще кто непремолчно будетъ пить безвоздержанно, то всего себя погубить; и того ради всячески надобно потщатися, како бы пїянства изъ народа побавить.

И аще Великаго Государя изволеніе будетъ, что дворянамъ городовымъ брать вино съ кабаковъ по подрядной цѣнѣ, то надлежитъ сдѣлать имъ окладъ, по кольку ведръ коимъ чинамъ въ годъ вина брать по подрядной цѣнѣ, и тотъ окладъ написавъ, разослать по городамъ, описавъ именно, коего города въ уѣздѣ кои дворяне живутъ, и въ тѣхъ городѣхъ и по тѣмъ окладнымъ книгамъ винобы имъ по всягодъ отпускали по подрядной цѣнѣ; и буде кто похочетъ сверхъ того указнаго числа, то уже брать ему по подрядной цѣнѣ.

И ради раздачи дворянамъ вина учинить во всѣхъ городѣхъ на большихъ кабакахъ бурмистрамъ особыя записныя книги, и тое дачу записывать именно съ распискою, и со свидѣтельствомъ другихъ дворянъ, и тѣ свидѣтели къ той запискѣ во свидѣтельствѣ рукибъ прикладывали того ради, чтобы одинъ человекъ дважды не взялъ. И по окончаніи года въ концѣ той книги написать всѣхъ и прозванія по чину азбучному, чтобъ всякаго дворянина сыскать мочно было безъ замедленія, колико кой дворянинъ вина взялъ, и кто у кого были свидѣтели. И тѣ подлинныя книги отсылать въ Камеръ-Колегію. И буде явится кой дворянинъ сверхъ указнаго числа вино излишнее, * то взять на немъ штрафъ—за всякое

* Недостаетъ глагола въ обонѣ спискахъ.

ведро излишнее по двадцати по пяти рублевъ, а съ свидѣтелей по пяти рублевъ на человекъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде кой дворянинъ или и офицеръ, взявъ указанное вино и нелишнее, да кому продастъ, то взять съ него штрафъ надлежащій, а кто купилъ, и на томъ такой же штрафъ имать неотмѣнно.

А' буде кто купя вино, да донесетъ вышнему того дѣла командиру, то взять штрафъ на продавца, а купивый отъ штрафа свободенъ, и вино за доношеніе ему жъ отдать.

А буде подрядчикъ винный дворянинъ или купецкой человекъ продастъ кому вина, или въ почесть дастъ хотя приказнымъ людямъ, или въ займы ссудить кого, или приметъ у кого хлѣбъ, да высидить ему вина, то за всякое ведро взять штрафу на немъ по двадцати по пяти рублевъ, да ему жъ учинить наказаніе, какъ о томъ определено будетъ.

А водки продавать самыя низкія цѣны по шти рублевъ ведро, а фунтъ по двѣ гривны, а среднія по полуполтинѣ фунтъ, а крѣпкія аптекарскія водки, цефаликовой и апоплетиковой, коя строится въ двадцать пробъ, по полтинѣ фунтъ, а съ сахарною приправою рессолись спиртъ минли елексиръ ветерегисъ (?) и крѣпительная мастехинная (?) по двадцати алтынъ фунтъ, которая строится въ шестнадцать пробъ.

А меды вареные, чистые, кои подобны Рейнскому, продавать ведро по тридцати алтынъ фунтъ, а фунтъ по алтыну.

А малиновые меды и смородинные и прочіе, кои строится изъ ягодъ безъ вина, продавать ведро по со року алтынъ а фунтъ по четыре копейки.

А кои съ виномъ строены такіе жъ ягодные меды,

продавать по штидесять алтынъ, а фунтъ по два алтына.

А ставленныхъ бѣлыхъ медовъ продавать ведро по двадцати алтынъ, а фунтъ по двѣ копѣйки.

А пива самаго добраго и густаго продавать ведро по двадцати алтынъ а фунтъ по грошу.

А расхожаго пива ведро по пятнадцати алтынъ, а фунтъ по три деньги.

А явку пивную и медовую и бражную, мною я, что ее отставить для того, что брать ее моташливо, а варельщикамъ не безъ грѣха; потому что сварить кто четверть, и объявить только одну осьмину, а кто сварить осьмину, а явить полуосьмину. И то, стало быть, неправда и грѣхъ, и всякой челоувѣкъ колико ни явить, а варить вдвое или втрое, а явится развѣ половина; а иные и не знаютъ, чтобъ ему когда явиться.

А въ явочной запискѣ только однимъ подъячимъ покормка, а Великому Государю вельми не великъ доходъ.

А если явку отставить, то всѣ чины пиво варить и меды ставить будутъ безопасно, потому что вынимать у нихъ того питья никто не станетъ, и сваривъ, не стануть торопиться, чтобъ скорѣе выпить, но будутъ прочнѣе держать, и ради своего здравія стануть по малому числу пить, и грѣхъ тотъ минется, что лгать будетъ уже не для чего, и клятвы въ неправдѣ не будутъ чинить.

А вмѣсто тѣхъ поторжныхъ явокъ и пивныхъ пещинъ наложить пощину на хмѣль, на пудъ хмѣля по четыре рубля, а на фунтъ по гривнѣ; то уже ни богатый, ни убогий, ни самый Сенать не избудетъ того платежа: захочетъ пива, купить и хмѣль.

И за такимъ поведеніемъ всякаго званія челоувѣцы

будутъ Великому Государю плательщики, и домашняго своего варенья даромъ не будутъ пить.

И аще тако уставлено будетъ, то сторичный прибытокъ при явочныхъ пошлинахъ будетъ; потому что хотя кто четверикъ сварить, а платежъ по варенію своему положить.

И во всѣ города послать Его Императорскаго Величества указы, чтобы въ городѣхъ и въ деревняхъ бурмистры таможенные и цѣловальники указъ Его Величества вѣдали: буде кто везетъ хмѣль хотя и боярской безъ выписи, то тотъ взять на Государя безповоротно.

А буде кто привезъ хмѣль къ запискѣ, то записать его въ книгу именно, чей онъ есть, и буде продажный, то осмотрить его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ песку и инаго какого примѣсу, потаеннаго или худаго хмѣля нѣтъ ли внутри, и не сыръ ли онъ; и буде есть какая винность, то взять его на Великаго Государя безденежно.

А буде пороку никакого въ немъ нѣтъ, то взять съ него пошлину торговую съ цѣны по гривнѣ съ рубля, да накладныхъ почетыре рубля съ пуда. А буде не продажный, но везутъ его на обиходъ барской, и съ того хмѣля взять только одну пошлину накладную по четыре рубля съ пуда; а хмѣля, добръ ли или плохъ, не досматривать, но каковъ онъ есть, таковъ и отпустить; только на вѣсь привѣсить сколько его будетъ, и записавъ въ книгу дать ему для проѣзду выпись, и въ выписи писать именно, что тотъ хмѣль непродажной, а и накладная пошлина взята сполна. И буде кой хмѣль у нихъ за обиходомъ, будетъ и похотятъ его продать, тогда взять съ него одну торговую пошлину съ настоящія цѣны по гривнѣ съ рубля, кромѣ накладныхъ пошлинъ; и колико у кого бурмистра тѣхъ

накладныхъ пошлинъ соберется, записать особою статьею.

А который порочной хмѣль взять будетъ на Государя, и то взятыя записывать въ закрѣпленную книгу именно, и отдавать тѣ хмѣли на кабаки по настоящей цѣнѣ безъ накладныхъ пошлинъ.

Такожде и съ меда продажнаго брать пошлина торговая съ настоящихъ цѣны погривнѣ съ рубля; а да накладныхъ пошлинъ по сороку алтынъ съ пуда, кто везетъ про себя или про боярской обиходъ, а не на продажу, и съ того меда брать пошлина одна накладная по сороку алтынъ съ пуда, и записывать такожде въ закрѣпленную книгу, и та книга имѣть отъ купецкихъ особливая. И колико съ хмѣля и съ меда непродажнаго накладныхъ пошлинъ у коего бурмистра ни соберется, писать особливо статьею, и что соберется тѣхъ же накладныхъ пошлинъ съ купечества, и тѣ писать особливожь статьею, чтобъ было известно, колико въ годъ тѣхъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля и съ меда соберется. И весь тотъ сборъ десятинный и накладный управлять будутъ одни таможенные бурмистры.

А буде кой господинъ не похочетъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля или съ меда платить, то тотъ хмѣль и медъ имать на Государя, и имъ изъ сборныхъ денегъ тѣмъ же бурмистрамъ выдать имъ деньги по настоящей цѣнѣ, по чему въ запискѣ; у купечества только вычитать изъ тѣхъ денегъ за торговую пошлину гривенную. А буде подрядится подъ хмѣль или подъ медъ еже поставить ему про Государской обиходъ на дворець или и на кабаки, то тѣмъ подрядчикамъ дворцовымъ брать указы изъ дворца, а кабацкимъ отъ камерировъ.

И гдѣ что покупать они, тамошнимъ бурмистрамъ о-

смотреть тотъ хмѣль, не сырѣ ли онъ, и нѣтъ ли въ немъ подмѣси какой или стебеля и листу; и буде нѣтъ никакого порока, то привѣситъ его, и съ покупной цѣны взять торговая пошлина гривенную, а накладной пошлины не брать и давать ему выписъ. Такожде и медь осматривать, нѣтъ ли въ немъ худаго подмѣсу или мерлины; и буде добръ, то по тому же взять съ цѣны по гривнѣ съ рубля, а накладной пошлины не имать же, и привѣся и справяся, отпустить съ выписью; а въ выписяхъ писать именно, что оно куплено не на продажу, но на обиходъ дворцовой или кабацкой. А буде кой хмѣль или медь съ подмѣсомъ, и тотъ хмѣль или медь имать на Государя безповоротно; да на немъ же доправить штрафу толикое число, чего тотъ товаръ стоитъ. А буде кой хмѣль или медь въ таможенѣ былъ, и бурмистръ выписъ далъ, а послѣ осмотрять лавочникъ или кто ни есть, что есть подмѣсь, то взять штрафъ, кто выписъ далъ за то, что тому продавцу помирволилъ.

Въ Россіи изъначала при Великихъ Князѣхъ и при первомъ Россійскомъ Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ были дѣланы деньги изъ самаго чистаго серебра, на кости плавеннаго; чему явное свидѣтельство тѣхъ старыя деньги, и нынѣ въ мірѣ обрѣтающіяся.

А при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начали дѣлать изъ ефимочнаго серебра на кости не переплавливая. А нынѣ иноземцы приглашаютъ, чтобы и въ ефимочное серебро на дробныя деньги прилагать мѣди большую часть.

И я, аще и самый мизирный человекъ, усмотря то начинаніе, не могъ утерпѣть, ежебъ не объявить объ оныхъ что въ нихъ проку будетъ. Въ 718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъяснивъ, что

такія деньги вельми къ воровству способны, и самое денежнымъ ворахъ предводительство будетъ, и для поданія приходилъ къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщиками не могъ получить, ежебы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ кучеру Куріеву * Егору Сергѣеву, который въ домъ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу, или нѣтъ, про то не вѣмъ, ** «или самъ прочелъ, не вѣмъ.» И того ради въ сей главѣ Царскаго интереса умыслихъ изъяснити и предъявихъ о той самой Царской прибыли, которая не изъ чего родится, токмо отъ изволенія Царскаго.

И о семъ мнѣніе мое тако лежитъ, еже бы о денежномъ дѣлѣ тѣщаніе великое приложить, отъ чего Царская сокровища могутъ наполниться, и народъ пользу не малу воспріиметь.

И управить его годствуетъ твердымъ разумомъ, дабы пороку въ нихъ во вѣки не было, и чтобы никто воровски сдѣлать ихъ не могъ, и во уставленіи о томъ ни малыя бѣ измѣны не чинить, но яко столпу быть неподвижиму. И о семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми умы, а не вѣтренными, помыслить о нихъ, како бы ихъ устроить, дабы онѣ прочны и непорочны и похвальны были.

И по моему мнѣнію зрится: лучше, еже бы серебряныя деньги привести серебромъ въ древнюю чистоту, или паче, чтобъ денежнаго серебра ни въ какихъ вещахъ лучше не было.

* У Стр. только *курьеру* вѣрво *курьеру*.

** Слово въ скобкахъ у Стр. вѣтъ.

Яко у насъ въ Россіи вѣра содержитсяъ Христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическаго неимущая, тако требъ и деньгамъ Россійскимъ быть самымъ чистымъ безъ всякаго примѣса, и еже бы имъ ото всѣхъ иностранныхъ отѣннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра.

И аще Великій нашъ Монархъ Всероссійскій Императоръ изволитъ противу древнихъ нашихъ Россійскихъ денегъ чистотою или и чище дѣлать, то паки въ вѣчные роды онѣ будутъ похвальны.

Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріалу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имя Его Царскаго Величества назначено, то мы честно и опасно хранимъ. И подѣ именемъ Его Императорскаго Величества аще мѣдь, то и мѣдь подобаетъ полагати самую чистую безъ всякаго примѣса; буде же серебро, то и серебро самое жъ чистое и безпорочное и было бѣ; буде золото, то уже бы золото оно и было самое чистое и честное, чтобъ оно всѣхъ земель превозвыщало. Мое желаніе къ сему тако лежитъ, чтобъ такъ въ червонцы золото учредить, что выше солтаней его поставить, дабы на весь свѣтъ не токмо при животь сего, но и по смерти нашего Монарха имя славилось; то бы добро во всѣхъ земляхъ пачѣ салтаніи за нихъ хватались, понеже червонцы не ради торгу или пріобрѣтенія богатства, но ради самыхъ сильныхъ и прочныхъ славы Его Величества.

Видѣлъ я: Россійскіе червонцы состроены маниромъ и мастерствомъ самые честные, а существомъ уронены; ибо въ иныхъ золото плохо и въ запарку нейдетъ, а

надобно, чтобъ и въ сусальное золото годны были безъ прожиганія.

А и серебряныя деньги аще и не надлежитъ во инныя земли отпускать, обаче лучше ихъ изъ самого жъ чистаго серебра, чтобъ они противъ Царе-Ивановскихъ денежекъ чистотою были и лучше, дабы въ роды родовъ имя его и межъ поселяны славилось чистотою сребра въ деньгахъ.

И таковыя деньги надлежитъ въ торгахъ Русскихъ имѣть, за рубежи жъ отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо одни червонцы отпускать.

Подобныя и мѣдныя деньги надлежитъ дѣлать изъ чистыя мѣди безъ примѣсу серебра и безъ закрасы временной, ежебы ей снова являтися яко серебряной, послѣдижъ яко мѣдной; но надобно ихъ устроить, якова коя изъ дѣла выдетъ, такова бѣ и во вѣки вѣковъ была неизмѣнна.

А дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдныя деньги мочно дѣлать гривенники вѣсомъ по золотнику, алтынники по полужолотнику. а копейки по четверти золотника.

И аще кто речеть ми: для чего въ добрыхъ копейкахъ золотникъ къ мѣди пойдетъ по четыре копейки, а въ алтынникахъ по шти копеекъ, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ?

Отвѣтствую: мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдъ дорога, но дорого Его Царское именованіе. Того ради мы не вѣсь въ нихъ числимъ, но считаемъ начертаніе на ней.

Есть перваго выхода денежки вѣсомъ по полтора золотника; то она аще вѣсомъ и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдетъ. А на коей цѣвѣ золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за

гривну ходить будетъ. И по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсь имѣеть силу, но Царская воля.

У иноземцовъ короли такой власти не имѣють яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей воль что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числять, а королевскую персону полагають на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цата имѣеть въ себя толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себя силу имѣють, но по купеческой цѣнѣ.

И тыи иноземцы хошутъ то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара, того ради прилагають въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стояла матеріаломъ своимъ того, за колико ей ходить. И мнѣ ся мнить, той ихъ совѣтъ вельми намъ непріятенъ, непристойенъ; понеже у насъ самый властительный и всецѣльный Монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ. И того ради мы не серебро почитаемъ ниже мѣдъ цѣннымъ, но намъ честно и сильно именованіе Его Императорскаго Величества; у насъ толь сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повелѣлъ на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, тобы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно.

А въ тѣхъ сумѣсныхъ деньгахъ первый главный и несносный намъ вѣрнымъ Его Императорскаго Величества рабомъ порокъ, еже по цѣнѣ въ деньгахъ товару снизить Его Величества именованіе.

Другой въ нихъ будетъ, еже вложенное въ нихъ серебро ни за что погибнетъ.

Третій порокъ, что воровскимъ деньгамъ будетъ великаго предводительство, еже уже и явилось.

Въ деньгахъ такъ надобно ухитрить, чтобъ онѣ не токмо Царскому Величеству, но и всему бѣ народу полезны были, и чтобъ никто воровски сдѣлать ихъ не могъ. Намъ всѣмъ надобно вымышлять и стараться о томъ, како бы воровство и всякія неправды изъ народу истребити, и правда насадить, и всякое пореченіе отъ Россійскаго народа отлучить.

И тѣ вышепомянутыя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажно и воровскія появились. И я * ихъ въ томъ году двѣ копейки, да алтынникъ воровской, увидѣлъ, и, взявъ ихъ къ себѣ, доношеніе о нихъ написалъ, и по два дня ходилъ я къ Господину Алексію Васильевичу Макарову и получить не могъ, еже бы то доношеніе вручить ему; понеже въ то время походъ былъ Царскаго Величества въ Заонежье къ лекарственнымъ водамъ. И я видя то, съѣхалъ въ Новгородъ, и за тѣмъ то доношеніе замотчалось.

И аще тѣ съ примѣсомъ серебра деньги неизмѣнятся, то весьма воровства много въ народѣ будетъ; а если отъ воровства убѣжать и прибыли въ деньгахъ поискать, то мочно дѣлать изъ самыя чистыя мѣди легкія.

И аще Его Императорскаго Величества изволеніе сицевое будетъ, ежебѣ ради пополненія казны и ради всенародныя пользы дѣлать изъ золотника мѣди по 4 копейки, то изъ фунта булетъ ихъ три рубля 28 алтынъ, а изъ пуда 153 рубля 20 алтынъ; а алтынниковъ по два изъ золотника дѣлать, то изъ фунта ихъ будетъ 5 рублей 25 алтынъ съ копейкой, а изъ пуда выйдеть ихъ 230 рублей 4 гривны; а гривенниковъ по одному изъ золотника, то изъ фун-

* У Стр. *присмотря.*

та будетъ ихъ 9 рублевъ 20 алтынъ, а изъ пуда будетъ ихъ 384 рубль.

И потому развѣсу еще пудъ мѣди передѣлать въ копейки, то прибыли у пуда будетъ 140 рублевъ.

А алтынниковъ у пуда будетъ прибыли 220 рублевъ, а у пуда же гривенниковъ прибыли будетъ 370 рублевъ; и въ годъ если мѣди передѣлать 15000 пудъ и въ томъ числѣ 5000 пудъ передѣлать въ копейки, то прибыли у нихъ въ годъ будетъ 70000 рублевъ.

А алтынники если передѣлать 3000 пудъ, то прибыли будетъ 66000 пудъ.

А въ гривенники если передѣлать 2000 пудъ, то будетъ у нихъ прибыли 37000 рублевъ, и всего у 10000 пудъ мѣди за всеми расходы будетъ прибыли 184000 рублевъ.

И ради истребленія воровства прежнія мѣдныя деньги надлежитъ всѣ передѣлать въ такіяжъ деньги, то сверхъ прежнія прибыли будетъ и отъ нихъ приплоду милліона три-четыре или больше. А если старыхъ не передѣлать, то и воровства изъ нихъ не искоренить; понеже много явилось въ нихъ отливныхъ.

И буде ихъ не окончить, то и впредь отливать ихъ будутъ, а сихъ новыхъ денегъ ни отлить, ни запечатать воровски будетъ невозможно.

Къ сему же еще и сребренныя всѣ старыя дробныя копейки переплавить на костяхъ на сухо, и передѣлать ихъ въ полтины и рублевныя монеты, то и у нихъ прибыли будетъ не малое число.

И мое мнѣніе лежитъ не о однихъ токмо деньгахъ, но всякая вещь коя носитъ на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной.

Того бо ради и о винѣ предъявить, еже бы держать и продавать на кружечныхъ дворяхъ самое чи-

стое и честное вино, чтобы въ домѣхъ мало такого обрѣталось. Такжеже и прочія питья, кои подѣ именемъ Царскимъ, были бѣ самыя добрыя, несравненно съ домовыми питьями вкусомъ и чистотою, и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя, и ни малыя бы гнустности въ нихъ бы не было; потому что всѣ питейныя продажи носятъ на себѣ имя Царское. И по такому наименованію надлежитъ ему быть честну, а не безчестну, и людямъ упившимся было бы въ нихъ охраненіе, а грабленія при нихъ не было бы. А у насъ все сіе противно дѣется. И при кабакахъ зерщиковъ отнюдь не надобно, кромѣ караульщиковъ и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая. А буде кой офицеръ или солдатъ, выпивъ питье, да сосудъ броситъ о зѣмлю и разобьетъ, то таковыхъ надлежитъ штрафовать съ нескуднымъ наказаніемъ, чтобъ такого дому питейному руганія и обиды не чинили.

Также надобно кабаки устроить: буде кто путемъ идучи днемъ или ночью, что до кабака дошелъ, то уже бы безпечаленъ былъ.

И еще и товаръ какой случится Царской, то и товару тому надлежитъ быть лучше прочихъ товаровъ; и еще кой товаръ лучше простолюдиннаго не будетъ, то не надобно его и нарицать Царскимъ, но такіе товары держать имъ купецкимъ людямъ, а не Царю.

Царь-судья и подобенъ онъ Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя Царское отъ мірскихъ нельзя быть неотвѣтныи; ибо и въ судѣ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну— всѣмъ судъ единъ; и то сталъ быть судъ Божій.

И еще денежное дѣло серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ обновится, комуужь и таможенные сборы и питейная продажа измѣнится, то, я чаю, что на самую малую мѣру милліона по три и по четыре на годъ

сверхъ нынѣшнихъ настоящихъ сборовъ приходитъ
будеть.

А аще вся вышесказанная дѣла исправятся, и утвердятся, то я крѣпко на Божию милость надежеть, что Его Императорскому Величеству на каждой годъ миллионовъ по пяти-шти и больше сверхъ нынѣшнихъ сборовъ приходитъ будетъ.

И аще Его Царскаго Величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло, произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлахъ, и о крестьянствѣ, и о не трудномъ умноженіи и собраніи казны Его Царскаго Величества, то я, за помощію Божіею, безъ сумнѣнія могу рещи, еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ; и не токмо Царскія сокровища наполнятся, но и вси жители Россійстии обогатятся и прославятся; и аще и военное дѣло возобновится, то не токмо единою славою прославятся, но и страшны всѣмъ окрестнымъ государствомъ будутъ. Аминь.

И сія мнѣнія моего изъяснительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и неискренности, и о насаженіи прямиа правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ; вся написахъ не обинуяся, и предлагаю на разсужденіе единого высокопарнаго блага орла, явнаго правдолюбца, Императора Всероссийскаго, Петра Великаго, истиннаго Самодержца, и столпа незыблемаго. О семъ же свидѣтель

ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалися во мнѣ, еже никакая нужда пресъщи не могла. Ибо аще и невелика сіа книжица, обаче едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократнѣо переписывалъ ю, обаче ни отъ кого не видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народъ не произнеслося сіе мое предложеніе.

И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды; понеже писахъ, не слагая имъ.

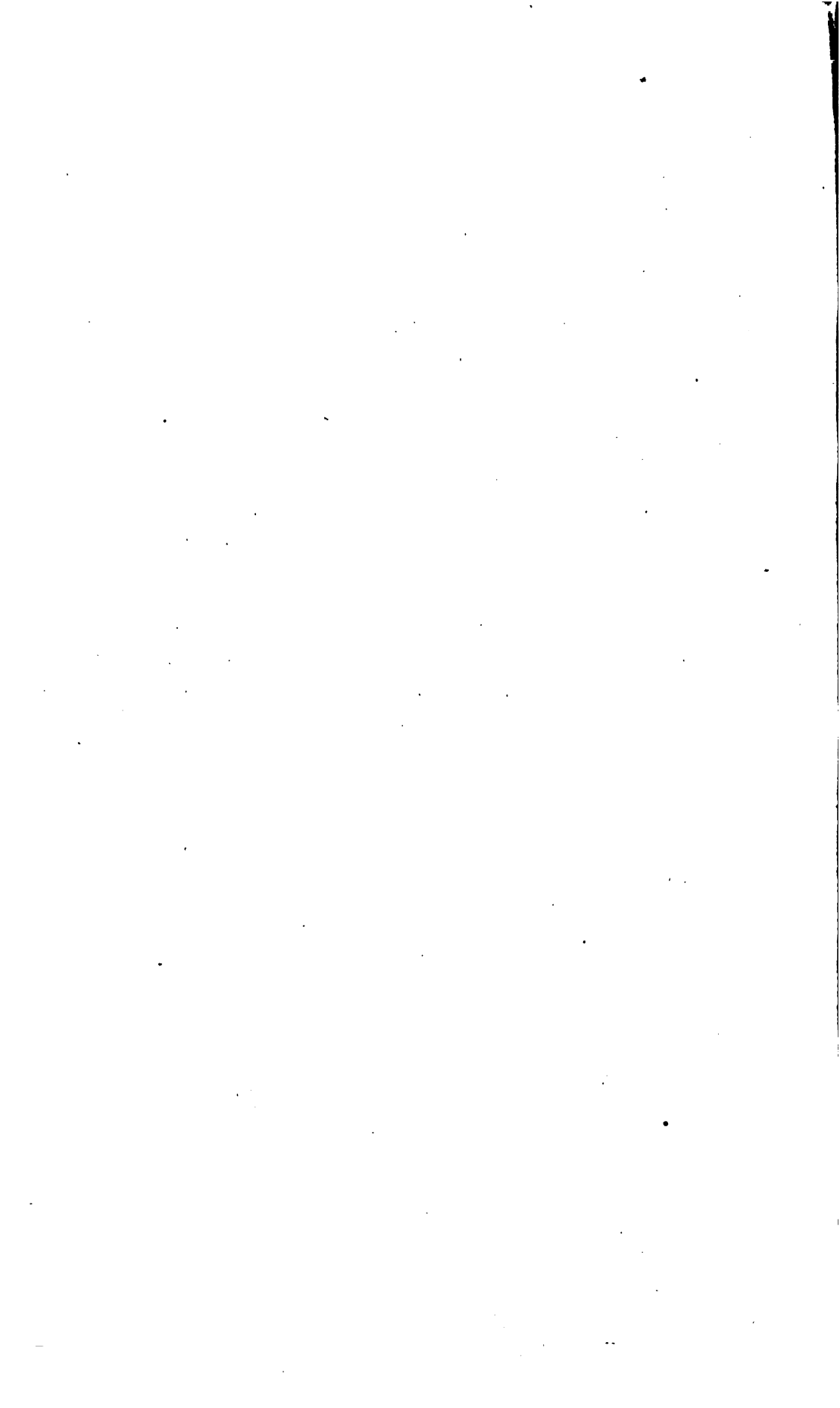
Паче же да будетъ воля Божія и твоя превысокая Царская воля во мнѣ. Аминь.

Яко аще кто восхощетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуеть, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

*Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичищъ,
правды же всеусердный желатель, **ИВАНЪ**
ПОСОШКОВЪ, утаенно отъ зрѣнія людскаго
трилѣтнимъ трудомъ восписавъ Твоему
Царскому Величеству предлагаю. Аминь.*

Февраля 24.

1724.

О РАТНОМЪ ПОВЕДЕНИИ.

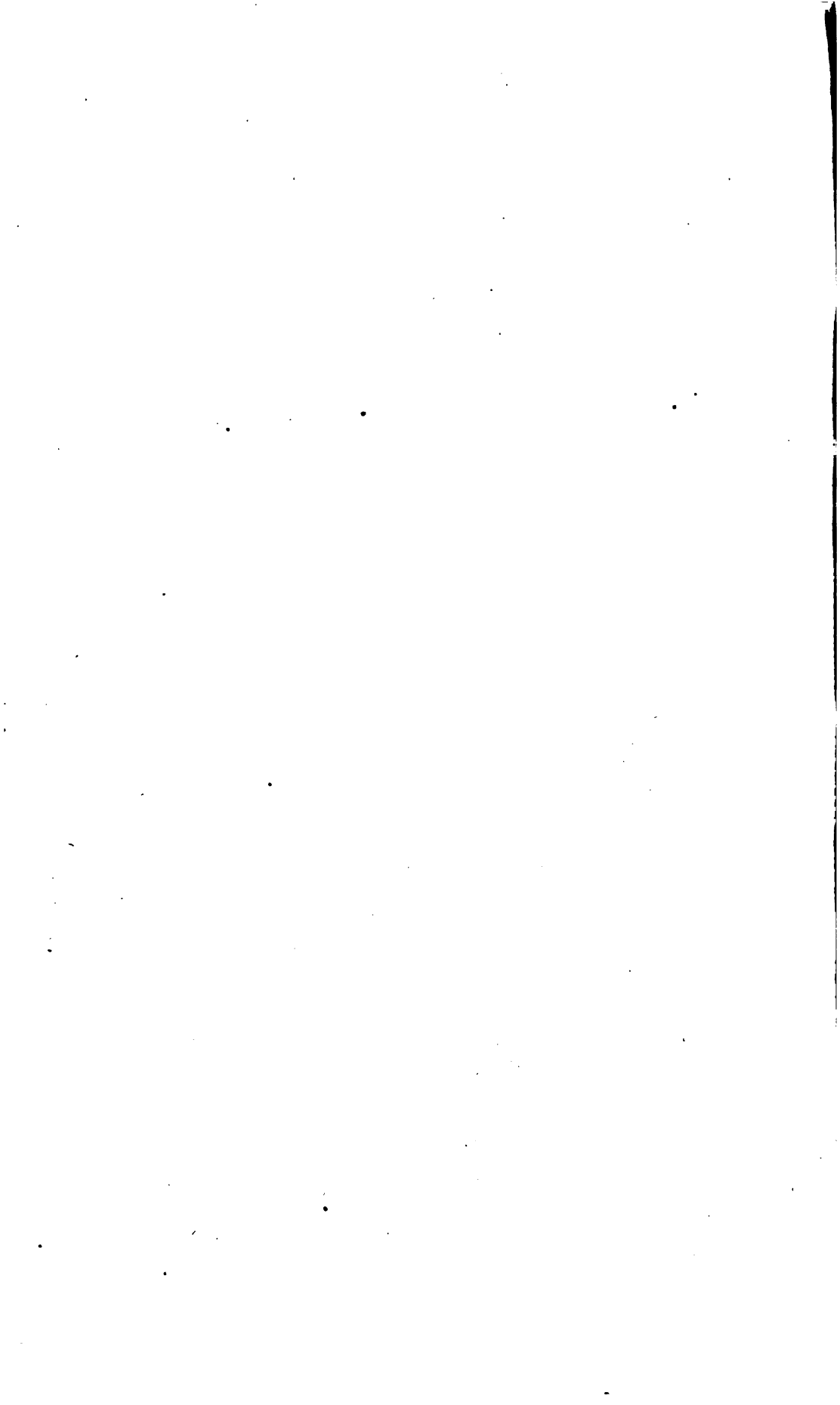
ДОНЕСЕНІЕ

БОЯРИНУ ФЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ

ГОЛОВИЦУ.

ПОДАЛЪ ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

1701 ГОДА.

Это сочиненіе Посошкова напечатано было г. Розановымъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Федору Алексѣевичу Головину. 1701 года. съ присовокупленіемъ Отческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Издвеніемъ О. Розанова. Въ Москвѣ, 1793» въ 16 лю, 123 стр.

Съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Сіе старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно: ибо показываетъ образъ мыслей, какой имѣли Русскіе минувшаго столѣтія о новыхъ въ Государствѣ нашемъ Европейскихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предразсудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Посошкова, до тактики касающіяся, несмотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Расчеты его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ снарядамъ. Въ похвалу сочинителя служить то, что онъ писалъ отъ добраго

*

сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, отъ Государевыхъ предначинаній происходившую, но не въ силахъ былъ, по непросвѣщенію своему, проникать далѣе.»

«Родительское наставленіе отправленному въ Голландію юному сыну открываетъ главныя правила въ воспитаніи соотчичей нашихъ прошедшаго вѣка; оно наполнено ученіемъ никогда не старѣющей истины.»

Въ Тройць славимаго Бога прошу о подаяніи вразумленія; твоюжь милость, Государь Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, прошу о прощеніи въ моихъ погрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ, не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возвѣщаетъ тако, что Богъ изводитъ честное и отъ недостойнаго, * якоже и древле бысть: отъ чести скверныя извелъ Богъ Сампсону въ жажду его источникъ чистыя воды. И сему примѣняющися, аще и хуждши ослия чести, обаче на волю Божию надѣющися, ** дерзнухъ и азъ нѣчто изнести о воинскомъ дѣлѣ, понеже есть жажда Великому Государю о воинскомъ дѣлѣ. И якоже Сампсону Богъ утолилъ жажду чрезъ ослию чель, и нынѣ той же Богъ, яко чрезъ сухую кость, негли и чрезъ мое непристойство и сухомысліе учинить ему Великому Государю нѣчто полезное и прохладительное; аще и младенчески вѣщаю, но Богъ можетъ.

Амалики *** копіями, и бердышами, и ножами, славы себе достунили, а огненнымъ ружьемъ и не хвалились, понеже владѣть имъ не умѣли. А нынѣшняя пѣхота наипаче прежней пѣхоты тщаніемъ и раченіемъ Великаго Государя многократно лутши изученна суть всякому шеренжному строю и скорообращательному бою. И та вышереченная прежніе пѣхоты похвала, по нашему простому разумѣнію, малая похвала; но тобъ самая добрая похвала, ежебѣ

* Такъ въ моемъ спискѣ; у Роз. неправильно: *и не отъ недостойнаго.*

** У Роз. *надѣющійся.*

** Въ моемъ спискѣ ошибка: *и малалія.*

непріятеля не допуская до рукъ своихъ поразить. И если бы, Государь, научить * хотя одинъ полкъ Преображенской, или Семеновской, или новой какой охотниковъ изъ стариковъ и изъ новиковъ выбрать изволили, тысячь пять-шесть или десятокъ собрать, и научить ихъ такимъ твердымъ стреляніемъ, чтобъ ни одинъ пули даромъ не потерялъ, но почемубъ ни похотѣлъ стрѣлить, потому бъ и попалъ.

А напорнаго ради непріятеля, нужда есть и до копей, а потомъ и до бердышей, или до обоюдниковъ, а потомъ нужда надлежитъ и до ножей.

И если воля Великаго Государя на сицовое дѣло по тщанію твоему произыдетъ, то ружье ужъ надобно доброе, чтобы въ немъ оборона была; порохъ надобно доброй же; пищамя бѣ цѣльныя были, чтобъ трудъ воинской не тунѣ погибалъ; и чтобъ пуля въ послушаніи у нихъ была, куды бѣ похотѣлъ воинъ послать ее, туды бѣ она дошла; такожде и копія были бѣ острыя, яко ножи, чтобъ никакое густое платье не одержало ихъ; и дровки бѣ у нихъ были твердыя; и присадка бѣ у нихъ была твердаяжъ чтобъ въ присадѣ копыи съ древокъ не ломались; такожде и бердыши и обоюдники были бѣ острые, а не якожь прежде бывшіе, что и одного кафтана просычь не могли; такожде и ножи были бѣ самыя острые, и концы самыя жъ у нихъ острые были, и въ черенахъ бы они были твердые, и черенье бы у нихъ было толстое съ костылями или съ какимъ инымъ препятіемъ, чтобъ во время нужды руки у себя не обрзать.

Худъ тотъ холопъ, кой воли господа своего не творить; такожде худо то и ружье, въ коемъ обороны нѣтъ. По нашему зрится въ воинскомъ дѣлѣ то и первое дѣло, чтобъ ружье было доброе, а къ ружью ужъ надоб-

* У Роз *если бы Государь научилъ.*

но и воинъ доброй; а если ружье недѣйствительно, то воину нечего храбростію своею безъ ружья дѣлать.

Сіе, Государь, всѣмъ зримо, что въ нынѣшней Ругодѣвскую * войну, сказываютъ. Преображенскіе и Семеновскіе солдаты что выстрѣлили зарядовъ по 20 и больши, а убитыхъ Шведовъ мало явилось. Хотя бѣ они въ 50 выстрѣлахъ по одному человѣку убили, тобѣ славна побѣда была; а то, Богъ вѣсть, работы людской и истраты казнѣ много было, а дѣла мало.

А если бы и по одному заряду выстрѣлили, да всякой бы убилъ, то бы и всѣхъ на голову побили; а мнѣ, Государь Федоръ Алексѣевичъ, въ разумъ вмѣстить немочно, что въ томъ за польза, что много огня, а убою ничего нѣтъ, лише свинцу и пороху истеря даровая, а солдатамъ лишняя работа.

По моему, Государь, мнѣнію, дружная стрѣльба только что красиво смотреть, ** а непріятелю нестрашна она; а цѣльная стрѣльба хотя некрасива стрѣльбою, только непріятелю страшна будетъ, и казна Великаго Государя спорабѣ была а солдатамъ покойно.

И естли сіе мое изреченіе Великому Государю будетъ угодно, и быть сему позволигъ, то мнится мнѣ, что и жалованье умбющимъ солдатамъ учинить разное. Кой умѣть будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бѣ по рублю или по два, при прежнемъ жалованьѣ прибавить. А кой по шапкѣ жѣ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижимой, и никогда жѣ не грѣшить, и такому и передъ тѣмъ прибавка жѣ бы учинить: а кой по малой цѣли, якобѣ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и тому наипаче вящее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую

* Въ Роз. сп. не правильно: *Ругодѣвскую*.

** Въ моемъ сп. кажется неправильно: *смотреть*.

цѣль въ подвижную будетъ бить безъизмѣнно, и таковому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ревновали и въ наученіи подвижались.

И если Великій Государь изволитъ сицевымъ подобіемъ жалованье расположить, то многіе будутъ учиться стрѣлять и своимъ порохомъ; и начальнымъ людемъ по дружбѣ нельзя никого въ большой окладъ справить; всякому будетъ достойное жалованье по его умѣнію; и если довольное жалованье добрымъ мастерамъ учинено будетъ, то, чаю, что и съ воли многіе, кои ружьемъ владѣютъ, въ солдатской чинъ и изъ добрыхъ домовъ пойдутъ.

И если такихъ удалыхъ стрѣльцовъ тысячь десятковъ человекъ собрать, и научить ихъ скорообращательному строю, то чаю, что та 10 тысячь лучше 50 тысячь у дѣла будутъ: тобъ нашему Великому Государю самая достохвальная слава и радостная война была, что малыми людьми многолюднаго непріятеля побѣждалъ.

Дружное, Государь, стрѣлянне хотя и красиво зрится, а какъ строй непріятель сомнетъ, то и умѣние дружные стрѣльбы бросить; а цѣльнаго стрѣлянна никогда непріятель отнять не можетъ, потому, хотя человекъ пять-шесть гдѣ захватятъ, и тѣхъ даромъ взять не возмогутъ.

А кои стрѣлять въ цѣль не умѣютъ, и тѣмъ лучши владѣть копьями и инымъ студенымъ ружьемъ: кто чему гораздъ, тому тѣмъ хорошо и владѣть.

Такожде если бы Великій Государь изволилъ и конницу учинить огнестрѣльную такую, чтобъ скачучи на кони прыткостію, по цѣли били изъ длиннаго ружья саженьхъ въ 20, а изъ пистолей въ 5 саженьхъ. И если Великій Государь наградить довольнымъ жало-

ваньемъ, по разсмотрѣнію коегождо умѣнія, то многіе изъ домовъ боярскихъ и сытые люди пойдутъ въ конской строй, и изъ иныхъ изо всякихъ чиновъ тшчатися въ такіе драгуны будутъ. И если такихъ удалцовъ собрать хотя одна тысяча, чтобъ ни единый изъ длиннаго ружья и изъ пистолей никогда не грѣшилъ, и такаябъ тысяча замѣнила паче 10 тысячъ.

А у насъ, Государь, въ Руси обрѣтаются такіе стрѣльцы въ Низовыхъ городѣхъ и въ Сибирскихъ странахъ, что скачючи на кони, изъ длиннаго ружья въ цѣль бьютъ и заряжаютъ; только пистольнаго стрѣлянія не знаютъ. И если такихъ стрѣльцовъ конныхъ научить и пистольной стрѣльбѣ и шереношному строенію, то комубъ такая конница нестрашна была!

И если бы Богъ изволилъ и Великій Государь съ сичевымъ умѣніемъ пѣхотные и конные полки построилъ, то Богъ вѣсть, ктобъ могъ противъ его Велико-го Государя стоять.

Да къ тому если бы еще научились и изъ пушекъ стрѣлять въ цѣль же, чтобъ почему захотѣли, потому бъ и били безъ погрѣшенія, тобъ страшны Русскіе люди всѣмъ окрестнымъ Государствамъ были. А буде Государь, въ Руси такова челоувка не изыщется, кой бы могъ пушечную стрѣльбу устроить, чтобъ даромъ пули не пропадали, инъ хотябъ великою цѣною изъ тѣхъ земель мастеровъ добыть, въ коихъ таковыя обрѣтаются, что по одному челоувку умѣютъ убить, и пушкѣ въ дуло вбиваютъ. (?)

Да къ тому, если бъ Великій Государь изволилъ рогатки подѣлать на колесахъ съ огненнымъ боемъ, чтобъ мочно съ ними наступать и отводомъ итти безъ трудности. И если рогаточную стрѣльбу управить по намѣренію моему, то чаялъ бы я, за помощію Божию, защитить въ нихъ отъ непріятелей великой быть, пото-

му, естли по слову Великаго Государя, якожь ми прошлаго году въ Преображенскомъ на сержантскомъ дворѣ изъ своихъ Царскихъ устъ изрекъ, чтобъ здѣлать рогатки огнестрѣльные въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пищаль, обращающейся на всѣ стороны, самыя цѣльныя съ замками, чтобъ непріятеля встрѣтить мочно было сажень за сто и больши, или въ погоню заными сгрѣлить. И потому его Государскому словеси нынѣ для примѣру маленькую деревянную рогатку я сдѣлалъ. И буде поволитъ тотъ образчикъ Великому Государю объявить, и если тѣмъ образцомъ Великій Государь укажетъ рогатки двѣ-три сдѣлать совершенныя, какъ имъ доведется быть, и на тѣ рогатки, зря, мочно всю силу въ нихъ познать, коль онѣ скоропоспѣшны къ стрѣльбѣ, и коль тяжелы на походѣ, и что за ними дѣла, то всѣмъ будетъ явно.

Дѣложъ въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть заправить стволы пулями или желѣзными жеребьями, и поставить ихъ на причинныхъ мѣстѣхъ и устроить ихъ, чтобъ стояли стволы въ груди челоуѣку, и запалить верхней рядъ въ то время, какъ непріятель будетъ въ 50 или въ 40 саженьяхъ отъ рогатокъ, чтобъ ружью мочно взять, * и пулибъ даромъ не пропадали.

И буде непріятель будетъ напорень, и черезъ побитыхъ персдовыхъ людей станеть выправливаться, и въ то время запалить другой запасъ.

И буде заупрямятся и начнутъ еще справливаться, и тогда запалить изъ третьяго ряду; а въ то время поспѣютъ первой рядъ паки заправить, и къ стрѣльбѣ уготовить.

И буде и еще непріятель будетъ нартитца, то хотя до десяти разовъ, или и больше, то мочно од-

* Въ моемъ сп: *чтобъ ружье мочно взяло.*

ною рогаточною стрельбою непріятеля отъ обозу отбивать.

А буде непріятелю рогаточная стрельба не понравится и поворотить прочь, и того ради доведетца изъ затинныхъ пицалей въ погоню за ними стрѣлять: и како я мышлю, и естли бы тако и на дѣль было, тобъ отъ однихъ рогатокъ велико на непріятеля поражение было.

И естли бы вся сія тако устроишася, да къ тому же естли бы Богъ способъ далъ доброй, тобъ дивная война была, и на весь свѣтъ славна бѣ Русь была.

Еще же и сіе изреку, егда лучитца на приступѣ градскомъ быть и изъ шанцовъ стрѣлять, то что поможетъ дружное стрѣляніе? Съ тѣмъ множествомъ стрѣлянія ни чесо же вредитъ; но въ шанцахъ нужда мнитца быти до самаго умѣнія стрѣляльнаго. Такіе надобно умѣльцы, чтобъ человекъ лишь бы въ окошко глянулъ, или межъ зубцовъ мелькнулъ, анъ его надобно и убить, и какъ кто въ цѣль стрѣлять не умѣетъ, тому въ шанцы и ходить не для чего.

Зачто въ шанцахъ вылазные непріятели много побиваютъ? Явѣ за то, что стрѣлять въ цѣль ошанцовавшіеся не умѣютъ; и хотя и много стрѣляютъ, да не попадаютъ и лише себѣ трудъ чинять, а непріятель съчетъ и рубить даромъ.

А естли бы такіе были умѣльцы, чтобъ всякая пуля въ человекъ посажена была, а мимо бѣ ни кто никогда не могъ стрѣлять, то чтобъ вылазка шкоды сидящимъ въ шанцахъ починила! Только бѣ сами пропали, чтобъ и назадъ ихъ не упустили.

Такожде и на отводныхъ караулѣхъ что пользуется пицаль, аще не умѣетъ цѣльно въ человекъ изъ нее понасть? Развѣ только вѣсть полку понасть, а самъ пропадетъ даромъ, а умѣющій стрѣлецъ и на отвол-

номъ караулъ хотящаго его скрасть убѣтъ, и даромъ не пропадетъ, но голову на голову смѣняетъ.

Еще же и сего нужнѣе умнѣе стрѣляльное на водяномъ бою: по тому корабль на морѣ покойно стоять никогда не можетъ, но всегда онъ шатается; такожде и мѣлкія суды за колебаніе морское стояти неподвижно не могутъ; и въ морскомъ воеваніи что успѣтъ дружная, а не цѣльная стрѣльба? Мнѣ, Государь, сіе тако размышляется, что на морѣ надобно самыя удалыя стрѣльцы, чтобъ могли съ руки въ подвижную цѣль бить безъ облышки; а естли не такъ, то не какъ на морѣ воевать. Я истинно, Государь, не помалю дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учать все насъ неправдою.

Мнѣ, Государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; * а праведноль я сумняюся или блазняюся, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣльхъ себя они и свою братію хранять, и возносить, а насъ ни вочто вмѣняютъ.

И тому ихъ торговому содружію примѣняяся, мнѣни ми приходитъ такое, что диво тако, да не компанствамилижъ они и войну чинять, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самою истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегдабъ въ поношеніи были, и всегдабъ ихъ за господь себѣ имѣли.

И естли, Государь, война правится компанствамижъ ихъ, то вельми надобно ихъ бояться, дабы горши прошлогодняго вреду впредь сего не починили. Въ-

* Въ моемъ сп. о иноземцахъ.

рить имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброты, того ради и учению ихъ не вельми надобно вѣрить. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки.

А за благодатию Божіею у Великаго Государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе * науками, а наши острою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно.

Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрять. Диражъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Рускіе люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца къ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много, и коихъ мало. ** Также пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь подобались и коихъ залишкомъ. И кои ихъ товары подобались, тѣхъ они и вывезутъ; а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ.

А наши бѣдные къ городу прїѣдутъ съ товарами, и прїѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колько есть; и станеть у него торговать самою цѣною малою, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и многоль коихъ товаровъ пасено, знаютъ же.

* Въ моемъ сп. *ушлое*. ** У Роз. *ниже*.

И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а Русскіе люди жили изъ себя изрываютъ.

А естли бы почты иноземской не было, тобъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не зналижъ бы, и торгъ бы былъ безъ обиды.

Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублевъ, и то почитаютъ Великому Государю въ прибыль, а въ то мѣсто изъяну чинять на многія тысячи.

Наипачежъ того, что, чаю, всякія вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и естли совершенно вѣсти всякія, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то что по сту рублевъ, ни по сту тысячъ не доведетца за почту брать.

Мнѣ, Государь, мнитца, что лучшебъ та дыра загородить накрѣпко; а крѣпче того не лзя, что почта, буде мочно, то отставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздакомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносились.

Еще, Государь, предлагаю предъ очи твои примѣръ о ратныхъ дѣлахъ на пополненіе вышеписанныхъ рѣчей, со исчисленіемъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и оружейнаго расхода.

Простой, Государь, пѣхотѣ денежнаго жалованья, на примѣръ, положить хотя по 10 рублевъ на годъ, хлѣба по 10 четвертей на человѣка, подъемныхъ по 3 рубли; если собрать той статьи пѣхоты 50 тысячъ, то надобно имъ денегъ на жалованье 500 тысячъ рублевъ; хлѣбъ, если положить по полтинѣ четверть, и того будетъ 250 тысячъ рублевъ; подъемныхъ 150 тысячъ рублевъ.

И всего имется имъ денежного и хлѣбнаго жалованья годового 750 тысячъ рублей, да подъемныхъ 150 тысячъ рублей; обоего 900 тысячъ рублей.

Имъ же ружья надобно всякому солдату: по пищаль — и если всякая пищаль положить по два рубли, и того будетъ 100 тысячъ рублей; богинеты хотя по полтинъ, и того 25 тысячъ рублей; пороху по 5 фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по гривнѣ, и того 25 тысячъ рублей; пулекъ по 5 же фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по алтыну, и того будетъ 7500 рублей, всего на ружья и на порохъ надобно 157,500 рублей.

Ихъ же естли кормить на службѣ Государевымъ кормомъ, и если на мѣсяць положить корму по рублю на человѣка, и на 3 мѣсяца на кормъ изойдетъ казны 150 тысячъ рублей.

И всего 50 тысячъ человѣкомъ жалованья и ружья и пороху и на 3 мѣсяца корму имется 1,207,500 рублей.

А естли, Государь, собрать самыхъ умѣтельныхъ стрѣльцовъ, чтобъ ни одинъ и въ самомъ скоростномъ стрѣляніи пули даромъ не бросилъ, и по моему, Государь, мнѣнію такихъ умѣющихъ стрѣльцовъ полно и 10 тысячъ человѣкъ, нежели вышеписанныхъ 50 тысячъ человѣкъ; и жалованья хотя по 30 рублей будетъ имъ учинено на годъ, и хлѣба хотя по 20 четвертей на человѣка, подъемныхъ хотя по 5 рублей, то Великому Государю валовыхъ вышеписанныхъ 50-ти тысячъ человекъ гораздо бѣ они прибыльнѣе были: потому изойдетъ имъ на годовое жалованье только 300 тысячъ рублей, на хлѣбъ 100 тысячъ рублей, на подъемъ 50 тысячъ рублей, и всего жалованья годового-денежного и хлѣбнаго и подъемныхъ противъ сего примѣру бу-

детъ 450 тысячъ рублей. Ружье надобно имъ доброе и цѣльное; и хотя купить пищаль по 6 рублей, и того будетъ 60 тысячъ рублей. Бердыши добрые или обоюдники, или по прежнему богинеты, положить по 20 алтынъ, и того 6 тысячъ рублей. Ножи добрые купить хотя по 2 гривны, и того будетъ 2 тысячи рублей; пороху добраго фунта по 3 на человекъ, и купить хотя по 2 гривны фунтъ и того будетъ 6 тысячъ рублей; пуль хотя по 3 фунта на человекъ, и того будетъ 900 рублей.

И того всего будетъ 74,900 рублей, а на службъ для ради ихъ удалства и для отмѣны отъ рядовыхъ солдатъ, хотя по полтора рубли на мѣсяцъ корму имъ учинить, и того на 3 мѣсяца имѣется 45 тысячъ рублей.

И всего жалованья, и ружья, и пороху, и на 3 мѣсяца корму, иметца 569,900 руб.

И какая казна довелась была дать 50 тыс. прежде бывшимъ солдатомъ, и тою казною новыхъ солдатъ, самыхъ удалыхъ, кои въ подвижную двувершковую цѣль безъ погрѣшенія будутъ бить, мочно пожаловать 20 тысячъ человекъ и слишкомъ. И тѣ, Государь, 20 тысячъ замѣнилибъ у дѣла за 100 тысячъ немьющихъ, или и за 200 тысячъ.

И естли, Государь, подлинно такихъ добрыхъ стрѣльныхъ мастеровъ 50 тысячъ собрать, да естлибъ къ нимъ прибрать самыхъ смѣлыхъ и зарывныхъ молодцовъ тысячъ съ 10 и 20, по разсмотрѣнню полководца хъ копейной службъ, да конныхъ огнестрѣльныхъ бойцовъ естлибы набралось тысячъ съ 10, лучныхъ и копейныхъ добрыхъ наѣздниковъ тысячъ съ 10 же бы, то хотя числомъ при прежнихъ наря-

дахъ и не многобъ ихъ было, а надежнѣебъ прежнихъ 300 тысячъ было съ ними воевать.

Я чаялъ бы, что за помощію Божіею Великій Государь могъ бы многія государства подъ руку свою толикимъ числомъ подклонить; только надобно къ такимъ удальцамъ удалые и полководцы и въ воинскомъ дѣлѣ искусные, чтобъ умѣли ихъ вести, и отъ лукавства непріятельскаго зналибъ ихъ блюсти, чтобъ какихъ обманомъ ихъ не погубили, и за незнаніемъ * «полководца умніе ихъ стрѣльное даромъ бы не пропало.

А кои прежніе солдаты не годятся ни къ огненной стрѣльбѣ, ни къ копейной войнѣ, и тѣмъ бы хорошо быть въ черной работѣ и у рогаточнаго наряду; а буде такихъ работныхъ солдатъ будетъ мало, то доведется, чаю, для земляной работы нарочныхъ даточныхъ изъ крестьянства взять, по работѣ смотря, на время, по коихъ мѣсть будетъ служба.

А какъ служба минется и тѣхъ крестьянъ отослать на прежніе ихъ жеребьи; а умѣющіе солдаты всегдабъ у ружья своего управлялись: чтобъ они никогда въ земляной работѣ не утрудились и томныбъ не были, но всегдабъ они были бодры и опасны, и къ бою готовы на всякой часъ.

А если утомится въ черной работѣ, то онъ день другой будетъ не вопнѣ; а стрѣляльному, Государь, мастеру надобно на всякой недѣлѣ разъ другой всякому изъ пищали своей по цѣли выстрѣлить, чтобъ рука у него къ стрѣльбѣ всегда тверда была, и ружьебъ не залсживалось; а если, Государь, и доброй мастеръ, да утрудится въ земляной работѣ, или и безъ работы, да долго не будетъ изъ ружья своего стрѣ-

* Въ моемъ спискѣ недостаетъ осьмушки съ словами, означенными —.

лять, то рука у него въ стрѣльбѣ дрогнетъ, и съ руки ужъ не таково цѣльно стрѣлять будетъ

И если бы всему сему Господь Богъ изволилъ быть, и Великій Государь приказалъ такихъ прямыхъ вонновъ себѣ избрать и научить якожь выше реклось, то хотябъ ихъ на полъ и не казисто было, обачежь не пріятелю страшныбъ были паче прежнихъ многочисленныхъ полковъ.

Я истинно, Государь, сего не могу разумѣть, что въ томъ силы или что похвалы, что многочисленны наши полки на брань изходятъ, а не пріятель малыми людьми побиваетъ и въ полонъ беретъ. И сіе, Государь, не бесчестіель наше, что во множествѣ нашемъ отъ малыхъ людей стоять не можемъ.

И аще кто речеть: нынѣшняя де Ругодевская служба учинилась злощастна отъ воли Божіей, да отъ измѣны, а не отъ плохости какой; и сіе всѣ мы разумѣемъ, что безъ воли Божіей и маленькой птички убить никому не возможно: однакожь всегда надобно чловѣку опасну и осторожну и къ ратоборству готову быть, и уборъ ополчительной надобно всегда доброй имѣть. Если же мы обороны себѣ не умѣемъ держать, то нѣчего намъ на Бога и пѣнять. Егда и самъ Богъ полководствовалъ Израильскому люду, обачежь и тогда тыи Израильтине оружія не отлагали, но острыхъ мечей на не пріятеля своего употребляли, и на защищеніе отъ не пріятеля щиты себѣ имѣли; кольмижь нынѣ намъ подобаетъ пещися о добромъ ружьѣ; и о добромъ умѣньѣ полководномъ и ратоборномъ и о всякомъ ратномъ управленьи, потому что самъ Богъ не снидетъ намъ тако помогать, яко же древль помогалъ Иисусу Навину Іерихонъ градъ разрушить ношеніемъ кіота Господня и множествомъ

трубнаго гласа, или Гедеону едиными трубами, да огненными лучами, Мадіама устрашить; а на пораженіе Мадіамлянъ и Іерихонитянъ единаче употребилижъ оружіе, кое тогда въ ратномъ дѣлѣ обрѣталось.

И по сему разумѣнію никогда безъ оружія воевать не возможно.

Къ семужъ и Псаломникъ вопіетъ: препояши оружіе твое по бедръ твоей сильне; и не просто сіе пророческое слово речено, еже препояши по бедръ твоей сильне: бедрa значитъ осторожность, а сила значитъ умѣніе. И по сему явно, что воину всегда достоинъ оруженосу * и умѣтельную быть, такожде и ружье доброе и острое имѣть; и во многихъ мѣстахъ воспоминаются въ писаніи мечи обоюдные и изошренные, а не тупые: тупаго оружія ни въ каковыхъ писаніяхъ не обрѣтается, якоже прежде у насъ обрѣтались бердыши, остриемъ подобны косарю тупому, и кованы изъ простаго желѣза безъ укладу, сабли желѣзныяжъ и тупыя, что ни бердышемъ, ни саблею и платья прорубить не возможно было. А ружье, Государь, тупое непріятелю не страшно, потому что если по голому тѣлу, то обранить; обачежъ и рана отъ тупаго ружья невелика бываетъ; а если по платью ударить имъ, то лише зашибеть, а и обранить сквозь платье невозможно. А острое ружье вельми страшитъ всякого челоуѣка, потому что рана отъ него тяжела, и платье не защититъ отъ раны. Такожде и нищаль цѣльная страшна непріятелю. И по сему, Государь, о ружьѣ первое попеченіе надобно имѣть, чтобъ оно было добро и остро, и къ оборонѣ надежно; а за тѣмъ уже и безъ умѣнія нельзя быть.

И кузнецамъ указъ сказать крѣпкой, чтобъ отнюдь изъ худого желѣза ружья никакого не ковали, а на

* У Роз. *вооруженному.*

остріе клялибъ сталь или укладъ самой доброй, и остріебъ ставили на бердышахъ, и на обоюдникахъ, и на копьяхъ, противъ добраго ножеваго острія; и всякой бы мастеръ сдѣлалъ по имени своему и по прозванію клеймо, и тѣмъ бы клеймомъ всякой мастеръ свою работу и клеймилъ впредь для вѣдома, чтобъ мочно было разобрать, кое коего мастера ружье, и буде кое ружье будетъ огненное ковано не изъ самаго мягкаго желѣза, и худо проварить,* или худыя мѣста мѣдью запояеть, и отъ стрѣльбы ес разорветъ, и по клейму, хотя въ 10 лѣтъ, сыскать будетъ мочно виноватаго мастера.

А чаю, Государь, доведетца того мастера жестоко наказать, чьей работы ружье разорветъ, потому что онъ будетъ челоукоубійца. Такожле кой кузнецъ скуеть саблю, или бердынгъ, или обоюдникъ, или копье, или богинеть, или ножъ безъ укладку, или и съ укладомъ, да желѣзо положить не мягкое, и отъ того онъ переломитца, или въ присадѣ не твердо будетъ, и съ ратовища сломитца, или изъ черсна выломитца, и тому доведетца запрещеніе какое положить, чтобъ всѣ того опасны были.

А принимать бы всякое ружье съ опыту и за вѣрнымъ свидѣтельствомъ И кой дозорщикъ кое ружье будетъ досматривать, и на томъ бы ружьѣ положилъ онъ свое дозорное клеймо, чтобъ знать было, коего ружья кой дозорщикъ достовѣривалъ. И если въ чьемъ дозорѣ явится какаа винность, и за то и дозорщику запрещеніежъ бы какое положить.

Намъ, Государь, не то что нынѣшняя Ругодевская служба не полезна, но и предками своими похвалитца намъ не возможно: и всѣмъ сіе вѣдомо, какъ Князь

* У Рос. *пропаритъ*.

Василей Васильевичъ Голицынъ подъ Перекопъ ходилъ, и съ нимъ, сказываюгъ, было больши 300 тыс. служилаго люду, а Татаръ 'выгхало' тысячь всего съ пятнадцать; а наши отъ великаго своего множества, бою съ такими малыми людьми не смѣли длить. И сіе, Государь, не явноель наше безчестіе, что ть Татары одною конницею и однимъ лучнымъ боемъ полкъ Думнаго дьяка Емельяна Украинцова порубили, и пушекъ, сказываюгъ, съ 20 отбили, и въ полонъ взяли; а наши изъ большаго и изъ меньшихъ полковъ и изъ обозу вытти и выручить ихъ не смѣли, всь устрашились отъ малья горсти. Истинно право слово Божіе: еже страшливому на брань изходити не подобаегъ, подобнъ и неумбющему не почто на бой ходить; потому страшливой или неумбющій смблomu и умбющему мбшать и страхъ наводитъ будетъ. Страшливому и неумбющему лучши дома сидеть; а на бой надобно забитыя * головы — какъ полководцы, такъ и подчане.

И сіе, Государь, мнози вѣдаютъ, что Татары, приѣзжая къ рогаткамъ, хватаюгъ крюками за рогатки и разволакиваюгъ, а иные и саблами ихъ рубягъ, а наши изъ ружья стучать да гремягъ, ** а Татары и не глядятъ; потому что всь стрѣляютъ мимо, а ихъ убить не могутъ.

А естли бы, Государь, да такіе были наши стрѣльцы, чтобъ ни одинъ даромъ не стрѣлялъ, иль бы огнестрѣльные рогатки были, то нбкогда бь къ обозу близко подъѣзжать и за рогатки хватать; а естли бы кои и понартачились, инъ бы прочь не отѣхали. Плохо намъ воевать, когда не умбемъ мы въ нихъ стрѣлять.

* Въ моемъ сп. *забитыя*. ** У Рос. *звнлтъ*.

У нашихъ, Государь, Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцовъ, и отъ непріятелей мочно бы оборонъ держать, лише бы ружье было доброе, да и умѣніе твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка, да добрая расправа. Сіе, Государь, многимъ извѣстно, что Низовые люди Татаръ и Калмыковъ всегда отъ жилищъ своихъ отгоняють и побивають.

Наипаче жъ Сибирскіе жители малыми людьми многихъ Татаръ прогоняють и побивають и въ полонъ берутъ; и никогда Татары и многимъ числомъ противъ тамошнихъ нашихъ малыхъ людей стоять не могутъ. И за что не могутъ стоять? Явъ за то, что тамошніе жители изъ ружья стрѣляютъ горазды—и пулей даромъ не теряють, а къ тому смѣло поступаютъ; и за то наши и страшны Татарамъ бывають. Такожде, я чаю, и съ Нѣмцами, если наши будутъ Московскіе солдаты изъ ружья всѣ цѣльно стрѣляютъ, и пулей не стануть даромъ терять, то будутъ имъ, якоже и Татарамъ, Русскіе люди страшны.

Истицно, Государь, надобно намъ Бога призвать въ помощь, и о рогатномъ дѣлѣ самое истинное и прилежное ко всему ратному убору радѣніе и разсмотрѣніе приложить.

Аще бо Великій Государь и великое прилежаніе о ратныхъ дѣлахъ имѣеть, обаче безъ извѣстія примѣрныхъ статей трудно въ тонкость все познать, понеже человекъ есть, и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его Государскіе предлагать, и о всякомъ дѣлѣ самую истинну доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно ратное дѣло управить.

Истинно, Государь, мочно на Бога надежду имѣть, что возвыситца рука Великаго Государя; только нужда надлежитъ до добраго оружейнаго убору и до ратнаго умнїя въ стрѣляніи и во управленіи. Того ради я тебѣ Государю и докучаю съ великимъ прошеніемъ, Господа ради не возгнушайся моего неразумїя и многословія, и размотри вся моя изреченїя съ прилежаніемъ, и коя дѣла полезна узриши, то пожалуй о тѣхъ дѣлѣхъ, какъ тебѣ Богъ наставитъ, расположи, и Великому Государю доложи.

Истинно, Государь, отъ самыя ревности о семь я подвизаюся, а не ради какихъ своихъ прихотей, или поисканїя какова. Мое, Государь, намѣреніе то, чтобы мнѣ тунейдцу у Великаго Государя не быть, и за тебѣ мнѣ ответу Богу не дать.

Еще жъ, Государь, доношу милости твоей, и сіе видѣлъ я, далъ Инженеръ мѣру лить на заводъ Боярина Льва Кириловича девяти-пудныя бомбы, и тѣ, Государь, бомбы, Богъ вѣсть, годятся ли къ дѣлу; потому пущены онѣ вельми стѣнисты. И по тому его размѣру льются иныя бомбы и по 10 пудъ, и больши, и по моему, Государь, мнѣнію развѣ ихъ набивать добрымъ порохомъ; а если плохимъ порохомъ, или и среднимъ, да къ тому еще отсырълымъ ихъ набивать, то не чаю я всѣмъ имъ разрываться, потому что онѣ стѣнисты.

И сіе, Государь, вельми нужно, чтобъ ихъ искусити такимъ порохомъ отсырълымъ, каковъ бываетъ на службѣ; и если ихъ разрывать не станеть, то лучше ихъ на службу не возить и здѣсь ихъ бросить.

И если, Государь, изволишь тѣ бомбы опытать, то пожалуй не прогнѣвайся на меня о словеси моемъ, еже реку; истинно вѣмъ, еже стократнѣе моя рѣчи вся разумѣши совершенно, но забвеніе надѣ всѣмъ

человѣкомъ хвалитца, или какое многодѣліе и многомысліе препинаніе творить: и того ради припомяну пишу, ежебѣ спроситъ пороху средняго не для бомбнаго наряду, но для каковыя ни есть иныя потребности, чтобѣ взять его сплота кой полежалой, и чтобѣ его не подсушивая принесли. А естли, Государь, увѣдаютъ то, что набивати имѣ бомбы, то либо изъ лучшаго пороху возьмутъ, либо подсушатъ.

А сіе, Государь, всѣмъ извѣстно, что на службѣ всегда порохъ сыръ бываетъ отъ дождей, и отъ подмочки, и отъ росы, и отъ воздушныя сырости.

И въ семь, Государь, вельми нужно поостерегитесь, нѣтъ ли какой прозябы отъ того Инженера. Ей, Государь! надобно отъ нихъ опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземець не сверстаеть съ собою Русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имѣ во все * вѣриватися: всегда онѣ своеплеменнымъ лучши порадѣтъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть. И буде кой скажетъ, что отъ недознанія худо учинилъ, а не отъ хитрости, а то ему самое безчестіе, на что онѣ въ то дѣло и вступаетъ, въ чемъ силы не знаетъ, а жалованье великое беретъ. По моему, Государь, расположенію, надобно у пороховыя казны и у бомбнаго наряду быть изъ Русскихъ людей самому доброму и вѣрному человѣку, и въ пороху ему доведетца сила знать. И такое дѣло великое и закрытое вельми опасно въ иноземскія руки вѣривать.

Еще, Государь, видѣлъ я и другую прозябу: инженеръ ли или полковникъ, кой далъ образцы киркамъ, каковы ковать для земляныя работы, и въ тѣхъ, Государь, киркахъ великая и явная понаровка учинена

* Въ моемъ сп. о есе.

непріятелю. Гдѣ было копать Русскую киркою день, а тою Нѣмецкою киркою прокопаетца два дни, а естли зимнею порою, то и три дни тою киркою противъ нашея прокопаетъ. И естли бѣ, Государь, зимнею порою, то мочно бѣ ихъ здѣсь и опытать, и по свидѣтельству опытному мочно бѣ иноземца и спросить, для чего онъ такія негожія кирки велѣль дѣлать.

Кирка, Государь, надобно такъ сдѣлать, чтобъ она въ черену была крѣпка: то хорошо, чтобъ насади на черень, годъ мѣсто мочно было ею работать; а Нѣмецкой образецъ данъ такой, что и сутокъ на черену не устоитъ. Другая сила въ киркахъ то, чтобъ она въ землю лѣнула, а не скользывала, и въ глазабъ работнику не брызгало: а Нѣмецкія, Государь, кирки здѣланы такъ, что какъ лучитца зимнею порою ею копать, то работнику и глаза всѣ выбьеть; и нивѣсь ему копать, нивѣсь глаза продирать, и череня на нихъ на службѣ не напастися; гдѣ было копать, ажно въ то время за насадкою ходи. А на службѣ, Государь, бываетъ и часъ нужнѣе сутокъ.

И естли, Государь, онъ иноземець сіе учинилъ отъ вымыслу, то доведетца ему и указъ учинить.

А естли же отъ неразумія, то доведетца, чаю, отъ того дѣла его отставить и жалованья убавить, чтобъ на то зря, нынѣ такъ не дѣлали: и буде чего онъ совершенно не знаетъ, почто онъ въ то дѣло и вступаетца.

Буде жъ тебѣ Государю и сіе мое расположеніе о уборѣ ратнаго дѣла изнесено; аще и вся многократнѣе тебѣ Государю извѣстна суть, обаче да зришь и мое предложеніе. Мнѣ, Государь, тако ся мнить, что въ началѣ за помощію Божіею надобно ружье огнестрѣльное доброе и ковано изъ мягкова желѣза, якоже и вы-

ше рекохъ, и чтобъ они были нутромъ чисты и цѣльны; такожде и пушки нутромъ прямы и чисты, то будутъ онѣ и къ стрѣльбѣ цѣльны; и ядрабъ были круглы и гладки, и въ пушку бѣ съ понужденіемъ ихъ забивать, а не на закатъ пускать; порохъ бы пороховщички дѣлали доброй и яркой, и селитру бѣ въ него клали литрованную, чтобъ онѣ на службѣ не отсыривалъ и гущею не становился; и солдаты бѣ были смѣлые, изъ ружья стрѣлять умѣлые; и пушкарѣ бѣ могли хотя по аршинной цѣли убивать; и весь служивой людъ пищею и одеждою и всякимъ довольствомъ былъ бы награжденъ, чтобъ онѣ съ радостію за Великаго Государя готовъ былъ умереть; и никогда бѣ они своихъ Рускихъ людей не грабили и не обижали; чтобъ всякъ за нихъ Богу молилъ, а не клялъ; чтобъ они были по Евангельски, своими оброки довольны, чѣмъ пожалованы.

Также и у конницы надобно, чтобъ были въ началѣ кони добрые и кормомъ довольные, и ружье бѣ у нихъ было доброежъ и цѣльное; и скачучи на конѣ заряжать и въ цѣль стрѣлять умѣли бѣ; сабли были бѣ стальныя, а не изъ простаго желѣза кованы; чтобъ онѣ были остріемъ противъ добраго ножа; копьѣ бѣ были подобно бритвѣ, а древки бѣ твердыя; и присадка бѣ была твердая жъ; и кто съ нимъ ѣздитъ, владѣть бы имъ умѣлъ; и сами бѣ они пищею и одеждою и всякими потребы довольны; и полководцыбѣ у пѣшихъ и у конныхъ были самыя добрыя и свидѣтельствоваанные люди, и къ смерти нестрашныя.

А естли, Государь, прежнія службы вспомнать, и тѣ службы, Богъ вѣсть, какъ они и управлялися: людей на службу нагонять множество, а если посмот-

ришь на нихъ внимательнымъ окомъ, то ей кромъ зазору, ничего не узришь. У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копіями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по 3 и 4, и гораздо больши; а хорошо бѣ то, чтобъ свою голову хотя головы на три непріятельскія мѣнять. А если на конницу посмотрѣть, то не то, что иностраннымъ, но и самимъ намъ на нихъ смотрѣть зазорно; въ началѣ у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами пужны и безодежны, и ружьемъ владѣть ни какимъ неумѣлые. Истинно, Государь, я видалъ, что иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, а не то, что ему стрѣлять по цѣли хорошенько. И такіе, Государь, многочисленныя полки къ чему примѣнять? Истинно, Государь, аще и страшно мнѣ рещи, а инако нельзя примѣнять, что не къ скоту; и егда бывало убьютъ Татариновъ дву или трехъ, то всѣ смотрятъ на нихъ, дивуютца и ставятъ себѣ то въ удачу; а своихъ хотя человекъ сотню положили, то ни вочто не мѣняютъ.

Истинно, Государь, слыхалъ я отъ достовѣрныхъ и не отъ голыхъ дворянъ, что попеченія о томъ не имѣютъ, чтобъ непріятеля убить; о томъ лишь печетца, какъ бы домой быть; а о томъ еще молятца и Богу, чтобъ и рана нажить легкая, чтобъ не гораздо отъ нее поболеть, а отъ Великаго Государя пожаловану бѣ за нее быть; и на службѣ того и смотрятъ, чтобъ гдѣ во время бою за кустомъ притулиться; а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсъ или въ долу, да того и смотрятъ, какъ пойдутъ ратныя люди съ бою, и они такожде будто съ бою въ таборъ прѣйдутъ. А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: «дай де Богъ Великому Государю

служить, а сабли бѣ изъ ноженъ не вынимать»; и по такимъ ихъ словамъ и по всѣмъ ихъ поступкамъ, не воины они! Лучши имъ дома сидѣть, а то нѣчего и славы чинить, что на службу ходить.

А естли, Государь, по твоему радѣнію Великій Государь избереть себѣ прямыхъ воиновъ бранныхъ, и научить, якожъ я въ примѣрномъ своемъ письмѣ выше изрекохъ, или и вящше того, какъ о томъ Господь Богъ его наставитъ, то весь прежде бывшей зазоръ отыметца отъ насъ, и будутъ и насъ въ люди почитать, и на войнахъ стануть нашихъ страшитися.

Какъ, Государь, воинство бранное избретца и всякому дѣлу служивому изучитца, то хорошобъ, Государь, и главному ихъ дѣлу научить, чтобъ они всегда въ сердцахъ своихъ страхъ Божій имѣли; понеже и Писаніе повелѣваетъ воину быти святу и житіе имѣть чистое, паче иноковъ, потому что всегда воинъ готовитца къ смерти и предъ нелицепріятнаго Судію стать.

А въ Кормчей книгѣ, въ законѣ Царя Константина написано: воину исходящу на брань подобаетъ хранитися и отъ всѣхъ непріязненныхъ словесъ и вещей, мысль же свою къ Богу имѣти и молитву творити, и обѣтъ * творити о брани, а не то что всячески сквернословить и неправда чинить.

И естли, Государь, къ доброму ружью, и къ доброму убору, и доброму воинскому ученію, и духовное сичевое устройство будетъ, то явѣ, что Богъ призритъ нань наипаче милостивнымъ своимъ окомъ; а за прирѣніемъ и вспоможеніемъ Божіимъ наши Русскіе вои-

* У Роз. *свѣтъ*.

ны прославятся паче окрестныхъ Государствъ, и малыми людьми проженуть враговъ своихъ многихъ.

Исчисленіе казны, что иметца противъ вышеписаннаго расположенія.

Если Великій Государь укажетъ самымъ удалымъ солдатамъ огнестрѣльнымъ на годъ жалованья учинить противъ вышеписанной росписи, и дватцати тысячамъ иметца 1,049,800 рублевъ.

А если годового жалованья имъ по 25 рублевъ, подъемныхъ по 4 рубли, и того будетъ 929,800 рублевъ.

Копейныхъ солдатъ если учинить 20 тысячъ, и если имъ въ прежнемъ жалованьѣ быть въ 16 рубляхъ, и того будетъ 320 тыс. рублевъ; хлѣба по 16 четв. на человѣка, и если положить по полтинѣ четверть, и того 160 тыс. рублевъ; подъемныхъ по 3 рубли, и того 60 тыс. рублевъ; копы съ дровками и съ бердышами и съ ножами хотя положить по рублю на человѣка, и того будетъ 20 тыс. рублевъ и всего имъ иметца жалованья и ружья на 20 тыс. человѣкъ, 560 тысячъ рублевъ.

Работнымъ людямъ если положить годового жалованья по 8 рублевъ на человѣка, хлѣба по 8 четв. подъемныхъ по 2 рубля, и того будетъ на 20 тыс. человѣкъ жалованья 280 тыс.; имъ же на кирки и на топоры и на иныя снасти если положить по полтинѣ на человѣка и того будетъ 10 тыс. рублевъ; имъ же дать для нужной обороны хотя по рогатинѣ, и рогатина положить по 10 алтынъ, и того будетъ 6 тыс. рублевъ, и всего чернымъ работникамъ 20 тысячамъ иметца жалованья и снастей 296 тыс. рублевъ.

Конницы естли наберетца самыхъ удалыхъ огне-
стрѣльныхъ бойцовъ тысячъ десять, и имъ естли Вели-
кій Государь учинить жалованья годоваго хотя по 60
рублевъ, хлѣба ему и коню по 40 чет. на коня
по 10 рублевъ, и того 100 тысячъ рублевъ; ружья
длиннаго купить, добрая пищаль хотя по 8 рублевъ,
пистолей пару по 4 рубли, на остръ по рублю, и то-
го будетъ 150 тысячъ рублевъ; пороху добраго по 5
фунтовъ на челоувѣка, и того 30 тыс. рублевъ; пулекъ
по пятижь фунтовъ, и того 1500 рублевъ; и всего
имъ иметца жалованья и ружья 1,141,500 рублевъ.

А копейшиковъ и лучныхъ стрѣльцовъ естлибъ на-
брать 10 тыс., и жалованья имъ естли учинено будетъ
годоваго по 40 рублевъ, хлѣба по 40 четвертей, на
коня по 8 рублевъ, на подъемъ по 8 же рублевъ, и
того 760 тыс. рублевъ; имъ же на ружье, и на сай-
даки, и на стрѣлы, и на копы, естли дать имъ по 5
рублевъ на челоувѣка, и того 50 тысячъ рублевъ; и
всего будетъ 810 тыс. рублевъ.

И по сей, Государь, примѣрной росписи боеваго
люду будетъ 60 тыс. челоувѣкъ; и естли имъ по вы-
шеписанной выкладкѣ положить жалованья противъ
большей статьи, и всѣмъ имъ иметца денежнаго и
хлѣбнаго жалованья и ружья 5,561,500 рублевъ.

И въ томъ числѣ естли хлѣбное жалованье поло-
жить въ цѣну по полтинъ за четверть, и того хлѣб-
наго жалованья будетъ деньгами 800 тыс. рублевъ.

А естли хлѣбнаго жалованья въ цѣну не класть, по тому
что хлѣбъ собирается со крестьянъ безъ купли, и кромѣ
хлѣба, денежнаго расходу иметца 2,761,500 рублей.

И естли положить на службѣ тѣмъ вышеписаннымъ
60 тыс. челоувѣкомъ корму на мѣсяць, по полтора
рубли на челоувѣка, и того на мѣсяць иметца 90 тыс.

рублевъ, и по сему положенію на 3 мѣсяца корму будетъ 270 тыс. рублевъ. Всего штидесять тысячамъ годоваго, и оружейнаго, и съ полковымъ трехъ-мѣсяцовъ кормомъ, иметца 3,051,300 рублевъ.

И если бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма, то чаялъ бы я у Бога милости, что одною денежною прибылью вышеписанное число исполнилось бы.

И буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мѣлкою дробью, якожь прежде явихъ въ денежномъ письмѣ, то доведетца и пошлинной зборъ поправить. «А если пошлинной зборъ поправитца,» * то за помощію Божіею и въ пошлинномъ зборѣ, чаю, что не меньше денежнаго числа доходовъ собрать на каждой годъ мочно будетъ. И тѣ, Государь, доходы міру будутъ не тягостны, а Великому Государю были бы прибыльны и прочны, и уставились бы они въ вѣчныя доходы; а десятыя деньги и поворотныхъ денегъ гораздо они легчебы были. А что подлинно тѣхъ пошлинныхъ сборовъ будетъ, и того, не взявъ изъ ратуши вѣдомости, по чему съ какихъ товаровъ собираетца пошлинъ, написать и расположить имянно не возможно.

Паки прошу твою преблагую и всещедрую милость, Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ, Господа ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и разсмотрѣть, и буде что узришь угодно, то пожалуй Великому Государю объяви отъ своего лица; о мнѣ жъ пожалуй умолчи. А что написахъ отъ незнанія своего, и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй отставь. Истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писахъ сіе, а не отъ доствѣрства, понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ, и

* Слово между запятыми у Рос. ивъ.

сего ради слико могохъ, толико и написахъ. Ещежъ прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зреть сего моего письма трудъ, но да будетъ оно въ сохраненіи для потребныхъ статей.

Писавый Ивашко Посошковъ, главу свою подъ ноги твоя подноситъ.

И о всѣхъ погрѣшеніяхъ незнанннхъ и сумнителеныхъ, прощенія проситъ.

И желаетъ подъ кровомъ твоимъ благоприкровеннымъ жити.

И за то вѣрне предъ всѣми людьми достойнѣтя блажити.

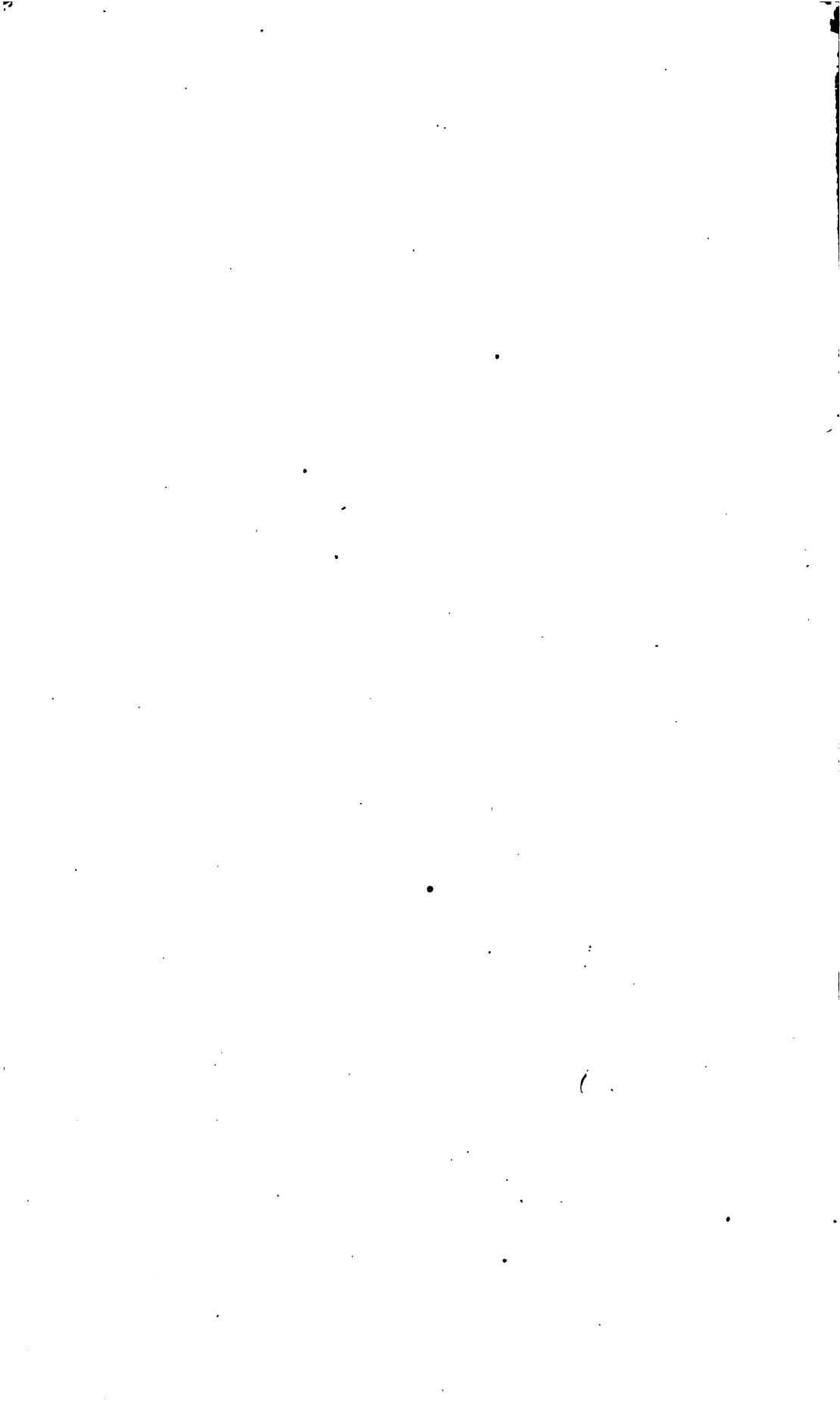

ОТЕЧЕСКОЕ

ЗАВЪЩАТЕЛЬНОЕ

ПОУЧЕНИЕ

ПОСЛАННОМУ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ВЪ ДАЛЬНІЕ СТРАНЫ ЮНОМУ СЫНУ.

Въ прошедшемъ 1708 году высокою державною властію Великаго нашего Россійскаго Государя Монарха посланъ ты, любезный и точно мой едине сыне и наследниче, во Уропскія страны, ради обученія; въ какихъ дѣльхъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца и милостивѣйшаго нашего Великаго Государя еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано. Обаче азъ яко союзомъ естественнаго родительскаго сожалѣнія зря тя, яко суца плоть отъ плоти и кровь отъ крови моя, еще въ лѣтхъ юныхъ, кромѣ обученія приличныхъ наукъ, и яко бы еще браздины бумаги, на ней же ни что не писано, хошу отъ могущихъ случиться тебѣ лукавыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши, и во благихъ поучатися потщишися. Ты, мой возжеленно любезный сыне и чадо! на время вижу я отъ очей моихъ тя отлучна, о спасеніи жъ твоемъ временномъ, пачежъ вѣчномъ имѣя попеченіе, сія послѣдующія поучительныя главизны въ пользу души твоея, тоже и для временныя твоея славы написахъ, и посылаю тебѣ, яко да такую же любовію, ею же ты единого чада возлюбихъ, отца и мать свою покорною сыновнею любовію насъ учествуеши. И, сыне мой! егда отъ сердца произшедшія вѣрныя завѣщанія по часту будеши прочитати, подщишися по нихъ ходи-

*

ти, да тѣмъ своимъ благочестивымъ теченіемъ шествуеша ко Владыцѣ и Создателю своему Господу Богу; потомъ и Державнѣйшему нашему премилостивому Царю и Государю, таже и намъ родителемъ твоимъ угодная сотвориши, себѣ же сокровища наче всѣхъ тѣлныхъ и привременныхъ богатствъ пріобрѣтѣши.

Представляю ти должность твою, юже долженствуеша поминати вся дни временныя твоя жизни, како и на что Господь Богъ тя изъ ничтожества въ чловѣкахъ бытна сотвори, украси тя по душѣ твоей умна, словесна, безсмертна. Подобіе Божіе въ чловѣческой душѣ се суть, правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота, душевныя добродѣтели. Аще ли же сего подобна чловѣкъ не будетъ имѣти, пріиметь подобіе врага Божія.

Азь родитель твой тебѣ дахъ точію тѣло а не душу, ея же сотворитель есть Господь иже отецъ духовъ нарицается; сотворенна же есть на небесѣхъ, идѣже и отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси чловѣцы начало имѣють; на земли же есьмь странницы и временныя пришельцы: тѣло бо землено есть, а чловѣкъ несть тѣло, но душа въ тѣлѣ.

По семъ слѣдовали многіе тексты изъ Священнаго писанія, зля утвержденія въ православной вѣрѣ, и для убѣжденія юнаго странств-вателя въ временныхъ и вѣчныхъ выгодахъ, которыя сопряжены съ послѣдованіемъ добродѣтели, и въ несчастіяхъ, неразлучныхъ съ безпорочною жизнью *.

* Жаль, что г. Розановъ заблагоразсудялъ ихъ исключить.

Представляю ти, о сыне мой любезный! путь жизни и благодати, таже и путь смерти, исполненный всякихъ золь; но завѣщая, повелѣваю ти избрати путь благій, и бѣгати пути погибели.

Къ сему долженъ еси выну въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, его же прирожденный еси рабъ; и его Государскою повелительною властію нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучиши въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражнитися довлѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхоцетъ, и благодатию жизнь его продлится, достойна себя сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ тя изволить употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между въденіемъ и невѣденіемъ; сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единого часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день или часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точию вся красная мира сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлы достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ насаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣнно въ наукахъ провождати да потщишися. Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Пѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началъ въ томъ языкъ, его же изберешь, учити ариѣметику, яже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную Матема-

тику яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру, и Фортификацію, еже въдѣніе земнаго глобуса, таже искусство земныхъ и морскихъ чертежей, компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ, не ради того, дабы ты сотворити инженеромъ, или корабельникомъ; но егда изволеніемъ Самодержавнѣйшаго Монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то; инъ иноземецъ Инженеръ въ случаѣ укрѣпленія коего града или мѣста, или во obleжаніи непріятельской крѣпости тотъ дѣла свои учнетъ исправлять, или въ вѣденіе науки, или недостатка ради твердаго искусства, или какового ради пристрастія, не право учнетъ къ шкодѣ или поврежденію цѣлости Великаго Государя градовъ или дѣлъ творить; тогда ты самъ, вѣденіемъ тѣхъ наукъ исполненъ, и окомъ ума своего и наукъ искусствомъ можешь познати правду, или лукаво тотъ иноземецъ поступаетъ, и тѣмъ примешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братиѣжъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ.

Не возбраняюжъ тебѣ между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія жизненныхъ въ тебѣ духовъ и честныхъ рекреаций имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владати, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ ружьемъ владѣть, и въ прочихъ подобныхъ тѣмъ честнымъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть.

Да будутъ же тебѣ въ текущемъ времени всѣ 24 часа на различныя послѣдующія потребности сиче раздѣ-

лены; употребляй оныя часы каждаго дня отъ утра и до вечера по сему предписанію.

Во утріе отъ сна пробудясь, ознамени лице свое святымъ крестомъ, и абіе возставъ, облачися, умой руце и лице свое. На се тебѣ 1 часъ.

Ставь на молитву, во еже тебѣ бесѣдовати съ Царемъ небеснымъ и Господемъ Богомъ, отъ него же всякія благодати Духомъ Святымъ изливаются, со вниманіемъ глаголи обычныя утреннія молитвы. На семъ тебѣ повельваю изнурятися 1 часъ.

Языку, его же избереши учиться, и граматическія его правила, на се 2 часа.

Въ наукахъ другихъ обучатися даже до полудни, 3 часа.

Ожидая стола, погуляй, и на прочія честныя забавы 1 часъ.

Ясти не больше 1 часъ.

Потомъ паки погуляй, да не отяготятся духи чрезмѣрными ученія трудами, 2 часа.

Паки по полудни въ языкъ или въ наукъ учиться 3 часа.

Въ вечеру паки ясти, за столомъ сидѣть не больше 1 часъ.

На вечернія молитвы 1 часъ.

Спати, мню, довѣтъ, аще не 7, то небольши часовъ 8.

Всего имвется всѣхъ часовъ 24.

Но во дни воскресные и торжествъ, по уставу православныя Церкви, егда наукъ ученія не бываетъ, повелѣваю въ тѣ дни, яко господу Богу посвященные, въ вечеру вечерню, поутру воставъ, по обычныхъ утреннихъ молитвахъ, слушати полунощницу и прочую церковную службу; потомъ часть обучатися во чтеніи святаго письма и кафиземъ, дабы ти твердо основатись въ артикульхъ святаго Восточныя вѣры, воеже непріяти тебѣ иностранныхъ тамо много различныхъ вѣрь. Некако вредительныя призванья, но зело полезныя прочитай нравоучительныя книги, приличествующія юнымъ отрокамъ, Царя и Пророка Соломона книги притчей, премудрости, Еклезіаста, таже и книги Исуса Сирахова. Паче же внимаи писанное въ третей тоя книги главизнѣ, и въ тѣхъ всѣхъ многую пользу, наставляющую тя на истинный и правый путь Христіанскаго жительства, обрящешь. Еще же обучатися и прочитати полезныя и нравоучительныя Восточныя Церкви святаго учителей сладостныя словеса. Прочія же тщетныя глумительныя упражненія, наипаче пїянства тебѣ удалятися твердо завѣщваю, и сію страсть, яко врага, ведуща на путь широкій пагубы, весьма бѣгай: ибо сіе пристрастіе яко душевная смерть есть, и въ коего чловѣка сія страсть внидетъ, въ томъ никакимъ наукамъ, ниже ученію благому вселиться не можно. Еще долженъ еси, наипаче въ тѣ праздничныя дни, памятовати о нищихъ, имъ же въ нарочной ковчезецъ нѣчто отложи, и по времени какова плѣтника, или инаго убогаго, гладомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той породы и вѣры, произволеніемъ благимъ милостину подождь, и всяко потщися тѣ освященные дни въ дѣлѣхъ благихъ, Господу Богу угодныхъ проводить. Къ тому храни себе, воеже какими непристойными или грѣховными забавами

онные святые дни не осквернити, и за то гнѣвъ Божій на ся навести.

Не забывай благодати къ себѣ Божіей. Возри вспять и размысли, какое великое пространство морскихъ путей, разбіенія, запаленія и отъ разбойникъ нѣвредна и цѣла ты Господь ангелы своими святыми сохрани, въ Голандію приведе, и паки коликой его всеможной сохрнительной благодати еще себѣ и впредь требуеши, дондеже по многихъ дняхъ возвращенія твоего возможеши во отчину свою притти, и насъ родителей и сродниковъ своихъ видѣти. И сей благодати, развѣ единого точію Всесильнаго Господа Бога, его же недреманное око непрестанно зреть на человѣческія дѣла и начинанія, ни кто отъ смертныхъ чловѣкъ тебѣ подати никакоже можетъ. Во вседневномъ же твоёмъ обхожденіи съ людьми повелѣваю ко всѣмъ быть учтиву, ласкову и уклонну, смотря по чловѣку, смотря обаче да ни малыхъ знаковъ киченія, ниже неприличныхъ высокостей покажешъ.

Егда въ службу себѣ случится тебѣ принять какова чловѣка ради ученія языка, гораздо оберегайся и острегайся, чтобъ тебя чѣмъ прельстивъ и подмѣтя, не обокрали, и того для, кромѣ при тебѣ Рускихъ сущихъ, кои съ тобою отпущены, ни какой бы иноземець о деньгахъ, при тебѣ обрѣтавшихся, не вѣдалъ. И тѣмъ деньгамъ приходъ и расходъ у себя вели записывать.

Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная. И непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ прециваніемъ до тебе не дойдутъ деньги, не постиглабъ

тебя, будучи въ чужихъ дальнихъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобилъство денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокую скупость тебѣ склонитися; но аще можно, и съ людьми на мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробыть по 100 ефимковъ, или гульденъ по 150 Голландскихъ; и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было сносно и благопріемно, для того что сто ефимковъ нашими Русскими деньгами 90 рублевъ, и того въ годъ будетъ больше 1000 рублевъ.

А тѣ 100 ефимковъ въ мѣсяцъ расположить въ сичевой расходъ:

На пищу общей честной столъ въ полдень за 3 человекъ по 15, а въ вечеру по 10 стиверовъ; и того имѣется въ день 75 стиверовъ, въ мѣсяцъ 2287.

На питье для гостей, иногда случающихся, въ мѣсяцъ стиверовъ 390.

На одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочія мелочи всѣмъ на мѣсяцъ по 50 гульденъ, всѣмъ 600.

За Юнныя различныя при рекреациі честныя забавы имѣется всего стиверовъ 5000, или гульденовъ 150, то есть 100 ефимковъ добрыхъ.

И въ семь усмотря повремени, можно въ иномъ убавить, а въ иномъ прибавить, на иные расходы нужные: на покунку книгъ, инструментовъ и иныя потребности держать оставляется, что по сей смѣтѣ удовольится. Треть человекомъ тѣми 100 ефимками на мѣсяцъ, а на весь годъ 1200 ефимками жити мочно.

Сей же предѣль азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, но да научишися посреди преизобильства имѣти правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научитися како въ семь поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно прострѣшься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишняго расходу твоего и не нужнаго сберечись: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтитя свѣтъ твой и дивенъ будещи иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже ты не тощю во временномъ житіи, но во грядущей вѣчности неизреченнымъ воздаяніемъ нескончаемыхъ благъ срящеть.

И аще въ сехъ, много тебѣ предписанныхъ, правилахъ каждое съ достойнымъ вниманіемъ, при житіи воздержномъ и чистомъ, честно вся исправляти потщишься, тогда великое себѣ сокровище, его же ни кто отъ смертныхъ чловѣкъ, ниже кая стихія отъ тебѣ отлучити возможетъ, но присно даже до самыя кончины твоя вѣрно и неотлучно съ тобою пребудеть:

Сія собранныя сокровища ти будутъ твердыя оружія ими же можешь себѣ отъ всѣхъ лукавыхъ видимыхъ и невидимыхъ стрѣлъ невредна сохранить.

Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши; ибо натуральный чловѣкъ, произшедшій отъ отца и матери, въ міръ сей ничто же имать. И къ тому да подасть Господь Богъ тебѣ моему прелюбезному чаду духъ премудрости, духъ разума, духъ со-

вѣта, духъ вѣденія и страха Божія, еже азъ отецъ твой и мати и вси сродники твои тебѣ отъ всего сердца своего пріяти желаемъ, и Госнода Бога молимъ, да въ пріобрѣтенныхъ ти вболишися наукахъ и правдахъ благочестивыхъ, въ радость и веселіе наше, яко древле въ чистотѣ преславный отрокъ Госифъ, во старости отца своего Іакова зря, возвеселися, сего же и мы да сподобимся. Аминь.

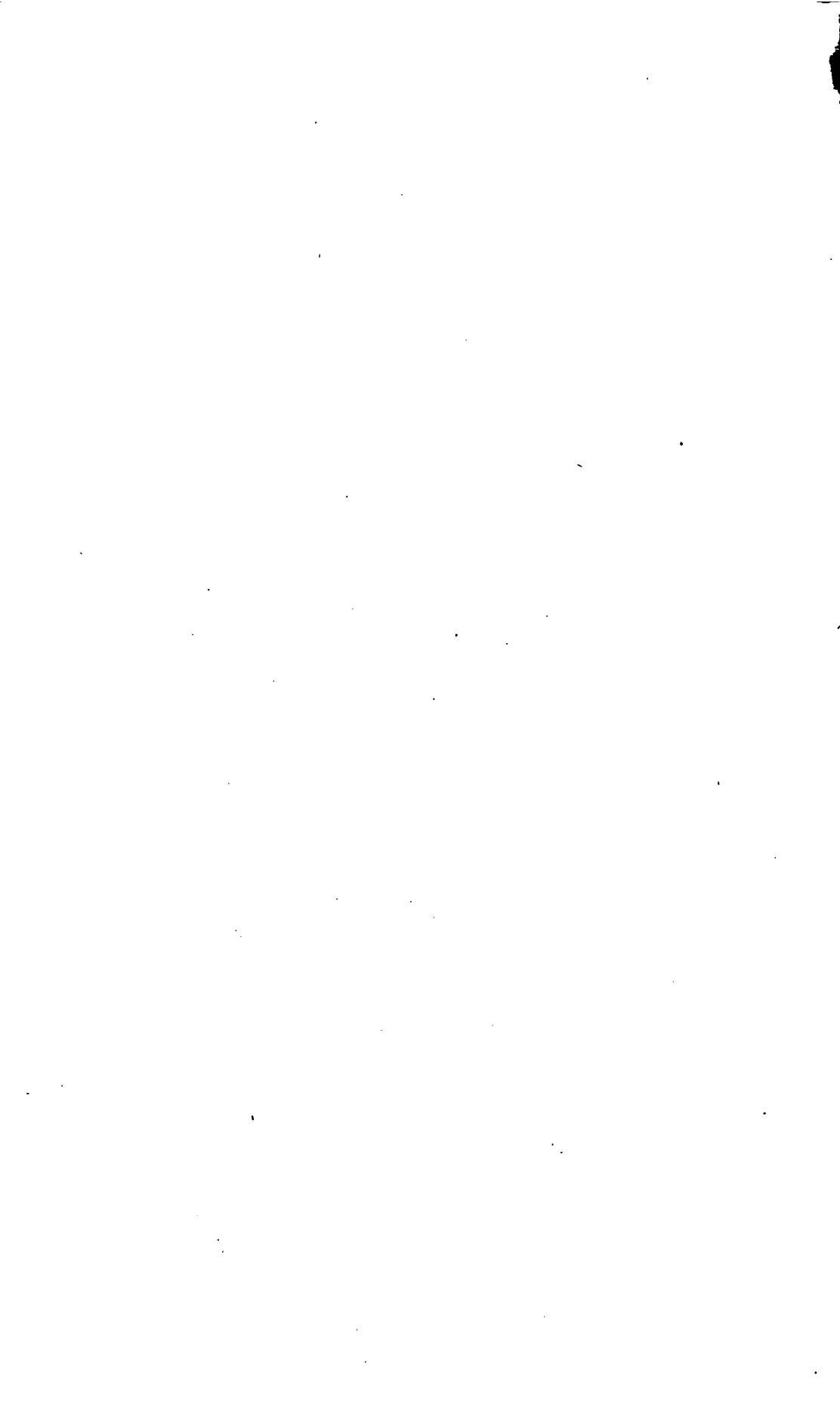

ДОНОШЕНІЕ

ИВАНА ПОСОШКОВА

МИТРОПОЛИТУ

СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ.

К. Ѳ. Камайдовичъ напечаталъ сіе донесеніе въ Русскихъ Достопамятностяхъ съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Подлинникъ, писанный на столбцѣ скорописью, рукою самаго сочинителя, найденъ между рукописями типографской Синодальной библіотеки въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, Доношеніе сіе писано къ извѣстному въ ученомъ свѣтъ Стефану Яворскому, славному тогдашнему Іерарху и Блюстителю Патріаршаго престола, ибо сочинитель ясно говоритъ объ извѣстной его книгѣ: Знаменія пришествія Антихристова; справедливо также и то, что оно относится къ началу прошедшаго вѣка, потому что о помянутой книгѣ Посошковъ упоминаетъ какъ уже объ извѣстной, а она появилась не прежде 1703 года. Имя Посошкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предложенію, поданному Боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, относящемуся къ военной наукѣ. Должно дивиться изяществу мыслей, не весьма обыкновенныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образовать своихъ врожденныхъ способностей.»

Великій Архипастырю восточные Христовы церкви и нашъ великій свѣтильниче Всероссійскій! благоволи сіе писаніе пріяти, и изъявленному въ немъ нужную

нуждоу всенародную разсмотрити. Въмъ бо, яко не вся наша Христіанская нужда суть ти извѣстна; того бо ради и дерзпоухъ ти тоу нашоу доуховную нуждоу чрезъ сіе писаніе изъяснити. О семъ ты, Государь! извѣстно вѣси, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи доуховномъ ученія на доуховности не бываетъ; потому что и самъ онъ ничего не разоумѣеть, да и разоумѣть емоу непочему; и самъ онъ отъ отца своего доуховнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ Славенскихъ многихъ нашихъ Христіанскихъ нуждъ не напечатано, и всеконечно знать имъ непочему. Толь мы просты, что не токмо бѣ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бѣ самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чемомъ воспросилъ насъ Москвичъ, то не знаемъ какъ имъ отвѣди дать; и не до того ста, но аще и отъ бесурманъ кто воспроситъ насъ, то и имъ отвѣтоу дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лише самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на пороуганіе; и за то имя наше Христіанское вельми во иновѣрныхъ хоулится. А наипаче мы, Россіане, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своелъ какова она есть, ни благочинія доуховнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлѣжитъ жить, не разоумѣемъ же, но живемъ чоуть не подобны бесловеснымъ.

И того ради вельми нужно вашей святости о семъ потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ доуховное и естественное и гражданское благочиніе управлять, наипаче жъ того, какъ намъ Бога знать, и какъ честныя иконы почитать, и какъ доушепользно жить.

Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотой человекъ знаетъ, что то есть православная Христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля его, или какъ ему моли-

тиса, и какъ молитва приноситъ, и какъ воля его творить? или какъ Пресвятую Богородицу почитать, и какъ Ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чтить, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайствѣ молить, и какъ Ангела хранителя, такожде и тезоименнаго святаго, какъ чтить, и какъ на помощь себѣ призывать, или какъ честныя иконы почитать? А если въ посыланехъ посмотреть, то истинно не чаю изъ десяти тысящъ обрести чловѣка, еже бѣ хотя малое что о сицевыхъ вещехъ что зналъ. И того ради велими, велими надлежитъ о семъ дать знать чрезъ ново-выданное вашему благоразуміемъ изъясненіе и распосланіемъ во вся концы Россійскіе.

Нынѣ Государь видѣлъ я на печатномъ дворѣ строящіяся новыя требники, и зря ихъ возбудилась ми мысль, еже донести святости твоей о сихъ статьяхъ, и дабы твоимъ Архипастырскимъ раченіемъ и многотруднымъ тщаніемъ вмѣстить, о изъясненіи сихъ здѣ означенныхъ статьяхъ, въ послѣдованіе ко исповѣди, аще же уже въ самую исповѣдь вмѣстить невозможно, то хотябъ на концѣ требника; и положить бы такое всѣмъ презвитерамъ повелѣніе, дабы вначалѣ исповѣди уготовляя хотящаго исповѣдаться ко исповѣди, сперва спросилъ его, какъ онъ въ вѣре благочестивой пребываетъ, и нѣтъ ли у него о вѣре какова блзньнія? И буде въ вѣре колеблетца, тобъ его направилъ на истинное благовѣріе и о вѣре утвердя спросилъ бы, како онъ почитаетъ Бога, и како Богородицу, и како Ангеловъ Господнихъ и святыхъ Божіихъ угодниковъ? и како почитаетъ святыя иконы, и не называетъ ли написаннаго или изваяннаго образа Христова Богомъ? и с каковымъ намѣреніемъ предъ иконами молится, мысль свою ко образу имѣетъ, или къ самому Богу? подобнѣ и предъ

ивыми образы, и какъ моленіе свое простираеть? та-
кожде с каковымъ намѣреніемъ і свѣщи предъ иконы
поставляетъ, иконе ль той честь твора, или самому
изоображенному на той иконѣ, предъ нею же свѣщюу
поставляетъ? И буде въ чемъ неправо управляетъ, о
томъ бы ему даль знать, и научилъ какъ что чи-
нить, и научилъ бы его и тому съ каковымъ на-
мѣреніемъ въ церковь входить и въ ней стоять, и
о всемъ доуховномъ управленіи наказавъ и утвердя,
начать по обычаю исправлять исповѣдь. По окон-
чаніи же исповѣди приложить нравоченіе жи-
тейское о любви доуховной и о естественныхъ доб-
родѣтеляхъ и о гражданствѣ, чтобъ былъ во вся-
комъ дѣлѣ постояненъ и въ словѣ своемъ неиз-
мѣненъ, и чего себѣ не хочетъ, тогобъ людемъ от-
нюдь не чинилъ; и никого бѣ, ни стараго, ни малаго,
а наипаче же простоумныхъ и малосмысленныхъ и
кросныхъ не пересмѣхалъ, ни осуждалъ, и устѣ сво-
ихъ браннымъ и кощуннымъ сквернословіемъ не
сквернилъ бы. Аще убогъ, богатыхъ бы не поносилъ,
но почиталъ бы ихъ яко отъ Бога почтенныхъ, та-
кождебъ и великочестныхъ почиталъ же бы, и вездѣ бѣ
имѣ давалъ мѣсто честнѣйшее, понеже всякая честь и
начальство дается отъ Бога; а кѣи соуть убози или
малочинни, и тѣми бѣ не гнушался, и принималъ бы
ихъ во всякихъ порядкахъ яко братно, и противъ
ихъ поклона отдавалъ бы поклонъ удобнѣи, дабы
той убогій о поклонѣ гордостномъ не оскорбился; и
во всемъ бы ихъ утѣшалъ, а того бѣ вельми остере-
гался, дабы убогаго или и богатаго какимъ дѣломъ
или словомъ не оскорбить. Къ сему же еще прило-
жилъ бы и сіе, какъ мужу з женою жить и какъ
женѣ с мужемъ, чтобъ любовь между ими была
займная. И о прочіихъ Христіанскихъ добродѣтеляхъ

всякаго сына доуховнаго, богатаго и убогаго, наказывалъ бы с великимъ прилежаніемъ, не торожась. Да и о семъ всемъ священникамъ заповѣдать, чтобъ дѣтямъ своимъ доуховнымъ крѣпко заказывали, дабы всякой человекъ въ домѣхъ своихъ дѣтей своихъ, и приимыщевъ, и племянниковъ и рабовъ со младенчества учили всякому благочинію, и чтобъ отнюдь по улицамъ играть и сквернословить и бусловить и въ празности быть не попускали, и ко святыи церкви ходить понуждали бы. Подобіи егда станетъ презвитеръ и своего брата презвитера жъ исповѣдывать, то в началѣ о сихъже бы статьяхъ спросилъ его, всяль управлять тако, якоже ему повельно, и не прикрываетъ ли онъ раскольниковъ? и кѣи отъ святыи церкви отщепидись, и ни на исповѣдь, ни к тѣлу Христоваго не приступаютъ, не называетъ ли таковыхъ дѣтьми своими доуховными? И буде въ чемъ явится неисправенъ, то бы отложя иные всякіе нужды, и церковныя службы, того бы исправилъ, и на вся правыя стези направилъ; и о всемъ его утвердя и о вышесказанномъ нравоученіи искуся, запрѣтилъ бы запрѣщеніемъ великимъ, дабы онъ о сихъ предложенныхъ статьяхъ на исповѣди о дѣтяхъ своихъ доуховныхъ неоплошное попеченіе имѣлъ, и на путь спасенія всю свою паствоу наставлялъ, временно и безвременно, не токмо в годъ или въ два или въ три сына своего доуховнаго видѣлъ у себя на исповѣди, но ко всякому своему сыноу доуховному и кромѣ исповѣди въ дома ихъ приходилъ, и житія его смотрѣлъ, и на всякое бы благонаравіе наставлялъ; то и малое бы дѣло что на годъ трикраты, а коего видя неисправна въ чемъ, то надобно и многократю приходить и на всякое дѣло благое его наставлять. А егда станетъ во время поста презвитеръ дѣтей своихъ доуховныхъ

исповѣдывать, то ради совершеннаго управленія не во единъ бы день всѣхъ исповѣдывалъ, яко прежніи обычай имѣли, но хотя бѣ токмо по десяти человекъ на день исповѣдывалъ, токмо бѣ со всякимъ испытаніемъ; и того бѣ ради хотя с понедѣльника начиналъ, и тако бѣ во всю недѣлю исповѣдывалъ, дабы совершенно ихъ могъ управить. И егда коему сыноу доуховному, наипаче же священнику, естли какой на исповѣди приказаніе скажетъ, и тобѣ приказаніе записывалъ въ особую, на то учиненную книгу; и егда въ предгрядущее время той ко исповѣди придетъ, и о томъ приказаніи своемъ спрашивали бѣ имянно, управиль ли то, еже ему было приказано?

И сицѣвымъ образомъ, естли ты, великій Архіерею Божій! благоволишь потрудитися, и издаси со исполненіемъ твоего благоразумія полная расположенія, чаю я, что мочно намъ не въ большіе годы всякаго благонравія научатися. А аще же не сицѣвымъ образомъ, то Богъ вѣсть, мочноль намъ научитися. Естли намъ токмо въ школахъ учитися всякаго вышеозначеннаго благоразумія, то чаю, что ни во сто лѣтъ намъ не научитися будетъ. А сицѣвымъ порядкомъ не въ долзѣ научимся; развѣ у коего священника сицѣваго требника, или и кромѣ требника особаго вашего святительскаго повелѣнія не будетъ, той токмо дѣтей своихъ доуховныхъ учить не станеть, и самъ знать не будетъ. И мнитея, Государь, мнѣ, что надлежитъ и великимъ клятвеннымъ запрещеніемъ презвитерамъ запрѣтить, чтобъ они отнюдѣ не искуся и не утвердя въ новоположенныхъ отъ высокоразумія твоего статьяхъ дѣтей своихъ доуховныхъ не исповѣдывали.

Ей, Государь! вамъ непочесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыклое и застарѣлое безумство содѣвается. Я аще и не бывалъ во иныхъ окрестныхъ

Государствахъ, обаче не чаю нигдѣ такому безумству обрѣстися. Не скаредное ль сіе есть дѣло, яко еще младенецъ не научится какъ и хлѣба назвать, или чего иного нареши, или попросить до чего ему нужда какая есть, а родители въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить? чемъ было въ началѣ младенца учить какъ Бога назвать и указывать на небо съ рѣченіемъ, что тамъ Богъ. И тако младенецъ бы отъ самыхъ пеленъ научился Бога знать, а родители вмѣсто такова ученія отецъ учить мать бранить сиць; мама кака, мама бля бля; а мать учить отца бранить подобнѣ: тятя бля бля; и какъ младенецъ станетъ блякать, то отецъ и мать тому радуются и понуждаютъ младенца, дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Къ сему же злоу и еще злоу поущаютъ младенца: отецъ учить матку по щекамъ бить, а мать такожде учить отца бить, а иные и такіе отцы есть, что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть; и егда младенецъ за бородоу приметца, и тому отецъ вельми радуется. А когда мало повозмужаетъ младенецъ, и говорить станетъ яснѣе, то уже учать ево и совершенному сквернословію и всякому неистовствоу. И естли кто зря младенца неистовящаго речеть отцу или матери, чтобъ ево отъ таковаго безчинія унимали, и они отрицають, что де на него смотреть, онъ де еще малъ, а егда возмужаетъ, и самъ де онъ того творить не станетъ; что де ево учить, онъ де ничего не смыслить. И тако родители токмо плоть смертную раждаютъ, а бессмертную душу погубляютъ: и за самую свою хоудою и мало-временную утѣхоу дѣтей своихъ вѣчно смерти придаютъ; понеже егда кой отрочищъ изъ младенчества своего чесому навикнетъ, то съ тѣмъ нравомъ и до смерти пребудеть. Слышелъ я, что Крымскіе Татаро-

ве дѣтей своихъ ни за какіе вины не бьютъ, дабы они были боуявы и безстрашны; и сему вѣрить мочно, что сіе есть правда. Бude кой младенецъ въ грозѣ возрастетъ, той будетъ и до старости боязливъ, понеже страхъ въ немъ заростетъ и не изыдетъ, изъ него даже и до старости, и тако чегого ни навикнетъ изъ младенчества, съ тѣмъ и пребудетъ. И по сему явно, что отъ сего въ насъ всякое безстрашіе и безуміе раждается, что изъ младенчества намъ ученія доушепользнаго не бываетъ. Гдѣ то слыхано, что у насъ на путехъ, и на торжищахъ и при трапезахъ, наипаче же того бываетъ и во церквахъ, всякая сквернословія и кощунства и всякая непотребная разглагольствованія? другъ друга роугаетъ, другъ друга осуждаетъ и просмѣхаетъ; и не обрѣтается въ насъ ни знака Христіанскаго, кромѣ того, что токмо мы имянемъ словомъ Христіанъ; а чего ради и Христіанами нарицаемся, и что въ томъ рицаніи сила, того отнюдь не знаемъ же. Откудао же вся сія прозябоша, явъ яко отъ денаученія младенческаго. Всему же тому начало, еже священники у насъ въ Роуси не ученые: естли бы они были всѣ ученые, или и не ученые, да вся бѣ сія разоумѣли, то всячески бѣ дѣтей своихъ доуховныхъ на всякое благо наставляли, а о непотребствахъ бы запрещали; а то ни сами разоумѣютъ, ни насъ учать. А се и знать имъ и самимъ непочему, понеже въ книгахъ о семъ изъясненія полнаго и явнаго нѣтъ. И сего ради вельми, вельми надобно о семъ потщатися, дабы отъ неразоумія люди Божіи напрасно не погибали. И аще воля ваща святительская къ сему моему доношенію низходительна будетъ, то молю, да благоразоуміемъ своимъ даси намъ разоумѣть, какъ Бога знать, и какъ его чтить, и какъ его молить, и какъ Пресвятую Богородицу, и

какъ Ангеловъ Господьнихъ, и прочихъ святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять, и кои свѣщи идутъ въ честь самому Богоу, и кои токмо единому изображенію. Мнѣ, Государь! сіе зритца вельми неправо, что во церквахъ свѣщи поставляютъ всякой челоувѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы принесены изъ дому, а предъ церковныя иконы и двадцатые доли свѣчь не поставляютъ; а кои свѣчи и подають предъ церковныя иконы, и тѣ наипаче поставляютъ предъ образъ святаго Николая и прочихъ святыхъ, кто коего паче чтить, а предъ Спасителевою и предъ Богородичною иконами вельми мало свѣчь является, а въ иное время и безъ свѣчь бывають. И сіе зритца вельми есть безмѣстно, а сіе и того безмѣстнѣйши, и вельми ми забольно, что въ праздничныя дни свѣщами церковь предъ мѣлкими иконы домовными наполняютъ, отъ части и предъ мѣстные поставляютъ, и отъ множества свѣчь во церкви и въ трапезѣ возженныхъ свѣтъ великій возсіеваетъ, а во алтарь яко въ темницѣ темность великая бываетъ, и не токмо бѣ свѣща какая горѣла предъ престоломъ, но и предъ самымъ животворящимъ тѣломъ Христовымъ никакія свѣчки не бываетъ. И естли, Государь, сіе мое изрѣченіе добро, что у престола Божія быть свѣщамъ и предъ ковчегомъ, идѣже тѣло Христово лежитъ, то мнѣ ся мнить, что тѣ свѣщи пріятнѣе бѣ Богу были. И естли сія тако, то не хуудо бы туже ко исповѣди приписать и о семъ, дабы отцы доуховные на исповѣди дѣтямъ своимъ доуховнымъ и о семъ имянно наказывали, дабы паче тѣщалися свѣщи подавать во алтарь, а потомъ уже въ церковь предъ иконы. А на праздники и воскресныя дни всякой бы челоувѣкъ могоутно подалъ во алтарь свѣщю

алтынную, или грошовую, или копѣчную, а маломочно денежную, или и полоуденжную, а безъ того бѣ никто не былъ, еже по силѣ своей свѣчки во алтарь не подать.

И отъ всея своея души святость твою молю, Господа ради невѣжество мое презри, а на усердіе мое призри, и сіе назнаменанное древо въ нынѣ совершающіяся требники водрузи. Въмъ бо, вмъ, яко Богъ не обидникъ, не избидитъ тя во трудѣхъ твоихъ воздающе, но воздастъ и со излишествомъ за насажденіе сего малаго лѣторасльнаго древа; сподобитъ тя отъ многолѣтнаго и многоплоднаго древа жизни посреде рая насажденнаго прекраснаго и пресладкаго овоція вкусити, и въ некончаемыя вѣки насладитися! Аминь, аминь, аминь.

Молю же тя великаго Архіерея Божія паки, Господа ради не отрини сего моего доношенія, за необычное мое дерзновеніе, или за несложность письма. Ей неученый есмь человекъ, къ сему же еще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенныя ми отъ Бога ревности возжелалъ о сіихъ статьяхъ донести; понеже вижоу, что отъсюдоу погибаемъ, а помощи и спасенія ни откудоу не знаемъ. Хорошо бѣ по именованію нашему и житіе наше было, и чтобъ имя Христово въ насъ не хоулилось, но всячески бѣ прославлялось; тобы наша полезная честь, еже бы намъ всѣхъ окрестныхъ государствъ всякими добродѣтелями и добронравіемъ превзыти. И надеждоу о семъ имѣю на Бога несоумнѣнную, аще той водрузитъ во твое святительское сердце о сіемъ предложеніи прилѣжное тщаніе, то будетъ тако, яко надлежитъ быть. О Антихристѣ и велими многотрудно въ изъясненіе учинить, обаче егда

потыцался еси, и Богъ помогъ ти объяснить явно яко въ зеркаль. И естли, Государь! изволишь ради все-народные пользы означенные статьи по благоразоумію своему состроить, то многіе люди спасутся, вси бо яко отъ сна пробудятся.

Писавый убогій мирянинъ
села Покровскаго крестьянинъ } Иванъ Посошковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе съ изслѣдованіемъ о жизни Посошкова.	1
КНИГА О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ.	
ВСТУПЛЕНІЕ. Что есть скудость и богатство народное. Отъ чего онѣ происходятъ. Раздѣленіе на 9 главъ. Причины и общія понятія о каждой изъ нихъ порознь.	1
ГЛАВА I. О духовности. Состояніе духовенства. Отношеніе къ народу. Невѣжество. Необходимость въ руководствѣ, въ школахъ, испытаніяхъ, ученіи, книгахъ. О церковной службѣ, объ ересьяхъ. О качествахъ нужныхъ для священника, монаха. Какъ и чему священники должны учить мірянъ на духу и въ жизни. Сохраненіе духовенства. О десятинахъ. Невыгоды и неудобства ругъ и содержанія работою. Объ обезпеченіи духовенства. Больницы и богадѣльни. Состояніе Богослуженія. Какъ должно жить священникамъ. Объ ихъ одеждѣ и образѣ жизни.....	9
ГЛАВА II. О воинскихъ дѣлахъ. Недостатокъ жалованья. Дурное содержаніе. Самовольство. Недостатокъ въ управѣ. Необходимость въ равномъ судѣ, въ усиленіи ученія, въ добромъ оружіи. О прибавкѣ жалованья за успѣхъ. Объ ученіи стрѣлять въ цѣль. Доказательства неумвнія. Пѣхота и конница. Преимущества хорошо обученнаго войска. Морской экипажъ. Наказанія. Противъ суда равнаго равными.....	32
ГЛАВА III. О правосудіи. Важность правосудія. Что долженъ дѣлать судья по полученіи сего званія. О молитвѣ. Пересмотръ колодниковъ. Примѣры незаконныхъ поступковъ. Списки колодниковъ. Необходимость въ скоромъ рѣшеніи. Списки дѣлъ и средства къ ихъ скорѣйшему окончанію. Двѣительность судейская. Выписки изъ дѣлъ. Рѣшеніе подъячихъ. Рѣшеніе судей. Сравненія, и награды, наказанія подъячимъ. Пред-	

варительныя увѣщанія итцу и челобитчику порознь. Средства къ примиренію. Распросы и прочія мѣры. Очныя ставки. О ябедникахъ. Нелицепріятіе. О повальныхъ обыскахъ. О свидѣтеляхъ. Допросы, наказанія для нихъ. О повинныхъ. Какъ судья долженъ рѣшать дѣла. Судъ надъ богохульцами и разбойниками. Противъ волокиты. О гостинцахъ. Какъ слушать дѣла. Собраніе мѣвній. Пренія. О скръпахъ. О забраніи справокъ. Неудобства. О счетныхъ дѣлахъ и пріемахъ казенныхъ. Конфискаціи. Собраніе податей. О казенныхъ земляхъ. Необходимость въ новомъ уложеніи. Разпредѣленіе дѣлъ. Нужно созвать выборныхъ людей изъ всѣхъ сословій. Почему. Общее разсужденіе о всѣхъ статьяхъ, и поднесеніе Государю Императору на утвержденіе. Предварительныя опыты. Ровной судъ. Учрежденіе особой высшей канцеляріи надъ судопроизводствомъ. Жалованье судьямъ съ дѣлъ. Раздѣленіе дѣлъ и такса. Мѣры противъ взятокъ. Наказанія. Судьи изъ низкаго рода. Упадокъ правосудія въ Россіи. Вызовы дворянъ на службу. Отговорки. Мѣры противъ тунеядцевъ. - О бѣглыхъ крестьянахъ. Переманиванья. Недостатокъ новыхъ мѣръ, и необходимость въ иныхъ. О напрасныхъ челобитьяхъ. О нищихъ и о тюрьмахъ. Государственныя чиновники. Ихъ образъ жизни по городамъ. Необходимость въ большой дѣятельности. Надзоръ за общественною праздностью. Беззаконныя наказанія. О ссудахъ и взысканіяхъ.....

45

ГЛАВА IV. О купечествѣ. Важность купечества. Должно поддерживать и защищать оное. Свобода торговли. Должно запретить торговлю всѣмъ, кромѣ купечества. Противъ обмановъ купеческихъ. Мѣры. О сотскихъ и десятскихъ. О цѣнахъ. Какъ должно поступать съ иностранцами, и какъ опредѣлять цѣну нашихъ товаровъ. Чѣмъ принудить иностранцевъ къ согласію. Проценты за промедленіе. Необходимость

- въ нашихъ товарахъ. Описаніе товаровъ иностранныхъ и ихъ негодности. О тарифѣ. О цѣнѣ денегъ. Чѣмъ должны мы украшать себя. Противъ роскоши. Необходимость раздѣленій одежды по званіямъ. О щегольствѣ монашескомъ. Объ употребленіи иностранныхъ винъ. О табакѣ. О торговыхъ товариществахъ. 112
- ГЛАВА V. О художествѣ.** Должно ученикамъ выживать годы ученія у мастеровъ сполна. Объ открытіяхъ и изобретеніяхъ. Привилегіи и ихъ необходимость. Начальники надъ мастеровыми. Отвѣтственность. Дурное обращеніе съ мастеровыми. Объ иконописи. Заводы изъ домашнихъ произведеній. Какъ ихъ вести и усовершенствовать. Казенныя фабрики. Иностранные мастера. Занятія для нищихъ. Обзоръ разныхъ мѣстъ Россійскаго Государства для отысканія нужныхъ припасовъ и снадобьевъ..... 140
- ГЛАВА VI. О разбойникахъ.** Множество ихъ. Причины въ медленности суда. Мѣры противъ нихъ. Раздѣленіе народа — крестьянъ, господскихъ людей, и проч., для надзора въ полицейскомъ отношеніи. Начальники. Паспорты. Явка. Отвѣтственность. Наказанія за укрывательства, недонесеніе. О поимкѣ. Наказанія. Допросы. Рѣшенія..... 154
- ГЛАВА VII. О крестьянствѣ.** Причины дурнаго положенія крестьянъ. О ихъ праздности. Какъ строить деревни. Охраненія отъ разбойниковъ. Взаимная помощь. Должны учить дѣтей своихъ грамотѣ. Противъ истребленія лѣсовъ. Объ орѣхахъ. О рыбной ловлѣ. Отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ. Тяжелые налоги. Необходимость въ указномъ положеніи, почему помѣщикамъ брать въ крестьянъ. Должно помѣщикамъ собраться и опредѣлить всѣ поборы. Всего справедливѣе съ земли. Противъ подушнаго сбора. Свобода крестьянъ по выплатѣ оброка. Противъ лѣности. Что такое дворъ крестьянскій, какъ платящая единица. Мѣры противъ излишнихъ поборовъ. Принад-

лежность крестьянъ Государю. Объ отбираниі крестьянъ за излишніе поборы. Наказанія судей противъ потворства помѣщикамъ.....	171
ГЛАВА VIII. О дворянскихъ, крестьянскихъ и о земельных дѣлахъ. Противъ дѣленія земель жилыхъ и пустыхъ. Оцѣнка. Дѣлежъ деньгами. Общее межеваніе и установленіе неподвижныхъ межей. Какимъ образомъ. Наказанія противъ ослушниковъ. Опредѣленіе общаго поземельнаго сбора послѣ межеванья. Преимущества поземельнаго сбора. Учрежденіе для того особой Канцеляріи.....	191
ГЛАВА IX. О Царскомъ интересѣ. О бережливости. О корабельныхъ лѣсахъ. Важность. Освидѣтельствованіе. Клейма. Канатныя фабрики. Надзоръ. О сборѣ пошлинъ во внутренней торговлѣ. Мѣры. О соляной продажѣ. Свободная торговля. О питейномъ сборѣ. О свободномъ винокурениі. Вѣдомости. Средства. О таможенныхъ. Содѣйствіе промышленности. Необходимость въ одной повсемѣстной цѣнѣ на вино. Мѣры противъ злоупотребленія. О хмѣлѣ. О чеканеніи денегъ. О власти Государя въ отношеніи къ достоинству денегъ. 209 Заключеніе. Обращеніе и просьба къ Императору Петру I. 258	
ВОЯРИНУ ОИДОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ГОЛОВИНУ О РАТНОМЪ ПОВЕДЕНІИ.....	261
ОТЕЧЕСКОЙ ЗАВѢЩАТЕЛЬНОЙ ПОУЧЕНІИ ПОСЛАННОМУ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ВЪ ДАЛЬНІЯ СТРАНЫ ЮНОМУ СЫНУ.....	295
ДОНОШЕНІЕ ИВАНА ПОСОШКОВА МИТРОПОЛИТУ СТЕПАНУ ЯВОРСКОМУ.....	305
Къ сочиненіямъ Посошкова приложены три страницы снимковъ.	

